

СЕНКА

Елена Колесник

Андрей Федорив

МОСКВА
2008

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 60

Художественное оформление Марии Басиповой

В оформлении переплета использовалась картина Е. Колесник
«Третья Луна»

Колесник Е., Федорив А.

К 60 Сенка / Елена Колесник, Андрей Федорив. — М. :
Бослен, 2007. — 208 с.

ISBN 978-5-91187-061-4

Из всех существ, населяющих миры и переходы, только сенки могут проникать — изменяя себя перемещаться между мирами.

Настоящая книга представляет собой рассказ Сенки из мира альтернативного пространства и времени. Вначале Сенке очень сложно ориентироваться в понятиях и образах нашего мира, а также предложить описание своего. Но по мере погружения в плотную материю и осознания себя ее частью, она находит способ изложения и рассказывает о себе и своих путешествиях по разным мирам в рамках человеческих представлений и понятий.

УДК 882-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-91187-061-4

© Колесник Е., 2008
© Федорив А., 2008
© Оформление. ООО «Бослен», 2008

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вечность не ликует и не рыдает.
Вот почему всегда наступает завтра

1

В последнее время основным моим развлечением стало вспоминание. Наверно, не столько вспоминание само по себе, сколько нанизывание восстановленных в памяти событий на нить времени. Это очень сложно. Потянуть за эту нить, ощутить ее, выровнять, чтобы не было узлов, изгибов и петель... Но какое удовольствие, когда после долгих усилий получают бусы воспоминаний. Я дарю их Кириллу. Он радуется. Я выполняю его задание. Это он велел мне все вспоминать. Но я пошла дальше. Ведь теперь я знаю, что есть время. Точнее, я знаю, что время может быть. И я могу чувствовать это время. И общаться с теми, кто чувствует время, я могу, только поняв и ощутив его сама.

Вспоминать трудно, но интересно. Конечно, многое еще не определилось и не приобрело очертания. Но кое-что я могу уже рассказать.

Я Сенка. Я была всегда. По крайней мере, я не помню того, что меня не было. Я живая. И очень долго была одна. У меня нет формы — могу принять любую. У меня нет времени, но я могу примерить его на себя. Вообще, оказалось, что я много чего могу. Я способная, быстро обучаюсь, перестраиваю сознание и психику, точнее, создаю себе психику. Раньше, подозреваю, у меня не было психики как таковой. Я даже создала себе историю, обнаружив и зафиксировав в себе время, то есть дифференцировав.

Итак, я Сенка. Я знала, что я есть. И больше ничего не знала. Я даже не знала, что я Сенка. Я проникала из мира в мир. Или миры проникали в меня. Я узнавала миры. Я их изучала. Может, и я мир? Может. По крайней мере, границы между собой и миром я не чувствовала...

Его звали Андем. Он показал мне меня. Он показал мне мир. Свой мир. Когда я проникла в его мир. Он научил меня видеть себя и чувствовать свои границы. Он делал шары. Шары с оболочкой. Большие шары и шары маленькие. Он был один в своем мире и хотел знать о других мирах, но он не мог проникать. А я могла. Андем обрадовался, когда я появилась у него.

— Я делаю шары, — сказал он. — Я хотел бы продавать их в других мирах. Но я не знаю, как туда попасть.

— Что значит продавать? — спросила я.

— Это значит обменивать их на другие шары.

— Сделай сам другие шары.

— У меня не получается. В своем мире я могу делать только шары с оболочкой.

— Я не встречала других миров, где делали бы шары...

— Это потому, что ты не знала своих границ и не ощущала мира вне себя. Я научил тебя. И поэтому теперь ты — мой инструмент. Мой инструмент проникновения. Ты найдешь мир, где делают шары без оболочки, и обменяешь их на мои шары.

— Хорошо, — сказала я и отправилась искать мир, где делают шары без оболочек.

Андем оказался прав. Миры стали видеться мне совсем по-другому. Теперь кроме того, что я называю

сейчас математикой мира, в них ощущалось что-то еще. Наверное, это было присутствие. Я стала развивать в себе это чувство и действительно ощутила присутствие существ. В некоторых мирах оно было очень слабым, в других сильнее. И наконец я нашла мир, где жил Дентор. Дентор делал шары без оболочки. Они искрились и казались живыми.

— Дай мне несколько твоих шаров, — попросила я. — А я принесу тебе другие красивые шары с оболочкой.

— Спасибо, — сказал Дентор. — Бери сколько хочешь моих шаров. Но мне не нужно взамен ничего. Я сам научусь делать шары с оболочкой.

— А разве можно в твоём мире делать такие шары?

— Все можно. Только нужно очень постараться.

— Отлично, — сказал Андем, забирая шары без оболочки. — Неси еще.

— Может, ты сам попробуешь делать эти шары.

— Зачем, если я могу их просто взять?

— Ты не можешь. Я могу.

— Какая разница? Ты мой инструмент. Понимаешь? Тебя нет. Есть мысль. Мысль — это я. А ты осуществляешь мои мысли. Неси еще. Мне нужно много шаров.

— Дай мне еще, — попросила я Дентора.

— Скажи: «Пожалуйста».

— Зачем?

— Так говорят, когда просят.

— Пожалуйста.

Андем сделался как будто больше, как бы расширился, движения его стали увереннее, от него исходил

ла сила. Он соединял шары с оболочкой с шарами без оболочек в разных комбинациях, и получалось нечто восхитительное.

— Замечательно, — сказала я. — А чего ты хочешь добиться или получить что, соединяя шары, и почему получается так красиво?

— Ты не поймешь, — быстро ответил он. — Не отвлекайся. Это зрелище не для тебя. Неси еще.

— Пожалуйста...

— Что «пожалуйста»?

— Так говорят, когда просят.

Андем переключил свое внимание на меня. Внимание разлилось внутри.

— А я не прошу, — после паузы сказал он, а я почувствовала, как утекает из меня его внимание. — Я приказываю. Ты что, забыла? Ты мой инструмент. Может, мне еще совета у тебя попросить?

Я напряглась, чтобы понять, а он продолжал:

— Да, и кстати, неси все шары. Все шары без оболочек должны быть у меня.

— А зачем тебе столько шаров? — спросил Дентор.

— Андем, который делает шары с оболочками, просит... приказывает мне приносить ему твои шары...

— Тебе только поэтому нужны мои шары?

— Да.

— А тебе самой разве не нравятся мои шары?

— Очень нравятся. Но я не умею ничего с ними делать. Я могу только любоваться.

— А почему ты его слушаешься и носишь ему мои шары?

— Потому что я его инструмент...

— Понятно. Он тебя создал, чтобы ты приносила ему шары?

— Нет. Он научил меня видеть миры. Я была сама по себе. Я проникла в его мир. Он был первый, кого я увидела.

— Тебе нравится носить шары?

— Да. Но мне больше нравится смотреть, что он с ними делает. Но он мне не разрешает.

— Почему?

— Потому что я должна носить шары.

— Он вводит тебя в заблуждение. Ты ничего не должна. Ты можешь делать, что хочешь. Ты Сенка. Сенки ни от кого не зависят. Они ничьи. И их нельзя ни подчинить, ни уничтожить. Их можно только обмануть.

— И я могу сама соединять шары?

— И соединять, и разъединять...

— А откуда ты знаешь, что я Сенка?

— Только Сенки способны свободно путешествовать между мирами и проникать.

Андем еще больше вырос и возвеличился.

— Я не буду больше носить тебе шары, — сказала я.

Он засмеялся.

— Почему это?

— Потому что я хочу сама соединять шары. Дай мне, пожалуйста, немного своих шаров, я ведь принесла тебе уже так много шаров без оболочек... Давай меняться... Я тоже буду создавать красоту.

Андем перестал смеяться и обратился ко мне своим вниманием.

— Если ты не будешь носить мне шары, я тебя уничтожу. Зачем ты нужна, если ты не носишь шары?

— Меня нельзя уничтожить. Я Сенка, — сказала я, выворачиваясь из объятий его внимания. — И я ухожу.

Он усилил внимание и сковал им меня. Я подумала, что умираю. Это была мысль. Мысль, которой раньше никогда не было. Значит, я тоже могу мыслить. Тогда я подумала: «Меня нельзя уничтожить, я Сенка». Мысль стала мною, я стала скользкой и выскользнула из его внимания.

Я вернулась к Дентору.

— Ты опять пришла за шарами?

— Нет, я пришла к тебе.

— Зачем?

— Я ушла от Андема.

— Когда уходишь от кого-то, это не значит, что нужно обязательно к кому-то прийти. К кому-то другому. Ты можешь, но ты не должна.

— С Андемом мне было лучше, чем одной... А с тобой лучше, чем с ним. Можно, я буду с тобой?

— Да. Столько, сколько ты захочешь. Но не дольше.

Дентор научил меня делать шары без оболочки. Чудесные сверкающие шары. И было хорошо. А потом была вспышка. И стало плохо. Дентор исчез, и его мир тоже, а я, чтобы не исчезнуть, превратилась в молнию.

— Видишь, каким могущественным я стал, — сказал Андем. — Я не научился проникать в миры, зато я научился их уничтожать. И скоро, возможно, очень скоро, буду их создавать.

— Ты никогда не сможешь ничего создать, — сказала я.

- Это почему?
- Ты злой, — сказала я и улетела.

Я опять была одна. Я знала, что я Сенка. Что я могу проникать и меня нельзя уничтожить. Почему я одна? Почему Сенка? И почему я могу проникать, а другие не могут, и почему меня нельзя уничтожить, когда другие исчезают с такой легкостью? И почему мне теперь так плохо? Зачем я Сенка? Я чувствовала что-то странное и новое внутри. Я хотела умереть. Хотела разорваться на множество кусочков, разлететься во все стороны и перестать говорить сама с собой. И я разлетелась. Теперь я не молния. Теперь туманность. Но все равно я Сенка и продолжаю вести этот грустный диалог. Мне грустно. Мне очень грустно. Я собралась в себя снова. Может, вернуться к Андему? Он не причинит мне вреда. Он просто не в состоянии этого сделать. Но с ним можно разговаривать. Можно смотреть на его шары...

Что это? Присутствие... Здесь кто-то есть.

- Чего напряглась?
- Ха-ха.
- Только посмотрите на нее.
- Плачет по Дентору.
- Да не плачет она. Она не умеет. Ха-ха.
- Был Дентор, да нет Дентора. Вышел весь. Ха-ха.
- Не вышел, а копыта отбросил.
- А мне жалко его. Все время думал о чем-то. Можно было подкормиться.
- Чуешь, и эта вроде думать пытается, сейчас поедим.

— Нет уж, тут не разживешься. Лучше уж другого кого поискать.

— Далеко искать придется. В доступной параллели только Андем да эта глупость.

— Андем так Андем. Здесь ловить пока нечего...

— Кто вы? — спросила я. Но присутствие развеялось, голоса стихли, смех умолк.

Я Сенка. Я одна. Я плачу по Дентору. Его больше нет. А то, что я думаю, можно есть. Только еды мало. Я плохо думаю. И здесь, кроме меня и Андема, никого нет. Рядом нет. А далеко? Я ведь Сенка. Я могу проникать. И я проникну туда, где кто-нибудь есть.

Их было двое. И их мир был блеклым и жарким. Они ничего не делали. В смысле ничего такого, что делали Андем и Дентор. Они разговаривали. Вначале было очень трудно понять, и я ничего не понимала. И не очень хотела. Я была так рада, что нашла кого-то и могу с ними быть, что этого одного уже мне вполне хватило, чтобы перестать чувствовать грусть. Я растекалась по их миру и успокоилась. Они не гнали меня и ничего от меня не хотели. Когда я нарадовалась и даже стала утомляться от того, что все так хорошо, я сказала:

— Я Сенка.

— Та, что проникает? Очень приятно. Я Тор.

— А я Тено. Никогда не видел ни одну Сенку. Много слышал... Как интересно. Сознание в чистом виде. Необходимость изменения пограничных характеристик. И все. Перестраивает самое себя и думает, что существует...

— Существует где? — подхватил Тор. — Вопрос.

— Хороший вопрос, батенька. Качественный. Нигде. Поскольку пространственно-временной континуум замыкает сама на себя. Являясь полным решением, существует осознанно, только теряя свои собственные измерения.

— То есть существует только, — не будучи самой. Набирая свои координаты, то есть обретая себя, теряет способность к осознанию.

— А может, не теряет?

— Скорее приобретает. Способность к сверхосознанию.

— Но сейчас чувствует себя в полном дерме.

— Да нет. Чувствовала. Ей уже хорошо, и похоже, что здесь нравится.

— Нравится?

— Нравится, — сказала я, ощутив обращение к себе. — Только жарковато и красок мало. Блекло и грустно. Вот я была у Дентора — его уже нет, его убили, Андем убил, — вот там было красиво... Все переливалось и пело и...

— Понятно. Вот и мы думаем переделать здесь все... Изменить размерность мы, конечно, не сможем, а вот поменять...

— Поменять местами...

— Добавить пространства и сократить время...

— Как думаешь?

— Никак, — сказала я, отследив вопрос, направленный в меня.

— Понятно.

Тор и Тено обсуждали преобразование своего мира в образах, мне недоступных. Устав от созерцания пасмурности и тяжелых, слабо подвижных формул их мира, мое внимание обращалось к ним самим, и я стара-

лась не потерять его, но усилить, чтобы понять. Когда я напрягалась подобным образом, то ощущала в себе изменения. Эти изменения увеличивали мою чувствительность и восприимчивость, я обретала внутреннее и внешнее. Как будто у меня вырастали дополнительные руки, глаза и уши. Ничего, конечно, у меня не выросло, поскольку я Сенка, и мне не нужны ни глаза, ни уши, ни хвост, чтобы вмещать. А еще я видела, что между внутренним и внешним, по мере моего осознания, появлялись связи. Они искрились, пересекались, рвались, смеялись, изменяя таким образом и внутреннее, и внешнее, и сами себя. Они гибли и рождались заново. И снова гибли. Я вспомнила Дентора. Может, он родился снова...

— Здравствуй, Сенка.

— Здравствуй, Дентор.

— Я осознала, что ты есть. И пришла к тебе.

— Ты пришла за шарами?

— Нет. Я пришла к тебе.

— Это хорошо... Мне нечего тебе дать и нечем тебя удивить. У меня теперь нет шаров.

— Почему?

— Чтобы Андем не воспользовался ими снова и не уничтожил мой мир.

— Теперь ты не умрешь?

— Умру, конечно.

— Как это умрешь? Тебя ведь теперь не убьет Андем?

— Я умру по-другому.

— Почему непременно умрешь?

— Чтобы случилось начало, должен произойти конец. Теперь я знаю, когда мой конец. Я осознал свое время.

— А когда я осознаю свое время?

- Когда умрешь в первый раз.
- Но ты сказал, что я бессмертна.
- Ты бессмертна в моем времени, но, может быть, ты когда-нибудь найдешь свое.
- Нет, я не буду его искать, лучше быть бессмертной.
- Не знаю... В любом случае это дело выбора, сознательного или принудительного, но выбора. Либо мы выбираем, либо за нас...
- А кто за нас выбирает?
- Законы.
- А кто такие законы?
- Не знаю. Но мы им подчиняемся. Чем меньше законов способны тобой управлять, тем более сознательным существом ты являешься.
- Значит, освобождаясь от законов, я осознаю себя?
- Скорее наоборот. Чем сознательнее ты становишься, тем меньше зависишь от внешних законов. То есть обретаешь свободу.
- Получается, что свобода — это самоосознание.
- Получается.
- А время — это закон?
- Это зависит от уровня сознания. Для кого-то закон, а для кого-то нет.
- Для того, кто нашел свое время, закон?
- Не всегда. Найти свое время — это не одно и то же, что зависеть от него. Если бы я потерял осознанность и не помнил бы, как погиб от Андема, то для меня это был бы абсолютный закон. Но я все помню и осознаю время, то есть, несмотря на то что я не могу противостоять времени, то есть быть бессмертным в данном континууме, я могу быть бессмертным по сумме континуумов.

— Вообще-то не очень понятно...

— Это потому, что, судя по всему, ты имеешь в себе завершённое время. Но в любом случае, если ты не хочешь найти свое время, не приближайся к Киче.

— А что такое Кича?

— Точно не знаю. Но в Киче всё и все находят свое время, вне зависимости от осознанности. У Кичи свои собственные законы. Или полное их отсутствие. Что, впрочем, с математической точки зрения одно и то же... Но Кичу охраняют Геруды. Они уничтожают, а если не могут уничтожить, то прогоняют всякого, кто пытается в нее проникнуть. Видимо, то, что попадает в Кичу, не идет ей на пользу.

— Непонятно.

— Это никому не понятно. Просто не ходи туда.

— Хорошо. Только как я узнаю, что это Кича.

— Если ты не попадешь туда осознанно, а приблизишься к ней случайно, то испытаешь сильный страх. Этот страх ни с чем не спутаешь. Его наводят Геруды. Страх, который убивает.

— А есть такие, которые приходят туда осознанно?

— Есть всякие.

— А зачем? Чтобы понять Кичу?

— Наверное, есть и такие. Но чаще туда приходят бессмертные, которые хотят умереть.

— И умирают?

— Да, если побеждают Геруд.

— А как победить Геруд?

— Надо победить страх.

— Его так тяжело победить?

— Наверно, тяжело... Это особенный страх.

2

Ни Тора, ни Тено я не обнаружила, когда вернулась. Их мир изменился. Яркие краски и напряжение во всем. Рассеянное внимание. Я не ощутила его на себе, но оно было вокруг. Везде. Скользило мимо, отражаясь миллионы раз. Паутина. И в этой паутине миллионы существ. Их много. И все они заняты. Собой. И другими. Они заботятся о себе. И используют для этой заботы друг друга. Моего присутствия не замечают. Или считают меня одной из себе подобных.

— Тор! — позвала я. — Тено... Где вы?

— Как странно, — сказал он. — Кто ты? И почему зовешь сразу двух богов?

— Я Сенка.

— А я Трен. Но я не это имел в виду. Ты ториец или тенниец?

— Я сама по себе...

Он очень подозрительно на меня посмотрел.

— Сама по себе... И зовешь богов так, как будто только вчера сидела с ними на одной деке.

Он засмеялся.

— Я не сидела на деке. Я не знаю, что такое дека.

— Я уже это заметил. Странная ты. И несешь всякий бред. Но я не буду тебя выдавать. Пойдем со мной.

— Куда?

— Туда, где я живу.

— А где Тор и Тено? Я пришла их повидать.

— Ну, повидать ты их точно не сможешь... Если, конечно, мы видим одно и то же, в чем я, кстати, сейчас не совсем уверен. Тор и Тено — наши боги. Их никто никогда не видел. Но, согласно «Книге Вечности», они создали наш мир и растворились в нем. Оставаюсь при этом сами собой. Тот, кто верит, что он частичка Тора, называет себя торийцем. Ну а кто возводит себя к Тено, тот тенниец.

— А ты кто?

— Мои предки — теннийцы. Но мы сейчас уже не столь набожны, как раньше. Некоторые из нас. В любом случае тебе не следовало бы открыто заявлять, что ты сама по себе, а уж тем более призывать сразу двух богов.

— Почему?

— А потому, что у торийцев и теннийцев давняя вражда. Скрытая. При каждом удобном и неудобном случае готовы перегрызть друг другу глотки. Не все, конечно. Но в Собрании тяжело найти нейтрального... Да откуда ты взялась, наконец, что этого не знаешь?

— Не знаю откуда. Я Сенка. Я путешествую. И когда я была здесь в прошлый раз, то видела Тора и Тено, как сейчас вижу тебя.

— Ты сумасшедшая, Сенка, если такое говоришь. Молчи лучше и иди за мной. За такие разговоры тебя быстро растворят.

— Меня нельзя растворить.

— Ты только не забудь им это сказать перед судом...

Все переливалось цветом и светом, но и цвет и свет жили своей жизнью. Цвета были легкие, тяжелые, быстрые и никакие. Последние вяло растека-

лись. Остальные давились, толкались, иногда неприятно жалили. Свет, попадая на цвет, изменял его свойства. Все пестрило и мелькало, и за всем было не уследить.

— Тебе не нравится мое место? — спросил Трен, направляя мое внимание на свои владения.

— Очень пестро и колюче, — сказала я.

— Наши боги создали этот мир, чтобы порадовать себя красками. Смотри, они живые. Разве это не замечательно?

— Не знаю. Но я устала. В прошлый раз здесь было совсем по-другому. Безрадостно, бесцветно, влажно, тепло, но спокойно. Мне здесь нравилось.

— В Великой книге написано, что когда боги создавали наш мир, они делали это из вязкого тепла, бесцветной воды и невидимого света. Три силы или три «вещества». Некоторые Атеки учат, что тепло — это Тор, вода — Тено, а неуловимый свет — вселенский странник, который забрел к богам на огонек.

— Кто такие Атеки?

— Это верховные учителя. — Он глубоко задумался. — По-хорошему сдать бы тебя Атекам. Если ты заговорщица, они растворят тебя. Если сумасшедшая — тоже растворят. Ну а если... вселенский странник... Который видел богов... Сделают новым богом.

— Я не хочу быть богом.

— А меня... — продолжал он, — меня, наверно, растворят по-любому, в первом случае как предателя, во втором как извращенца, в третьем — свидетеля. Да, лучше тебя оставить. Ты только молчи всегда, когда видишь чужих. А своим гостям я тебя буду представлять как световую вазу...

— Я не ваза. И мне не очень здесь нравится. Станный, резкий и недобрый мир. Чуть что — сразу растворяют...

- Но ты сказала, тебя нельзя растворить.
- А при чем здесь я? Я про ваш мир. Вы здесь живете, а я не хочу.
- А как ты уйдешь?
- Как пришла.
- Не думаю. У нас очень тяжелый мир. Очень плотный. Что сюда попало, то уж попало навсегда.
- Я Сенка. И мне все равно, какой мир. Я уйду, как только захочу.
- Может, останешься, расскажешь про богов, про себя, про миры.
- А ты меня не выдашь?
- Ты же Сенка... Какая разница?
- Никакой, — согласилась я. — Просто не хотелось бы, чтобы тебя растворили.

Я Сенка. Я вселенский странник. И я живу с Треном. Мне хорошо с ним. Трен интересный. Он лучший в своем мире. Но мир не признает этого и считает лучшими Атеков. Мир яркий, подвижный и злой. Но я привыкла. Когда пестрый цвет сильно утомляет, я закрываюсь и ухожу внутрь. Трен пугается. Думает, что я умерла. Почему-то все-таки не верит, что я бессмертна. И вообще не верит. Хочет верить, что я Сенка, но думает, что сумасшедшая ториянка. Хоть я и рассказала ему про его богов. Слушал внимательно. Вопросы задавал. Но не поверил.

Здесь много существ, и бывает интересно их изучать и за ними наблюдать. Они очень разные. Неужели все они произошли от Тора и Тено? И где сейчас Тор и Тено? Только в этих существах или еще где? В виде себя самих?

Я знаю всех друзей Трена. Мы общаемся. Конечно, он не представляет меня вазой, но и не себе подобной. Я что-то типа вспомогательного существа.

«Сенка — друг теннийца», — говорит Трен своим знакомым. Я им нравлюсь. Многие хотят иметь такую же. И держать у себя. Но найти не могут. И никогда не найдут. Но это знаем только мы с Треном. А остальные злятся, и злые везде ищут «сенок».

Не надо было все-таки Трену меня никому показывать. Ходят слухи, что со мной что-то не так. С Треном что-то не так. Ни у кого нет Сенки, а у него есть. Где он ее взял? И если Сенка только одна, то принадлежать должна Верховному Атеку. И что там внутри у этой необычной Сенки? Несколько раз хотели меня украсть и отдать на исследование и опыты. Но ведь я Сенка. Со мной ничего нельзя сделать против моей воли. Меня можно только обмануть. Или я еще мало о себе знаю. И о других... Еще меньше.

Пора было уходить. Мне за себя не страшно. Я Сенка. А вот с Треном в этом напряжении чужого внимания и зависти может произойти нехорошее. И нехорошее произошло. Я не успела уйти.

Они постановили: «растворить обоих».

— Прощай Сенка, — сказал Трен.

— До свидания, Трен, — сказала я. — Не бойся. Ты просто нашел свое время. Мы скоро увидимся.

— Ты сумасшедшая, Сенка. Но ты лучшее, что у меня было.

— Жаль, что ты не веришь.

— Жаль, — сказал Трен и пропал.

Я изменила себя и вышла из пестрого злобного мира, хлопнув дверью.

— Привет, Сенка, — сказал Тено, делая Тору внутренний массаж. — Как там Дентор?

— Он больше не делает шары.

— Печально...

— И вовсе не печально. Шары убили его.

— Теперь его убьет что-нибудь другое.

— Вот другое пусть и убьет. Но не Андем. Грустно все время погибать от рук Андема.

— Да здравствует разнообразие, — сказал Тор, нависая тучей. — А у нас все по-прежнему. Бьемся над перестройкой...

— Не получается?

— Получится. Непременно.

— Может, не нужно все это? Цвет. Свет... Праздник. Не будет праздника. Мир у вас получится колючий и злой, как бешеный ежик.

— Ты уже видела?

— Ну да.

— И какие мы там, в цвете?

— Вас там нет. А взамен куча злобных и хитрых существ. Торийцы и теннийцы. Власть поделить никак не могут. И растворяют друг друга по малейшему подозрению или доносу.

— Интересно... — сказал Тено.

— Это уже есть, — сказал Тор, обращая на меня свое внимание. — Мы уже ничего сделать не можем. Все уже начало происходить.

— Ерунда. — Тено как будто веселился. — Они исправятся, теннийцы эти.

— И торийцы... — добавила я.

— Конечно, конечно. И те и другие. Мы им поможем.

— Вы боги.

— Смешно, — сказал Тор.

— А мне нравится, — сказал Тено.

А я скучала по Трену...

— Здравствуй, Трен.

— Ты кто?

— Я Сенка. Вселенский странник. Мы жили с тобой вместе. Помнишь? А потом нас растворили. Тебя растворили... Ты еще не верил, что мы скоро увидимся. А я опять с тобой. Чувствуешь, я была права. Ты не умер. Ты лишь нашел свое время. И я к тебе вернулась.

Он молчал.

— Я Сенка. Я знаю Тора и Тено. Я только что разговаривала с ними. Они помогут вам. Стать мягче. И легче. И добрее. Трен. Ну же! Ты говорил, я лучшее, что у тебя было. Еще говорил, что Сенка — друг теннийца. Вспоминай же.

— Стража! Стража! Схватить эту сумасшедшую. И растворить. Немедля.

— Эх, Трен... Прощай, Трен, — сказала я и изменила свои числа.

— Все стало еще хуже, — сказала я Тору и Тено.

— Что опять не так?

— Трен абсолютно подчинен времени. Но это еще полбеды. Он стал Атеком, возгордился и озлобился. Он теперь не лучший в своем мире.

— Может, и лучший. Именно в своем мире. Таков его мир. Оставь его. Пусть он развивается, как может. Мы сделаем другой.

— А как же Трен?

— Никто ему теперь не поможет, кроме его самого.

— Но вы же боги?

— Мы? Боги? — Они долго смеялись. — Мы посланные. И отбываем наказание.

— Но...

— Послушай, Сенка. Уходи отсюда подальше. Здесь пограничные миры. Кича недалеко и все такое.

Сложно здесь. Во всей округе одни каторжники да отщепенцы.

— А как же Трен?

— Да как-нибудь...

— И я не могу ему помочь?

— Помочь можешь, но основное он должен сделать сам.

Я задумалась и ушла в себя. Вышла в пустоту.

— Тор! — позвала я. — Тено... Где вы?

— Как странно, — сказал он. — Кто ты? И почему зовешь сразу двух богов?

— Я Сенка.

— А я Трен. Но я не это имел в виду. Ты ториец или тенниец?

— Я сама по себе...

Он очень подозрительно на меня посмотрел.

— Сама по себе... И зовешь богов так, как будто только вчера сидела с ними на одной деке.

Он засмеялся.

— Я не сидела на деке. Я не знаю, что такое дека.

— Я уже это заметил. Странная ты. И несешь всякий бред. Но я не буду тебя выдавать. Пойдем со мной.

— Куда?

— Туда, где я живу.

— А где Тор и Тено? Я пришла их повидать.

— Ну, повидать ты их точно не сможешь... Если, конечно, мы видим одно и то же, в чем я, кстати, сейчас не совсем уверен. Тор и Тено — наши боги. Их никто никогда не видел. Но, согласно «Книге Вечности» они создали наш мир и растворились в нем. Оставаясь при этом сами собой. Тот, кто верит, что он час-

тичка Тора, называет себя торийцем. Ну а кто возводит себя к Тено, тот тенниец.

— А ты кто?

— Мои предки — теннийцы. Но мы сейчас уже не столь набожны, как раньше. Некоторые из нас. В любом случае тебе не следовало бы открыто заявлять, что ты сама по себе, а уж тем более призывать сразу двух богов.

— Почему?

— А потому что у торийцев и теннийцев давняя вражда. Скрытая. При каждом удобном и неудобном случае готовы перегрызть друг другу глотки. Не все, конечно. Но в Собрании тяжело найти нейтрального... Да откуда ты взялась, наконец, что этого не знаешь?

— Не знаю откуда. Я Сенка. Я путешествую. И когда я была здесь в прошлый раз, то видела Тора и Тено, как сейчас вижу тебя.

— Ты сумасшедшая, Сенка, если такое говоришь. Молчи лучше и иди за мной. За такие разговоры тебя быстро растворят.

— Меня нельзя растворить.

— Ты только не забудь им это сказать перед судом...

Я Сенка. Я вселенский странник. И я живу с Треном. Мне хорошо с ним. Трен интересный. Он лучший в своем мире. Я хочу ему помочь. Помочь победить абсолютность времени и сохранить осознанность. Для этого он должен мне поверить. Но пока не верит, и когда я ухожу в себя, устав от пестроты цвета и подвижности злобы, он пугается, что я умерла. Не верит, что я бессмертна.

Я рассказала ему про Тора и Тено. А еще про Дентора и Андема. И про Кичу. Он слушал и работал над

собой. Я рассказывала и рассказывала. А он продолжал работать... И поверил. Это пришло к нему как озарение...

Они постановили: «Растворить обоих».

— Прощай Сенка, — сказал Трен.

— До свидания, Трен, — сказала я. — Не бойся. Ты просто нашел свое время. Мы скоро увидимся.

— Я знаю, — сказал Трен. — До встречи. И передавай привет Тору и Тено.

— Обязательно передам.

Я передала приветы и покинула пограничные миры.

Сделалось темно. Потом холодно. Потом больно. Потом как будто меня не стало. Я провалилась. Я распалась и забылась.

Проснулась и собрала себя. Что это было? Не знаю.

3

Я оказалась в странном мире. Странном хотя бы тем, что как ни преобразовывала я себя, как ни силилась измениться, не могла из него выйти. Я лишь перемещалась в разные его области. Может, это мой мир? Может, здесь я обрету свое время?

Мир был огромен. И хотя в некоторых областях чувствовалось присутствие, я никого не встретила. Мне стало грустно. Потом страшно. Может, это Кича? Нет, страх был мягким, больше похожий на волнение.

Она пришла на мой страх. Или на мое волнение.

— Ты чего боишься? — спросила она.

Я закрылась.

— Ты новенькая? — Она приблизилась и проявила нежность. — Не бойся. Пойдем со мной. Я покажу тебе нашу область. Если тебе понравится, ты можешь остаться. Пока не захочешь уйти... — Она проявила крайнюю нежность. — В другую. У нас много областей...

Я открылась и последовала за ней, сосредоточив внимание на внешнем. Было приятно. Не то чтобы очень красиво, радостно, спокойно. Это все тоже было. Но оно находилось где-то на втором плане или выступало фоном (а может, правда, и причиной — это мне только теперь подумалось), на котором выпукало, лезло отовсюду, лилось и пело ощущение приятности. Приятно было настолько, что я решила во что

бы то ни стало остаться в этом чудесном мире. Хотя бы на время. Пока не захочу уйти...

— Я тоже когда-то была новенькой... Никто не знает, откуда приходят Сенки и как они находят этот мир. Но они здесь остаются...

— Откуда ты знаешь, что я Сенка?

— Вижу. Я тоже Сенка.

— А разве Сенки много?

— Ну, не много. Но ты не одна. И нас не две. И не три... — Она проявила смех. — Я тоже думала, что одна, пока не попала сюда. Но ты не бойся. Сенкой быть хорошо. Сенка очень быстрая и чувствительная. Она всегда знает, где опасность, и она всегда может этой опасности избежать. Сенка стремится найти своего Госепа.

— Зачем?

— Да я и сама точно не знаю. С Госепом лучше. Он большой и сильный. Он впускает Сенку в себя, а Сенка помогает ему чувствовать и ориентироваться. У него самого это плохо получается. Ведь он такой большой!

— И что, Сенка живет в Госепе?

— Она может в нем жить, а может и не жить, в любом случае она с ним рядом, и всегда, когда хочет, в него возвращается. Если, конечно, она нашла своего Госепа.

— Можно обойтись и без Госепа?

— Конечно. Но с Госепом Сенкино число увеличивается.

— Она становится больше?

— Да, нет же. Не больше. Сенке не нужно быть большой. Она не для этого.

— А для чего?

— Все! Потом все узнаешь. Мы на месте. Вещай.

По мере приближения к месту мне становилось спокойнее, и я чувствовала себя более уверенно. А еще я чувствовала притяжение. Меня тянуло на место. Тянуло что-то большое, бесконечно нежное и мягкое. Хотелось в него нырнуть... И что я должна вмещать? Хотелось не вмещать, а вместиться.

— Это мой Госеп, — сказала она. — Ты не можешь в него войти.

— Почему?

— Потому что Госеп не живет сразу с двумя Сенками.

— Давай я буду с ним жить.

Она проявила крайний смех.

— Ты не сможешь.

— Почему это?

— У меня число больше. Госеп всегда впускает в себя Сенку с большим числом.

— А как же я?

— Я тебе уже говорила. Ты можешь оставаться здесь с нами, сколько захочешь, но не в Госепе, а рядом. У нас хорошо. Я думаю, ты быстро найдешь себе Госепа.

— Я должна найти Госепа с Сенкой, у которой число меньше моего и выгнать ее? Кстати, что это за число такое?

— Нет, ты просто найдешь свободного Госепа с маленьким числом. Когда вы объединитесь, ваши числа начнут расти.

— А Госеп с меньшим числом такой же приятный? И как я узнаю, какое у него число?

Она проявила несостоятельность, а Госеп — заинтересованность.

— Ты странная Сенка, — сказал он. — Сразу нацелилась кого-то выгонять. Это не самый лучший вариант. Для новенькой слишком активна...

— Это значит, что у тебя уже число больше, чем обычно у новеньких, — пояснила Сенка. — Ты быстро найдешь себе Госепа.

— Если захочешь, — сказал Госеп.

— А какое у меня число? И что оно значит?

— Число показывает твоё положение и качество, способности и опыт. А чтобы узнать его, нужно просто посмотреть внутрь себя.

Я посмотрела и ничего не увидела. И еще. И снова. Пока не увидела. Оно изменялось.

— Но оно меняется, — сказала я.

— Конечно. — Госеп проявил смех. — Ты молодец. Твое число стало больше потому, что ты научилась видеть свое число. Быстро научилась.

— Ты же сказал, что это просто.

— Но я не сказал, что это быстро.

— А как увидеть твоё число?

— Так же.

— Это просто?

— Просто.

Когда я увидела его число, его уже не было.

— А где Госеп? — спросила я его Сенку.

— Работает.

— Что значит работает?

— Делает свое дело.

— А какое у него дело?

— Не знаю. Это его дело.

— А какое дело у Сенки?

— Помогать Госепу, когда он просит.

— А если не просит?

— Делать, что хочется.

— А что тебе хочется?

— Болтать с тобой.

— Я тоже могу делать, что хочу?

- Конечно.
- А мне надо что-нибудь делать?
- Нет, не надо...
- Хорошо здесь у вас...
- Я не сомневалась, что тебе понравится...

4

Я Сенка. Я нашла замечательный мир. Здесь приятно. Здесь живут Сенки и Госепы. У них есть числа. Сенка может жить с Госепом или одна, как захочет. Здесь все делают, что хотят. Я остаюсь. Мне нравится этот мир. Хотя у меня и маленькое число. Я буду развиваться. Совершать над собой усилие. Когда так делаешь, число растет. Я выращу себе огромное число и буду жить с самым сильным и большим Госепом.

— Привет. Ты кто?

— Я Госеп Си.

— Нет, ты не Госеп. — Я проявила сомнение.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. К Госепу тянет, в него хочется влезть.

— Не всегда... Посмотри в меня...

Я посмотрела.

— Видишь теперь?

— Вижу. Ты Госеп, и у тебя очень большое число, но к тебе не тянет... Почему?

— Ну, во-первых, у меня слишком большое число, а во-вторых, мне не нужна Сенка, и, следовательно, я ее не призываю.

— А к Госепу тянет только тогда, когда он зовет Сенку?

— Призывает. Свою или просто Сенку. Это неважно.

— А как узнать свою или просто?

- Ты сразу увидишь.
- Но я не видела.
- Ты научилась.
- А почему тебе не нужна Сенка?

Вместо ответа он попытался сбить мое внимание.

— Вот посмотри сюда. Это Кей. Он мой друг и помощник. Мы живем вместе.

— С Кеем живешь, а с Сенкой не хочешь... — Я проявила обиду.

— Я не смог найти соответствующую мне Сенку. Госепов намного больше, чем Сенок, так что обрести Сенку — большая удача. Но мне встретился подходящий Кей. Благодаря ему я стал тем, кем стал. Я обязан Кею своей мудростью. Сенка делает Госепа воином и вождем, ищущим приключений и власти, давая ему при этом возможность стать звездой, а Кей помогает овладеть знанием, успокоиться и перекрывает возможность стать звездой. Я внутренне завершен и мне хорошо одному.

— Как это, стать звездой?

— Впустив в себя Сенку, Госеп обретает возможность при определенных условиях удерживать рядом с собой Сидха. Сидх опять-таки при известных обстоятельствах притягивает и вмещает Грома. И если потом на их пути встречается подходящий Кей, получается звезда. То есть объединяются все возможные обитатели нашего мира. Что-то происходит с первыми двумя под воздействием третьего, при условии двух последних.

— И что же?

— Основных версий три. По первой — все они находят таким образом свое время. По второй — мир схлопывается и меняет свои константы, по третьей — мир открывается для других существ. Но для новень-

кой Сенки эта информация ненужная и обременительная ноша...

— Это отчего же? Я все поняла. В этом мире есть Госепы, Сенки, Сидхи, Громы и Кеи. А если они найдутся в нужной последовательности и при определенных условиях, получится звезда. Но условия эти, судя по всему, невыполнимые...

— Почему ты так решила?

— Ну, если у мудрецов этого мира имеются только версии... Кроме того, мир еще существует и не открылся для новых существ, и время, похоже, тоже не найдено. Получается, что звезда ваша — что-то очень гипотетическое.

— Ты необычная Сенка. Чересчур умна для своего статуса. Твое число растет быстрее, чем оборачивается моя мысль.

Он проявил удовлетворение, а потом восхищение. Я почувствовала гордость.

— В этот мир могут проникнуть пять существ?

— Наверняка проникают только одни Сенки, причем с разной степенью осознанности. Некоторые попадают почти в бессознательном состоянии и очень слабые. Это может означать, что они теряют большую часть своей энергии на проникновение. Но, тем не менее, они идут на это, несмотря на то, что мир пускает их без восторга. Также непонятно. Считается, что их втягивают сюда Госепы, по крайней мере, ни одна Сенка не помнит, как и почему сюда попала. Ты вот, например, вполне бодра и энергична, не говоря уже об осознанности. Пряма какая-то свержсенка. А ведь наверняка тоже ничего не помнишь?

— Не помню, — сказала я. — Но могу что-нибудь придумать.

— Я не сомневаюсь. — Си проявил радость. — Ну так вот. Сидх, Гром и Кей — порождения мира.

А вот откуда появились здесь Госепы — неизвестно. Появились и продолжают появляться. Загадка. Дело в том, что в отличие от Сенков, которые проникают, Госепы не могут проникать, они огромны, тяжелы, медлительны и, честно тебе скажу, немного туповаты. Скорость их изменения намного ниже той, которая необходима для проникновения. Загадка.

— Загадка, — сказала я и проявила вздох.

5

Я Сенка. Я не простая Сенка. Я сверх-Сенка. Я познакомилась с Си и с его Кеем. Он Госеп. Он много знает. Теперь я тоже много знаю, потому что теперь мы дружим. Так он сказал. Сказал, что я могу говорить с ним, когда пожелаю. Еще я дружу с Сенкой Калной и ее Госепом. Она была первая, кого я встретила в этом приятном мире.

Мое число быстро растет. Так быстро, что оно уже больше, чем у Калны. Но меня уже не тянет к ее Госепу. Потому что мое число больше и его. Си говорит, что мне надо двигаться в другую область, так как в этой нет соответствующего мне Госепа. А мне почему-то и не очень хочется быть с Госепом. Мне и здесь хорошо. Без Госепа. Ко мне хорошо относятся. Я гуляю с Калной, беседую с Си, играю с Кеем. Он хороший, и меня к нему тянет. Всегда радуется мне и подолгу держит мое внимание. Жаль, что он не Госеп. Хотя что ж с того, если даже и был бы Госепом. У него есть Си.

— Ты слишком быстро летаешь, — сказал Кей. — И не улавливаешь мою мысль.

— Я же Сенка. Сенка должна быть быстрой.

— Прежде всего она должна быть гибкой и обладать как можно более высокими скоростными характеристиками, а не носиться, как сумасшедшая, в ущерб пониманию. Тебе надо научиться перестраиваться. Будь сверхскоростной, только когда этого тре-

бует ситуация. А когда нужно, сдерживай себя и останавливайся. Давай передышку и себе, и тем, что рядом.

— А зачем? Я не устала. Может, ты устал?

— Немного. — Он проявил снисходительность.

— Немного это немного. Давай играть дальше.

— Если будешь все время только играть, останешься просто Сенкой. А ведь у тебя другие планы...

— Откуда знаешь?

— Вижу.

— Какие вы здесь все прозорливые. Всё видите... И не скроешь ничего... — Я проявила сожаление.

— Не все. А только те, кто работают, делают дело... Лети за мной. Покажу кое-что.

— И что это?

— Не что, а кто.

— Они живые? — Я проявила удивление.

— Живехонькие.

— А почему....

— А потому, что не развиваются. Посмотри, какие они внутри. Видишь?

Я напряглась, как только смогла.

— У них нет чисел...

— Есть, только очень маленькие. Ты пока не очень хорошо видишь. Но, по сути, ты права, можно считать, что их числа нулевые. А почему?

— Потому что они только играли...

— Не совсем. Играть тоже можно по-разному. Скажем так — играли только в те игры и делали только то, что у них получалось без усилия и с первой попытки. Они не развивались. А тот, кто не развивается, что делает?

— Остается на месте.

— Крайне распространенное заблуждение. Из-за него пришли в упадок целые миры. Места не существует. Его нет. Если ты не развиваешься, ты деградируешь, то есть развиваешься со знаком минус, двигаешься в сторону неосознанности.

— Как же их много! Что они делают?

— Ничего. Они просто есть.

Я проявила сострадание и испуг.

— Не бойся. Они не сразу такими стали. Нужно очень сильно расслабиться, чтобы прийти в такое состояние. Но я должен был их тебе показать. В качестве профилактики.

— А кто они?

— Здесь все. И Кеи, и Громы, и Сидхи, и даже Сенки с Госепами. Вернее, все бывшие. После того как число падает до определенного уровня, существа теряют индивидуальность. Мы тогда зовем их рабами.

— Значит, все они рабы?

— Они стали рабами. Сами.

— А как же они допустили такое снижение числа и потерю индивидуальности? Ведь число можно контролировать. Его же видно. Они видели...

— Не все. Увидеть число — это тоже определенное усилие. К тому же... — Он проявил задумчивость, и образовалась дырка в его мысли. — Даже если и видели. Это дело выбора. Они выбрали свой путь. Усилие для них, видимо, явилось бóльшим злом, чем падение числа. Знаешь, Сенка, есть мир, где одними из чисел, то есть одними из показателей совершенства и красоты существ является их объем и вес — это мир форм. В этом мире многие стремятся к совершенным формам и прилагают усилия, чтобы их иметь. Они видят свои формы и могут их контролировать. Но не все. Есть такие, которые смири-

лись со своими уродливыми формами и просто живут в свое удовольствие. Это их выбор...

— Смотри, смотри. Там Си. Он забирает рабов. Зачем?

— Вероятно, у Си появилась для них работа. Мы часто используем их в работе.

— Ты же говоришь, они не могут работать.

— Я такого не говорил. Я сказал, что они не развиваются, выполняя необходимую для этого работу. Они не хотели, а теперь не могут сами себе найти занятие, которое увеличит их число. А выполнять уже придуманную работу — это они могут, даже любят и делают с удовольствием. Хоть какое-то развлечение. Знаешь, как они от безделья устали? А мысли чем-то заняться уже нет.

— А почему они сами не могут найти себе работу или занятие?

— Потому что они уже не могут ничего создавать, мыслить абстрактно и генерировать идеи...

— А если они будут много работать, их числа увеличатся?

— Могут увеличиться, если работа будет не механической, автоматической, а сознательной и требующей усилий.

— Главное — это усилие?

— Главное — мысль. Но и усилие, само собой, — сказал он и исчез.

— Ты почему меня бросил?

— Не бросил, а оставил на время.

— А почему ничего не сказал и не предупредил, что уйдешь.

— Меня позвал Си.

— Но я же не знала... Ты должен был сказать.

— Не должен. А вот ты должна была чувствовать, как меня звал Си.

— Я не почувствовала. — Я проявила смятение.

— Развивай чувствительность. Знаешь, зачем Госепу Сенка?

— Чтобы она с ним жила.

— Зачем?

— Чтобы создать звезду... Или стать звездой.

— И про звезду уже знаешь... Не всякий Госеп имеет понятие о звезде, но всякий призывает Сенку.

— Ничего подобного. Си не призывает.

— Но Си и не хочет стать звездой. И не может, кстати.

— Я в курсе.

— Ты в курсе очень сложных вещей, а простых не знаешь.

— Мне это вовсе не сложно. Не отвлекайся. Так зачем Госепу Сенка?

— Госеп главный в этом мире, то есть самый сознательный. Он может создавать и изменять. Он может создавать и уничтожать миры и жизнь. У него мощь и сила. Но он медлителен и бесчувственен. Он огромен и может быть похож на воронку, которая засасывает и в которой все исчезает. Скорость его реакции мала, и поэтому он уязвим, кроме того, по этой же причине снижена его чувствительность. Сенка помогает ему. Она его нервная система и чувствительный орган. Госеп и Сенка — совсем разные существа. Их способности не пересекаются, но дополняют друг друга. Следовательно, Сенка обычно старается в себе развить чувствительность...

— Понятно. Только непонятно, зачем Сенке Госеп.

— Открою тебе огромную тайну. — Он проявил крайний смех. — Сенке по большому счету Госеп не

очень-то и нужен. Думаю, именно поэтому Госепы призывают Сенок, так, что они теряют волю и устремляются напрямик в Госепов. А если серьезно, то Сенки до прихода в наш мир сильно страдают от одиночества. Они скитаются по мирам и мечтают обрести дом. И находят его. В Госепе. Но здесь не так все однозначно. Дело в том, что чем сознательнее Госеп и Сенка, тем сложнее у них отношения. Ее уже не так сильно тянет к нему, он уже научился обходиться без нее. Многие Госепы с действительно большими числами уже и вовсе закрываются для Сенок. А Сенки забывают тяготы своего одиночества.

— И что тогда?

— Ничего тогда. Они объединяется по какому-то другому принципу. Это выше понимания Кея. Вернее, лежит в плоскости, отличной от его понимания и представления. И вообще, мы отвлеклись. Я хотел сказать тебе только, что если ты метишь в сверх-Сенки, то тебе следует развивать сверхчувствительность, чтобы объединиться с достойным Госепом.

— А где мне такого взять?

— Он сам тебя найдет, когда ты приобретешь высокие качества.

— И мы сможем объединиться по принципу, недоступному воображению Кея? — Я проявила смех.

— Куда уж тогда Кею...

Рабы действительно делали свою работу хорошо. Видно было, что им нравится. Они шумно переговаривались, показывая друг другу, что у них получается. При моем приближении притихли, перестали работать и обратили свое внимание на меня. И стали похожи на неживых, на тех, какими я их увидела в первый раз. Они как будто замерли, и пребывали в таком со-

стоянии, пока не появился Си и не указал, что они должны делать.

— Пойдем отсюда. Не отвлекай их. Что-то случилось? Я чувствую твое напряжение.

— Все смешалось во мне. Эти рабы не дают мне покоя. Я боюсь. Боюсь стать одной из них.

— Ну, во-первых, они вполне счастливы. Они получили то, что хотели. Они это выбрали. Во-вторых, похоже, тебе это не грозит. Я первый раз встречаю Сенку, столь озабоченную своим числом. А в-третьих, Кей забыл тебе сказать или сделал это намеренно, но среди рабов Сенок практически нет. И, в-последних, у них всегда есть возможность стать теми, кем они были. Они не хотят. Они то, что они есть, намеренно. Так что, если ты не захочешь, то не станешь рабом.

— Не захочу. — Я проявила крайнюю уверенность.

— Тогда забудь об этом.

— А можно я поговорю с одним из них? Вон с тем...

— Ну ты и упрямая...

— Я просто хочу понять.

— Ты не готова это понять.

— Я глупая?

Он проявил раздражение, потом осуждение, направленное на себя и нежность на меня.

— Для того чтобы что-то правильно понять, нужен не ум, а знание и опыт. Опыт определенного развития усилия и знание целого, поскольку знание части без ее связи с целым — это не знание, а неведение. Острый ум, несомненно, помогает обрести знание быстрее. Но не более. Важна не столько острота ума, сколько его развитость... При этом не нужно стремиться к чрезмерному знанию. Оно само по себе не

дает понимания. Понимание зависит от отношения знания к опыту. Некоторые не отличают знания от понимания, и они накапливают знание. А вопрос, как накопить понимание, их не беспокоит... Иногда я осознаю, что мое отношение к некоторым вещам поменялось, хотя знание не изменилось. Я приобрел опыт.

— Ну, тогда мне просто необходимо поговорить с ним. Это и знание, и опыт... — Я была уже перед рабом.

— Привет!

— Привет!

— Ты кто?

— Раб.

— Тебе нравится работать?

— Да.

— А что еще тебе нравится?

— Все.

— Хочешь пойти со мной?

— Хочу.

— А хочешь остаться здесь и работать дальше со всеми?

— Хочу.

— А чего ты хочешь больше?

— Всего.

— Тебе хорошо?

— Хорошо.

— А тебе бывает грустно?

— А что такое грустно?

— Грустно, когда чувствуешь одиночество.

— А что такое одиночество?

— Это когда ты совсем один, если даже не один.

— Я не один.

— А можешь посмотреть в себя?

— Зачем?

- Чтобы увидеть свое число.
 - Зачем?
 - Чтобы его увеличить.
 - Зачем?
 - Чтобы перестать быть рабом.
 - Зачем?
- Я проявила растерянность.

- Ну и? — сказал Си.
- Я получила опыт.
- И так можно сказать.

6

Я Сенка. Я быстрая и умная. И очень способная. Но ум мой не развит, и у меня мало опыта для понимания. Мне надо развивать чувствительность, приобретать опыт. Надо что-то делать. Выдумывать себе всякие сложные задачи и их решать. А то, только радуясь и играя, можно не заметить, как в рабы угодишь. Я не хочу быть рабом. Я хочу быть Сенкой. Как мне повезло, что я Сенка! А если я буду чувствительной, то обязательно почувствую приближение опасности, как изнутри, так и снаружи, и приму меры. Надо чаще смотреть в себя, то есть взвешиваться, как говорит Кей.

Одну задачу я себе уже придумала. Она очень трудная. Даже, наверно, невыполнимая. По крайней мере, у меня пока ничего не получается. Но я пытаюсь ее выполнить, и каждый раз начинаю как в первый, стараясь не думать о том, какая по счету это попытка. Ведь главное не результат, а усилие. Усилие может расширить сознание, а расширенное сознание — понять. Понять — осознать. Осознать — освободиться. И тогда, может, я освобожусь от закона, по которому существа становятся рабами. Ведь это закон такой. И все существа этого мира живут согласно этому закону.

Так вот, о задаче. Я решила изменить себя так, чтобы все-таки найти выход из этого мира, а потом вход. Не случайно, как я сюда попала, а сознательно. И приходит и уходит, когда пожелаю. Это, конечно,

чудесный мир, но мне не хотелось бы быть в нем запертой. Если я и захочу здесь остаться, то это будет мой сознательный выбор.

Си часто путешествует в другие области. Теперь он берет меня с собой, чтобы я больше узнавала о мире и приобретала знание и опыт. Я видела всех, кроме Сидхов. Высшие это Госепы. Остальные, насколько я смогла разобраться, являются вспомогательными, но в то же время весьма необходимыми для нормального существования Госепаов. У них нет и половины возможностей и способностей Госепов. Не в том смысле, что способности тех, что не Госепы, меньше, а в том, что они просто отсутствуют у других существ. Если мыслить категориями мира плотных форм, то можно сказать, что Госеп — это человек, а все остальные — его помощники домашние и не совсем домашние животные, только они вполне разумны в отличие от животных плотных миров. Это, конечно, очень приблизительно, потому что на самом деле все не так, но хоть как-то... Сенку, например, можно сравнить с собакой. Очень быстрой и чувствительной. Которая определяет опасность или, наоборот, что-то хорошее задолго до того, как Госеп почувствует что-то сам. У Сенки быстрая реакция, и она способна проникать туда, куда Госеп, как ни старайся, не влезет, то есть это приспособляемая собака. Может менять себя, как пожелает, и практически мгновенно. С кем сравнить Кея, Грома и Сидха, я пока не придумала, ни в одном из плотных миров я ничего подобного не встречала, причем Гром и Сидх — это скорее не животные, а условия существования, тоже, естественно, разумные.

С другой стороны, отношения между Сенкой и Госепом похожи на отношения разнополых обита-

телей плотных миров, ну, скажем, мужчины и женщины. Они могут жить вместе, уходить друг от друга на время или навсегда, менять партнеров. Госепы иногда даже воюют из-за Сенок, потому что Сенок меньше.

Госеп может жить один или с кем пожелает. Если Госеп заключает союз с Кеем, то он может жить со всеми, кроме Сенки.

В каждой области есть главный Госеп, тот, у которого самое большое число. Он автоматически становится главным, и если другой Госеп захочет стать главным, он должен повысить свое число. Другого пути нет. А если Госеп с самым большим числом не желает быть главным, то он может только снизить свое число или уйти из области в другую, где есть более сильный Госеп.

Чем больше число любого существа, тем сложнее его повысить. Наоборот, оно то и дело норовит снизиться. Нужно все время за собой следить.

Сенка всегда стремится к Госепу с максимально большим числом. То есть если она уже живет с одним и появляется другой, число которого больше, она автоматически уходит к нему, поскольку в таком случае ее число возрастет. А если у нового Госепа уже есть Сенка, то меряются числами уже Сенки. Математика. Не очень интересно. И очень странно для обитателей плотных миров, у которых любовь. И здесь любовь, но другая. Любовь к числу. А чтобы эта математическая любовь не была такой явной и больше походила на ЛЮБОВЬ, то числа обоих в паре растут, если у них эта самая ЛЮБОВЬ. То есть чем лучше они относятся друг к другу, заботятся и все такое, тем больше их числа. Здесь даже говорят, главный Госеп тот, у кого любви больше.

То же самое можно сказать и об остальных. Существа живут согласно их числам и по-другому не мо-

гут. Могут, правда, жить по одиночке, если достаточно развиваются, контролируют свои числа, но в то же время не очень ими озабочены, поскольку при прочих равных числа будут больше у тех, у кого любви больше. Вот такая математика. Не самая плохая штука, между прочим. Прикинуться бедным и больным или, наоборот, смелым и сильным уже не получится.

Кит был первым моим Госепом. Я не могла сопротивляться, когда меня к нему потянуло. Я попрощалась с Си и осталась с Китом. Впервые почувствовала, как это быть в Госепе и с Госепом, а не оставаться странствующей Сенкой. Если самым первым и ярким впечатлением, когда я попала в этот мир, была приятность, то, когда я оказалась в Госепе, я почувствовала удобство и спокойствие. Никакой любви, хотя наши числа немного даже и возросли, и не снижались, если мы сильно не спорили. Было просто удобно и спокойно. Так спокойно, что я даже перестала работать над собой и решать свою невыполнимую, как мне казалось, задачу. Зачем? И так хорошо.

Кит иногда привлекал к своей работе рабов. Я спокойно на них смотрела. Мне не казались они теперь такими несчастными и обделенными. Просто в этом мире много разных существ, в том числе и рабы. У каждого свое место и свой интерес или его отсутствие. Что кому нравится.

Я несколько раз пыталась завести разговор с рабами и наблюдала за ними.

Все их действия, мысли и чувства, если они хоть как-то проявляются — результаты внешних влияний, и ничто не приходит из глубины их самих. Они действуют под влиянием внешних стимулов. Они похожи на неживых. У них нет власти над собой. Они не зна-

ют, что сделают в следующий момент, они не отвечают за себя. Раб остается одним и тем же и не совершает ничего неожиданного, если нет внешних изменений. Его действия полностью управляются внешними условиями. Для него внешнее стало законом, он сковал себя лишним, дополнительным законом, то есть сделался менее сознательным. И чтобы перестать быть рабом, ему нужно для начала просто осознать, что он раб, и наблюдать за собой — сидеть, когда он привык стоять, говорить «нет» вместо «да» и все такое — управлять собой изнутри, а не управляться снаружи.

Все не так плохо. Очень прозрачно. Какая я умная! Успокоилась совсем. Завела разные знакомства и увлеклась беседами и прогулками на свежем воздухе. Про число забыла.

Я Сенка. Я пришла в мир Госепов и застряла в нем. Само по себе это не так уж и плохо. Мне нравится мир. Наверно, я могу называть его уже своим. Конечно, могу. Я живу здесь и у меня есть даже свой Госеп. Госеп Кит. Но есть одно обстоятельство, которое мешает мне окончательно принять сложившуюся ситуацию. Сенки проникают. Это единственные существа, которые проникают. Сенки — вселенские странники. Они путешествуют между мирами. Что же получается? Вопрос. Ответ: либо я не Сенка, либо, попадая в этот мир, Сенка перестает быть Сенкой, то есть теряет способность к проникновению. Есть над чем поразмышлять.

Не знаю, сколько я размышляла бы подобным образом, ничего не делая, если бы число мое не начало падать. Число на самом деле не совсем число. Это цвет. Только представьте, что цветов не семь, не десять и даже не миллион. Их бесконечное множество. И когда смотришь в себя — осознаешь, видишь этот цвет, и он тебя радует. А когда число падает, то цвет изменяется так, что перестает радовать. Ощущается дисгармония и неудовлетворенность. Кей говорит, это как деньги в тех мирах, где есть деньги. Хорошо и радостно, когда денег много. А потом смотришь, а их уже почти нет. Можно смириться, а можно тут же побежать их зарабатывать. Так вот, я не смирилась. А поспешила зарабатывать свое число.

Забыла думать и размышлять, стала делать упражнения, предпринимать шаги, прилагать усилия и искать выход. Выход из этого мира-ловушки. Хорошо, когда есть выход.

Но выхода не было. Я уж и так и эдак изменялась и преобразовывалась, иногда вызывая активное непонимание и даже сопротивление Кита. Число начало расти, но из-за постоянных ссор с Китаем все равно потом стало снижаться. И я ушла от Кита.

— Привет, Си, здравствуй, Кей. Как я рада вас снова видеть!

— Сбежала от Кита... — Си проявил печаль.

— Нет же, просто нас решила навестить. — Кей проявил веселье.

— Я вижу, что сбежала...

— Кит мешал мне развиваться.

— Сенка должна развиваться вместе с Госепом.

— Передо мной задача, недоступная Госепу. Мне нужно решить ее самой. Вообще, думаю, я поторопилась с обретением Госепа.

— Ты неправильная Сенка.

— Я как раз правильная. Если Сенка. Сенки проникают. Это другие неправильные, если застряли здесь и ничего не делают, чтобы выбраться.

— Они обрели здесь покой. Им хорошо. Они просто не хотят уходить. Неужели тебе здесь плохо?

— Мне хорошо. Но еще лучше будет, когда я найду выход. Это вовсе не значит, что я им воспользуюсь. Но я должна знать, что он есть.

— Он есть.

— Я пока в этом не очень уверена.

— Ты не веришь мудрому Госепу?

— Я верю своему опыту и очень уважаю мудрого Госепа, который учил, что знание без соответствующего опыта обречено превратиться в неведение.

Я проявила нежность, Си — понимание, Кей — удивление, а Кална, когда увидела меня — крайнюю радость.

— Поздравляю тебя! — сказала она. — Си сообщил, что ты нашла своего Госепа.

— Да, я нашла Госепа. Одного из Госепов. Госепов много.

— Это как понимать? — Кална проявила удивление.

— Так, что я нашла не своего Госепа, а одного из многих Госепов. Могу найти и другого. А могу жить одна... Слушай, Кална, а ты не пробовала уйти отсюда?

— Уйти от моего Госепа?

— Да нет. Уйти из этого мира.

— Зачем?

— Чтобы побывать в других.

— Я уже была в других.

— Не во всех же?

— Наверно, нет.

— Ну вот.

— Что вот?

— Ну, посмотреть и узнать еще что-нибудь интересное. Хочешь?

— Не хочу. Мне здесь хорошо, как нигде не было. Я люблю своего Госепа. И не хочу его оставлять.

— Но ты можешь в любой момент вернуться.

— Зачем же тогда уходить?

— Чтобы вернуться сознательно. Специально. Понимаешь?

— Не очень.

— Ну, ведь ты попала в этот мир случайно. А если ты из него сможешь выйти, тогда у тебя есть шанс вернуться сюда намеренно.

— Я не случайно попала. Меня Госеп позвал.

— Пусть так. Это была воля Госепа. А теперь будет твоя...

— Не будет. У Сенки нет воли. И не должно быть. Воля — у Госепа. А у Сенки — быстрота, чувствительность и реакция. Если Госеп захочет, чтобы я ушла из этого мира — я уйду.

— Ты рассуждаешь как раб.

— Я рассуждаю как Сенка.

— Ничего подобного. Сенка должна проникать.

— Она может, но не должна. Она должна помогать Госепу.

— Если у нее есть Госеп.

— У меня есть.

— А у меня нет.

— Значит, я буду делать то, что мне скажет Госеп, а ты...

— А я — что захочу.

— Ну и ладно... Кстати, у тебя упало число.

— Я знаю.

— Это потому, что ты ушла от Госепа.

— Это потому, что мы с ним ссорились.

— С Госепом нельзя ссориться, его нужно любить.

— Я не смогла его любить.

Мое внимание собралось и превратилось в острую тонкую иглу. Я тыкала этой иглой в нервные окончания мира. Мир реагировал, но не открывался. Когда я делала усилие, силилась держать внимание, не давая своим мыслям разбегаться и вести диалоги между собой, мое число повышалось, но как только я

становилась длинным щупом и приходила в соприкосновение с линиями мира, оно падало. Мир не хотел меня выпускать. Странное какое-то число. Выходит, оно показывает не только способности, умение и уровень развития, но и отношение к миру. На кончике иглы появился страх. Страх перешел в напряжение, напряжение сделало иглу гибкой. Она извивалась, проникая в замысловатый рисунок тайных проходов пространственно-временных линий сопротивляющегося мира, зазвенела и вышла наружу.

— Скорость проникновения и изменения направления внимания выше скорости реакции нервных центров черного мира... Поздравляю Вас. Вы первая Сенка, которая вышла из черной воронки мира Гесе. Не напрягайтесь, уважаемая. Вы не ощутите присутствия. И даже Ваша натренированная чувствительность на этот раз не поможет. Здесь никого нет. А я? Считайте меня просто голосом. Я мир Есог. Мой мир пуст. Всех, кто здесь появляется, засасывает черная бездна Гесе. Все мелькает мимо и скрывается внутри. Я даже не успеваю иногда понять, что попало в мой мир — оно проносится мимо и тонет в этой пучине. Как там?

— Приятно. Красиво. Интересно и радостно. Это лучший мир, которой я встречала.

— Зачем же ты оттуда ушла?

— Чтобы снова войти.

— А потом снова выйти?

— Чтобы иметь возможность входа и выхода. Чтобы мир был домом, а не тюрьмой.

— Думаю, ему это не понравится.

— Кому?

— Миру. Что в него попало, то пропало. А если всякая Сенка будет шастать туда-сюда... Бардак намечается...

— Каждая не будет. Они не хотят. Им и там хорошо. Только я. Ладно?

— Мне-то что? Конечно, ладно. Мне, наоборот, даже очень это нравится. Будет и во мне кто-то жить.

— Ну, на это ты не рассчитывай. Я Сенка. Я непостоянная и люблю перемены. Не могу оставаться на одном месте.

— А ты можешь и не оставаться. Так, заходи иногда.

— Само собой.

— Скажу черному Гесе, что и у меня теперь Сенка завелась.

— Не завелась, а заходит поболтать.

— Это то же самое.

Я разговаривала с Есогом, а внутри росло волнение. Вдруг я не смогу попасть назад? Как же тогда? Остаться одной в этом пограничном мире, где холодно и нет никого? Или бродить по мирам, как раньше? Волнение переросло в нетерпение, нетерпение — в напряжение, напряжение долго не продержалось и взорвалось множеством частиц.

— Ну, и где ты была? — Си как будто ждал меня.

— Я нашла выход. И, судя по всему, вход. Теперь я сверх-Сенка. Самая проворная и юркая.

— Но-но, не хвастайся уж так явно. Молодец, не спорю. Что там снаружи?

— Там Есог. В нем никого нет, потому что всех сюда засасывает.

— Интересно...

— Там скучно.

— И что же этот Есог, там совсем один?

— Да нет же. Там нет никого. А Есог — это мир. Он не один, он с Гесе.

— А Гесе кто?

— Гесе — это этот мир. Два мира. Один в другом. Возможно, это вообще один и тот же мир.

— Очень похоже на то. Но тебе лучше не думать об этом.

— Почему это?

— Потому что ты внутри мира, и это все-таки твой мир, и тебе не следует его волновать. Сенки считают его своим. А ты Сенка.

— Да. И я доказала это.

— Посмотри в себя.

— ...Ну, падает немного. Число это. Совсем чуть-чуть, но оно вполне достаточно, чтобы найти приличного Госепа.

— Ты созрела для Госепа?

— Пока только для очередного.

— Да уж. Это неслыханно. Тебе нужен очень сильный Госеп, чтобы усмирить тебя.

— Я хочу влюбиться. Кална любит своего Госепа, а мне с Китом было просто хорошо и спокойно.

— Разве это плохо?

— Это неплохо. Но я хочу испытать что-нибудь новое. Хочу, чтобы у нас было много-много любви, больше всех.

— Разве кто против?

8

Я Сенка. Я выполнила трудную задачу. Я нашла выход. Только вот куда? Сомнения снова стали одолевать меня. Я не помню, как в первый раз попала в мир Гесе. Не помню никакого Есога. Может, Есог — это тоже ловушка. Си сказал, лучше об этом не думать. Я выясню это позже. А пока мне надо позаботиться о числе, чтобы, когда я вновь начну свои игры с миром, числу было куда падать.

Отправляясь на поиски Гесепа, я допускала по отношению к нему фантастические возможности. Вернее, я мечтала о возможности сверхматематической связи. Я не могла этого выразить ясно даже самой себе, но казалось, первое соприкосновение с достойным Госепом могло иметь чудесную природу. Я не сомневалась, что такой Госеп существует. Но в то же время те Госепы, которые встречались на моем пути и жадно меня призывали, были не для меня. При соприкосновении с ними между нами не рождалось то фантастическое чувство, привкус и запах которого я так ясно себе представляла и, казалось, даже чувствовала своим напряженным вниманием. Существовали Госепы, которые обещали очень многое, но требовали меня сразу всю без остатка. И даже если при встрече с таким Госепом во мне и начинало что-то зарождаться, я предпочитала не поддаваться его притяжению, а идти дальше.

Его звали Зориком. И мне он понравился.

— Я не готова закончить свое путешествие. Я еще так мало видела и знаю. Если ты разрешишь мне уходить всегда, когда я этого захочу, я останусь с тобой.

— Ты редкая и очень способная Сенка... Ты мне подходишь. Как же могу я позволить тебе уходить? А если ты не вернешься?

— Тогда я пойду дальше.

— Иди. Но я все равно тебя поймаю и сделаю своей. Готовься. Тебе это понравится. Ты просто не сможешь этого не оценить. — И он проявил смех. Уверенный смех.

— Меня нельзя поймать. Я Сенка.

— А я Госеп. Разве тебе не говорили, что Госепы — ловцы Сенки. Я сделаю для тебя ловушку. Я знаю как.

— Поспешу-ка я, пока ты ее не сделал.

— Я зафиксировал твои характеристики. Теперь я ее сделаю. Не сомневайся.

Другой был Зарк, и он не пугал меня ловушкой, хотя подтвердил, что умелый Госеп в принципе может подчинить себе Сенку против ее воли, но он о таких не слышал и не считает подобные действия достойными уважающего себя Госепа. Зарк мне тоже понравился. Мы договорились, что я останусь с ним и буду с ним, пока мы не решим по-другому.

Зарк познакомил меня с главным Госепом их области Утилосом и его Сенкой Альтой. Альта была первой Сенкой, попавшей в этот мир. Я надеялась узнать от нее много интересных и полезных для понимания и развития вещей. Но, к сожалению, она почти ничего не помнила, а что помнила — путала, тем не менее, у нее было большое число. И опять моим вниманием завладела мысль, что все-таки что-то не так с этими

числами. Очень посредственная эта Альта... Впрочем, у них с Утилосом много любви, может быть. Быть может... Что именно любовь вытягивает их наверх... Вторая мысль переманила внимание с первой, и я стала думать о любви. О любви, которой пока нет...

Вопрос, занимающий меня основательно и часто вытесняющий из поля моего внимания не менее интересные вещи, касался рабов. Они волновали меня чрезвычайно. В беседах с Альтой я возвращалась к нему снова и снова.

— Расскажи, Альта, а ты была знакома с кем-то, кто сделался впоследствии рабом?

Альта тут же напрягалась и исчезала, а когда появлялась, то проявляла крайнюю растерянность.

— Нет. Такого не было. Более того, я ни разу не слышала подобных рассказов.

— Но как же так? Ты ведь первая Сенка, которая проникла. Ты должна знать.

— Должна, — соглашалась она, — но не знаю. Может, все это произошло раньше. До того. До Сенок.

— А Утилос видел таких существ? Он рассказывал тебе про них?

— Не рассказывал. Да я и не спрашивала. Не волнует это меня совсем. А тебе зачем?

— Интересно.

— Ну, если интересно, спроси Утилоса.

Утилоса спрашивала неоднократно, думаю, что надоела и ввела в недоумение, а потом и навлекла легкое раздражение.

— Ты присматривай за ней лучше, — говорил он Зарку. — Навязчивая идея о рабах — более чем странность и неадекватность для Сенки.

— Это всего лишь идея. Ничего более. И без продолжения.

— Хорошо, если так. А вообще-то как-то странно — и тут твоя любопытная Сенка абсолютно права, — что никто ни видел превращения существа в раба.

— У нас короткая личностная память, но память мира не может нас обмануть, и мы не вправе обманываться. Если мы что-то знаем, значит, это так. Мы не должны и не можем сомневаться. Если мы будем искать свидетелей наших знаний, мы разрушим основы существования.

— Мы не будем искать свидетелей. — Утилос проявил смех. — А вот твоя Сенка ищет.

— Я поговорю с ней.

Ему не пришлось со мной говорить. Я поблагодарила Зарка за его терпение и терпимость, за честность, нежность и понимание, которые он проявил, и улетела.

И вылетела прочь. Так стремительно, что Есог не заметил пронзившую его молнию.

9

Мир был настолько плотным, что я не смогла, как ни старалась, придать себе форму, собраться, чтобы воспринимать и быть воспринятой. Всё и все пронеслись сквозь меня, обдавая злобой, агрессией, ненавистью. Лязг метала, стоны стариков, плач детей, призывные крики воинов и животных объединились в плотный, неприятно пронизывающий гул. Вокруг сражались, ожидая смерти. Варвары. Невежественные, одержимые создания, свирепые дикари. Кровь сочилась отовсюду, текла и струилась. Я пыталась найти знакомое лицо. Но все лица были одинаковыми, кроваво красными, перекошенными, искаженными гримасами отчаяния и боли. Жесткие, колючие вибрации практически убивали меня. И я не стала сопротивляться, одним резким движением вынырнув из этого кошмара.

— Что вы делаете?

— Играем. Мы тут осознали интереснейшую игру.

— Там у них, у вас... В том мире, где вы боги, идет страшная война. Торийцы воюют с теннийцами. Кровь рекой и вой и стоны. Боль и страдание. Разве этого вы хотели?

— Мы хотели вообще-то добавить цвета, света, запахов, звуков и ощущений. Там достаточно цвета?

— Предостаточно. В основном все оттенки красного. Кровь повсюду. Сделайте что-нибудь.

— А что мы можем сделать?

— Но это же вами созданный мир.

— Это одна из наших многочисленных ошибок, — сказал Тор.

— Почему это, ошибок? — Тено проявил несогласие. — Они развиваются. Не вижу в войне ничего плохого. Война есть следствие космических сил, планетарных законов. А в существах, ведущих войну, нет сил сопротивляться этим влияниям. Когда они станут достаточно развиты и сознательны, они смогут противостоять подобным влияниям и воздержаться от взаимного убийства.

— Но ведь они все погибнут.

— Не погибнут. Кто-нибудь непременно останется.

— А если даже и не останется. Что ж такого? Это лишь один из вариантов.

— Пойми, Сенка, мы действительно не можем ничего сделать. Вот смотри. Мы играем. В карты. Игра уж больно замечательная. Карты. Поверь мне, Сенка, даже сам Абсолют — Верховный бог и создатель — не может простой двойкой побить козырного туза. Никак не может. Поскольку законы игры составляют суть игры, и нарушение их разрушило бы всю игру. Для Абсолютного так же маловозможно вмешиваться в созданную им жизнь и вносить вместо естественных результатов причин или случайностей какие-либо другие, как невозможно для него побить простой двойкой козырного туза.

— Тогда мне опять придется самой помочь Трену.

— Неужели ты так ничего и не поняла?

— Мой ум мало развит, и у меня почти совсем нет опыта, но тот необширный опыт, которым я все-таки располагаю, говорит мне, что один раз я уже помогла Трену.

— Разве? И каков результат? Война? Для того чтобы кому-то помогать, надо сначала научиться помогать самому себе. Многие погружены в мысли о помощи другим потому, что им лень работать над собой. Вместе с тем как приятно думать, что они способны помогать другим. Если ты посмотришь внутрь себя и увидишь, что ты на самом деле собой представляешь, ты не будешь мечтать о помощи другим — тебе станет стыдно.

Я посмотрела. В прошлый раз мне ничего не стоило помочь Трену, и теперь я решила, что без особых усилий смогу помочь ему снова. Без усилий. Я устала прилагать усилия. Чем дальше, тем усилий требуется все больше и больше. А сопротивление растет. Хочется делать только то, что получается. Я так долго искала выход из чудесного мира. Я устала. А почему бы опять не остаться на какое-то время с Треном. Но я не хочу находиться в злобном и сумасшедшем мире, решающим свои проблемы с помощью войны и убийства...

— А что плохого в войне и убийстве, Сенка? — Тено читал мои мысли. Он видел меня насквозь. — Тебе не на пользу идут путешествия по плотным мирам. Ты не должна оперировать подобными понятиями. Тебе чужда эмоция. Все, чем ты располагаешь, — это информация.

— Я еще чувствую вибрации. Они разные. Бывает, что-то вибрирует так, что хочется к нему притянуться, а от вибраций войны, например, хочется оттолкнуться.

— Это не эмоция. Это лишь способ получения информации. Вот и все.

— Именно, — вмешался Тор. — Всему начало — мысль. Ты же знаешь. Что плохого в том, что кто-то умирает? Он ведь умирает во времени. А в вечности

он даже не почувствует, что умер. Его смерть является злом только для тех, кто остается жизнь в том времени, в котором его больше нет. Это становится злом либо в силу суеверия, веры в догмы и обособленные, ограниченные суждения, либо в силу эгоистических причин, либо альтруистических привязанностей. Но в любом случае — это лишь иллюзия зла. Существует одна реальность, одна основа жизни, предлагающая творить все что угодно своими мыслями. То, что сотворишь, то и получишь. Если ты хочешь понять зло, ты его поймешь, но это будет лишь твое собственное зло. Благодаря выискиванию, осуждению и ожиданию зла, оно будет существовать в твоей реальности, но только потому, что ты сам в него верил. Нет никакого зла, находящегося где-то самого по себе. Оно существует только в чьем-либо суждении. Впрочем, как и добро и альтруизм...

— Любовь, альтруизм... — сказал Тено, как будто разговаривая сам с собою, но, по-моему, он просто хотел перевести мое внимание, увести его со зла на что-то другое. — Это все только красивые понятия. Но они имеют смысл только тогда, когда ты можешь по собственному желанию и решению любить или не любить, быть альтруистичным или эгоистичным. Тогда твой выбор имеет ценность. Но если выбора нет, если ты не можешь быть другим в силу того, что тебя сделал таким случай или воспитание, те же догмы и то же суеверие, тогда во всем этом нет никакой ценности.

Мысль моя проворной змеей соскользнула с Трена и его войны, и поползла совсем в другом направлении. В направлении ценностей.

«Нет никакой ценности» для кого? Мысли сплетались в плотный пестрый живой клубок, а клубок катился дальше и дальше.

— Как же так? — спросила я Тора после принятой серии напряженных попыток распутать клубок и отпустить змей на волю. — То, что ценно для меня, представляет большое значение и несет в себе знание и опыт, не всегда является ценным для моего мира?

— У тебя появился мир?

— Да, я нашла свой мир.

— Вздор. У Сенок нет своего мира. Или тебя засосал Гесе? Тогда кто сейчас передо мной? — спросил Тено.

— Волновая неполная робот-матрица Сенки, — ответил Тор.

— А передо мной полные идиоты, экс-боги-неудачники, — сказала я. — Никто меня не засасывал. Я могу приходить в этот мир и уходить, когда пожелаю.

Тор и Тено оставили карты и переключили все внимание на меня.

— Мы отстали от жизни.

— Воистину отстали. Не переживай ты так, Сенка, и не груби никогда старшим. Раз не сдержишься, второй не уследишь, и пошло-поехало... Так, что там у тебя с твоим миром? Проблемы?

— Не то чтобы проблемы... Непонятности.

— Непонятки, непонятки...

Где ваш хвост, где ваши пятки?

Хвост остался в кулаке,

Мелькают пятки вдалеке. — Тор проявил задумчивость.

— Начнем с хвоста, — сказал Тено. — Итак, что мы имеем?

— У меня есть число, — сказала я. — Когда я развиваюсь и постигаю новое, становлюсь лучше, оно растет. Должно расти. Но растет не всегда. А иногда

даже падает, когда, по моим подсчетам, ему следует расти.

— Ха! Подсчеты неверны. Или... Оно растет в другом направлении, которого ты не чувствуешь.

— Ерунда это все, нет никаких чисел.

— Есть, я сама видела. И в себе, и в других...

— А кто тебе сказал, что то, что ты видишь, — это именно то число, которое указывает на развитие? Может, это другое число? Которое показывает, например, степень твоей заинтересованности или внутреннее напряжение, или вообще информирует об условиях окружающей среды.

— Все говорят... В моем мире все живут согласно этим числам. А те, у кого числа совсем стали маленькими, неразличимыми, становятся рабами.

— Ты боишься стать рабом?

— Раньше боялась. Теперь не очень.

— А чего осмелела?

— Ну, во-первых, хотя рабов очень много, никто не помнит и не знает, когда они ими стали. Так что прямых указаний на превращение, похоже, нет. А во-вторых, я всегда, если что, могу уйти из мира...

— Уйти? Из своего мира? Значит, ты не считаешь этот мир своим. Из своего не уходят. Со своимходят общий язык.

— Ну ты даешь, Тено. Как можно найти общий язык с миром? Миру прямо, а тебе всегда вбок. Вот смотри, Сенка, мир Гесе — сложное явление, в котором отдельные части зависят друг от друга. У него, у мира, есть свои цели и задачи, свое понятие о собственной эволюции. И это все, что его интересует. Он так организовал жизнь внутри себя, чтобы процессы развития, протекающие в нем, вели именно к выполнению этих конкретных целей и задач, а не каких-то других. Внутри мира существуют ткани, которые эво-

люционируют, и ткани, которые обеспечивают эту эволюцию, возможно, но не обязательно в рамках своей собственной. Но необходимо иметь в виду, что эволюция не гарантирована и может в любое время остановиться...

— Из-за какой-то непоседливой Сенки, сующей свой нос куда надо и не надо. Особенно куда не надо. Я правильно тебя понял? Госеп — это эволюционирующая часть, ну а Сенка и остальные служат ему условиями и средой. И если Сенка вместо того чтобы служить Госепу, начнет служить собственным интересам и мешать намеченной эволюции, мир постарается поставить ее на место.

— Совершенно верно, если Сенка начнет эволюционировать не по общему плану, а сознательно, точнее самосознательно по своему собственному плану, то эволюция мира в целом окажется под угрозой. Вообще говоря, эволюцию мира в данном контексте правильнее бы было назвать инволюцией по отношению к отдельно взятому элементу, в данном случае таким элементом выступает у нас Сенка. Здесь мы имеем два процесса — эволюционный и инволюционный. Инволюционный стремится сделать Сенку механистичной и заставить ее работать по определенному плану — по плану мира. Эволюционный ведет к эволюции Сенки как самоосознанной индивидуальности, а не части или элемента осознанной индивидуальности. Инволюционный процесс начинается сознательно в Абсолютном, которым в нашем случае является мир Гесе, но уже на следующей стадии становится механичным, и по мере его развития механичность возрастает, а эволюционный берет свое начало полусознательно, однако, развиваясь, становится все более и более сознательным.

— То есть инволюция сознательно тормозит эволюцию.

— Естественно. Только нужно помнить, что инволюционным этот процесс является в нашем случае по отношению к Сенке, по отношению к себе самому он остается эволюционным. Это два процесса с разными целями и задачами. На каком-то этапе эти цели и задачи могут совпадать. Следовательно, на этом этапе мир, может, и помогает своему элементу. Но если элемент затеет свою собственную эволюцию — берегись, элемент, и жди недоброго.

— То есть когда я развиваю чувствительность и быстроту реакции, накапливаю любовь, становясь при этом все лучшей и лучшей помощницей Госепа, я работаю на себя и на мир, а когда я пытаюсь исследовать мир в своих собственных целях, мир сопротивляется и понижает мне число.

— Примерно так. Вообще-то любой Госеп тебе все это объяснит и растолкует гораздо лучше, чем мы. Госепы — искуснейшие создатели миров. В том числе и плотных. Они все про них знают...

— Если только речь не идет об их собственном. О собственном они предпочитают молчать.

— Чтобы число не упало? — спросила я.

— Наверно. Только ведь число это — условность. Они боятся изменений, на которое указывает это число, и не хотят признать, что число работает на мир, а не на них.

— Так что же выходит? Я не могу развиваться так, как хочу?

— Если хочешь — можешь.

— Но ведь мир меня уничтожит.

— Ни в коем случае. У него руки короткие. Все, что он может — испугать тебя, понизив число, в которое ты так веришь. Он ничего не может сделать с от-

дельно взятой Сенкой. Он даже не знает, что ты существуешь. И противостоит тебе не он сам, а созданные им и автоматически выполняющиеся законы типа понижения числа. Мир не в состоянии отследить каждую Сенку. Вот если бы все Сенки взбунтовались...

— Что тогда?

— Он бы их уничтожил. Вырезал орган, который мешает его развитию. И заменил бы на новый.

— Так что дерзай, Сенка. Сама. И не ищи попутчиков. Массы ничего не создают, они только разрушают. Создают индивиды. Взять хотя бы плотные миры. Все изобретения, достижения, открытия, техника, искусство, архитектура да и просто добрые слова — результат деятельности индивидов. А вот разрушение, искажение, уничтожение — это уже деятельность масс. Да ты сама видела...

— Однако не следует думать, что индивиды не служат разрушению. — Включился Тор. — Напротив, инициатива разрушения в широком масштабе всегда принадлежит индивидам, а массы оказываются лишь исполнителями. Но массы никогда не в состоянии что-либо создать, хотя способны проявить инициативу в разрушении.

— А почему так?

— Видишь ли, Сенка. Массы представляют собой низшие существа по сравнению с индивидуумом, они не в состоянии эволюционировать в такой же степени, в какой это делает индивид. Вернее, может делать, а может и нет. Ну, это ты уже испытала на себе и имеешь собственный опыт... Правда, о массах по большому счету можно говорить, имея в виду только плотные миры. Какие у нас здесь массы? Даже рабов Гесе я не рискнул бы назвать массой. Но тем не менее... Даже Тор и Тено по отдельности — это совсем не то, что вместе. Ха-ха! Так вот, трагедия индивида

заключается в том, что он живет как бы в густой массе низшего существа и вегетативно работает на это существо. В то же время его усилия в области индивидуальной сознательной деятельности, мышления, творчества направлены против этого существа, вопреки и невзирая на. Хотя, разумеется, далеко не всякая деятельность подобного рода работает не на существо. Индивид часто думает, что обязан служить этой бесформенной, слепой, глухой и агрессивной массе. И в мире, по поводу которого у тебя столько волнений, сейчас орудуют массы. И если даже ты сейчас и поможешь своему Трену, его все равно затопчут. Слепой организм массы восстанет против проявления эволюционного духа, постарается подавить его, уничтожить, разрушить то, что было им создано. Трен должен сам. Правда, его по-любому затопчут, но что-то останется, и это что-то мы называем прогрессом, цивилизацией.

Гордая молния света. Пролетая мимо:

— Ах, Трен... Дерзай, Трен! Прощай, Трен.

Холодное утешение. Растерянный галоп. Не смей смотреть назад, вздыхая.

10

Я Сенка. Я есть. Я буду всегда. Если, конечно, не отправлюсь в Кичу. Но в Кичу я не хочу. Мне хорошо. Бывает, конечно, что охватывает страх или грусть, но это проходит. Бывает, что я задаю себе вопросы, на которые не могу ответить, и чувствую то, что не в состоянии вместить, и от этого снова становится страшно и грустно. Но и это проходит. И меня все устраивает. В общем, намерения самоубиться у меня нет. Я чему-то уже научилась и разбираюсь кое в чем. Правда, многое еще неясно, непонятно, смутно и расплывчато. Но хорошо, что это все есть и я знаю о том, что это все существует.

Перед возвращением в Гесе я полетала, побродила, поплавала по мирам и переходам. Оказывается, моя способность проникновения зависит от плотности мира. В мирах с малой, но различной плотностью я могу воспринимать, проявляться, принимать форму и быть воспринимаемой, причем форма, которую я примеряю на себя, зависит от плотности. Когда плотность мира достигает какого-то определенного значения, я теряю способность к проявлению в этом мире. Я могу только наблюдать и воспринимать. Быть воспринятой как существо, а тем более быть понятой я уже не могу. Причем иногда мир меняет плотность достаточно быстро, как, например, в случае с миром, где я познакомилась с Треном. Первые два раза я смогла принять форму, чтобы

иметь возможность общаться, на третий же раз мир не позволил мне проявиться, он практически раздавил меня своей возросшей плотностью. Так что я, скорей всего, не смогла бы помочь Трену. Нет, я не оправдываюсь. Просто теперь я понимаю, насколько Тор и Тено были правы.

Вообще, плотные миры интересно изучать, в них много разных немислимых существ и непостижимое количество разнообразных форм. Очень много. Говорят, эти миры создают Госепы. Нет, не только Госепы. Миры многие создают. Но вроде Госепам это лучше всего удается. Впрочем, мне не довелось проверить. Поскольку когда мир создан, то уже непонятно, кем именно. Причем у Госепов далеко не всегда все получается. Они подолгу работают, чтобы произвести какой-нибудь стоящий мир. Они часто делают ошибки и тогда уничтожают, то есть засасывают неудавшиеся миры, но иногда почему-то им становится грустно и жалко чего-то, и, несмотря на ошибочность готового материала, они все равно отпускают его жить. И эти миры развиваются как и все остальные. И что самое удивительное — порой не хуже, чем удачные.

Есть плотные миры, в которых нет существ, а происходит лишь движение различных масс вещества. За ними тоже любопытно наблюдать.

Необъяснимых явлений везде хватает. Часто существа привыкают к ним и перестают замечать их необъяснимость. Мудрецы миров придумывают всякие классификации этих явлений, загоняют их в тесные таблицы, где им трудно дышать, дают им названия и заключают в системы. И так иногда усердствуют, объясняя всем остальным что к чему, что не только сбитые с толку последние не очень мудрые и не обремененные нужным опытом и знаниями, но и даже

они сами начинают отрицать необъяснимость и чудесность многих явлений.

Существа плотных миров не чувствуют тонких. И в этом их главная беда. Хотя, может быть, вовсе не беда, а блаженное счастье. Не любое сознание в состоянии выдержать поток неоднородных вибраций, одновременно поступающих в него. Обычно плотное существо обрабатывает сразу не более семи видов вибрационной информации, а чаще всего около трех-четырех, причем обрабатывает по большей части автоматически. А если на вход придет целый бесчисленный поток? Сознание взорвется, разлетится на миллионы беспомощных крупиц или просто тихо и безболезненно умрет от ужаса. Тем не менее тонкие миры так или иначе проявляются в плотных. И последствия этих проявлений невозможно объяснить с помощью установленных в мирах законов, и тогда явления объявляются необъяснимыми или чудесными. Чудо по большому счету — это явление, происходящее по законам другого мира. В тонких мирах тоже много необъяснимого. А это значит, что существуют еще более тонкие, эфемерные миры, с точки зрения которых, я плотна и малоподвижна. С ума сойти! Сенка малоподвижна! Но я вынуждена это признать.

В плотных мирах все плохо объяснимое или непонятное и чудесное выделяют в особую группу, создают из необъяснимого отдельный мир, параллельный объяснимому, и называют тонким миром. Сюда относится мир идей, образов, представлений, который они рассматривают как параллельный плотному. Может, оно, конечно, и так. Я здесь немного могу объяснить и точно сама ни в чем не уверена. Могу лишь сказать, что теория параллелизма — опасная вещь. В том смысле, что то, что кажется параллель-

ным, может таковым и не является. И тонкое не всегда параллельно плотному, а иногда совершенно не зависит от него. И параллельное, которое не всегда параллельно, подчинено непонятным для плотного мира законам.

Ну а мне непонятны законы плотного мира, и я отправилась назад в Гесе в надежде получить объяснения у Госепов.

— Вообще-то, не Сенкино это дело. Сенка не создана для этого. — Си проявил легкое раздражение, а потом такое же легкое недовольство самим собой. С ним всегда это происходило, когда он позволял себе раздражаться, даже совсем чуть-чуть.

Я подождала, пока закончится в нем эта обычная внутренняя борьба, и повторила свой вопрос.

— Почему все живые тела плотных миров одинаково симметричны? Мы ведь не такие, мы разные. Мы можем быть любимыми.

— Ладно, я скажу тебе, что знаю, но больше никаких вопросов.

— Хорошо, хорошо. Остальные вопросы в следующий раз.

— Никакого следующего раза.

Я пропустила это замечание.

— Я видела нечто восхитительное. Там существует что-то, что создает совершенно правильные чертежи. Они много где есть. Они видны в фантастически разнообразных, но непременно симметричных снежинках, в рисунках насекомых, птиц, цветов, звезд и узоров на стекле, когда на них дышат...

— Ты так сильно углубилась в плотные миры?

— К сожалению, не сильно. Я лишь фиксирую, что в них происходит, но не проявляюсь.

— Живые организмы построены по принципу симметричного движения. Только по этому принципу происходит рост, то есть изменение по единственной временной координате, которую они ощущают. У нас отсутствует такое изменение, то есть рост в этом смысле, поскольку мы не ограничены формой и прямолинейным временем. Вот смотри. — Он создал в моем воображении какое-то существо. — Возьмем, к примеру, это создание. У него форма круга, или нет, это слишком просто. — Круг вытянулся. — Лучше овал. Или нет. — Из овала стали выпирать углы. — Рассмотрим квадратное существо. Чтобы оно росло симметрично, между его точками должна существовать внутренняя связь, а именно точки, изначально находящиеся на равном расстоянии от центра, должны по мере роста оставаться на равном расстоянии от центра. Чтобы это было справедливо, точки существа при его росте должны двигаться с различной скоростью, сохраняя свое отношение к центру. Скорость будет пропорциональна длине линий, идущих от точек к центру. Скорость наиболее удаленных от центра точек, тех, что находятся в углах квадратного существа, будет наибольшей. А вот теперь смотри: на пути одной из точек имеется преграда, которая мешает дальнейшему движению.

— Тогда нарушится симметрия.

— Могла бы нарушиться. Но я тебе уже говорил, что между точками существует внутренняя связь, закон, если хочешь. И согласно этому закону, точки, находившиеся на равном расстоянии от центра, остаются на равном расстоянии от него.

— Тогда получается, что остальные симметричные точки тоже останавливаются, хотя преграды на их пути нет.

— Совершенно верно. И из нашего квадрата вырастет правильная симметричная фигура. Звезда, например.

— В зависимости от того, какие именно точки остановились.

— При росте различных существ именно так и происходит. А если мы теперь увеличим размерность существа и выберем центры, из которых идет рост, лежащими не на одной оси, то получим что-то, напоминающее живое плотное тело, с симметричными конечностями.

— Госепы так делают существа, населяющие их миры?

— Когда Госепы создают миры, они определяют только законы, по которым иницилируемая ими энергия переходит в тот или иной вид вещества или материи, и законы дальнейшего преобразования этой материи, в том числе и законы роста.

— Значит, Госепы не создают существ?

— Госепы создают существ в своих лабораториях, перед тем как перейти к созданию мира. И изучают таким образом законы. И потом при создании мира снабжают его оптимальными для текущей цели законами.

— А почему у нас нет тел, которые растут?

— Это уже второй вопрос.

— Ну, Си, ну, пожалуйста. Это не вопрос, а подвопрос.

— Ты все равно не поймешь. Я много раз тебе говорил, что Сенки не для этого. У них отсутствуют многие способности Госепов. У тебя просто нет того органа, с помощью которого ты можешь вместить то, о чем спрашиваешь.

— Я выращу себе этот орган...

— Ты смешная... Ну, слушай. Каждое более тонкое состояние вещества является более энергетическим, то есть заключающим в себе как бы меньше массы и больше движения. И если теперь вещество или пространство противопоставить времени, то можно сказать, что чем тоньше вещество, то тем больше в нем времени и меньше материи, больше движения и меньше вещества. И если существа плотных миров представляются формами вещества, то о нас можно сказать, что мы — энергия, а ты конкретно — сила. У силы не может быть тела.

— Значит, я — сила.

— Этого достаточно?

— А Госепы кто? Ты тоже сила?

— Нет.

— А что?

— Госеп представляет собой активную пустоту. А та воронка, которую ты видишь, это не весь Госеп, а лишь его разрез или проекция на этот мир. Госеп — это что-то вроде эфира, который выдумали в плотных мирах, чтобы объяснить самые разнородные явления, и поэтому их воображаемый эфир приобрел странные и противоречивые свойства. Он вездесущ, заполняет всю Вселенную, абсолютно упруг, разрежен, тонок и непроницаем. В то же время плотность его в миллиард раз больше плотности воды и так далее. А Госеп — это пустота, причем плотность этой пустоты огромна.

— А зачем плотному миру такой эфир?

— Ну, я же говорю, чтобы объяснить необъяснимое.

— Понимаю. Я видела, как они обходятся с непонятным и чудесным... А что из необъяснимого можно объяснить с помощью этого эфира?

— Много чего. Закон тяготения, например.

— А что это за закон такой?

— Слишком много вопросов. Мы договаривались только на один.

— А это и есть один. Только с уточнениями. А по поводу уточнений мы не договаривались.

— Ну ты даешь. Ладно. Вообще определение следующее: «Между двумя телами в пространстве наблюдаются явления, которые можно описать, предполагая, что два тела притягивают друг друга с силой, прямо пропорциональной произведению их масс и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними». А пользуются обычно, забывая или игнорируя данное определение, вот такой формулировкой: «Два тела притягивают друг друга с силой, прямо пропорциональной произведению их масс и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними».

— И какая разница?

— Разница огромна. В последнем высказывании забыли, что сила притяжения представляет собой фиктивную величину, принятую лишь для удобного описания явлений. И чтобы таинственная сила смогла работать, им пришлось принять понятие промежуточной среды, в роли которой, собственно, и выступает эфир.

— А эфир этот все-таки существует?

— Они поставили много опытов и экспериментов, чтобы доказать его существование.

— И доказали?

— Нет.

— Почему? Потому что его нет?

— Потому что они искали объяснение в своем мире, а сила притяжения, как они ее называют, при-

надлежит другому миру, и ей не нужен никакой эфир, чтобы проявлять себя.

— А какому миру? Нашему?

— Неважно какому. Просто другому. Миру с другой физикой.

И он исчез. На самом интересном месте.

11

Я Сенка. Я сила. Я сила природы миров и переходов. Миры и переходы не способны меня остановить. Меня остановит только Кича. Она меня поглотит. А может, и нет? Никому нельзя верить. Никто ничего не знает наверняка. Все предполагают и строят свои предположения на полученных знаниях и опыте. Но откуда они, эти знания, и насколько правильно истолкован опыт?

И с числом этим какая-то темная история. Что оно все-таки показывает? А может, ничего? Вряд ли. Что-то оно должно значить. И рабы... Кто они и откуда? Нужно еще поговорить с рабами. С другими. Из какой-нибудь дальней области. Может, что и прояснится. Интересно, а рабы — тоже силы? Нет. Рабы не могут быть силами. А почему это? Они принадлежат нашему миру, значит, они не могут быть оформленным веществом. Наш мир тонок. Но кто они? У них нет индивидуальности, но они есть. И должны чем-то быть...

— Здравствуй, Сенка. Ты так увлечена своим внутренним диалогом, что не оклихни я тебя...

— Привет, Дентор, извини, задумалась. Даже не заметила, как изменила себя...

— Бывает. Как дела?

— Я мир нашла. Свой.

— Поздравляю. Ты нашла время?

— Нет пока.

— Возможно, твое время в Киче.

— Похоже на то... Но проверять пока не буду. Кроме этого, есть масса интересных вещей. Что у тебя новенького?

— У меня — вот. — Я ощутила вибрационный поток и увидела столб, уходящий в бесконечность и приходящий из нее. Он вращался вокруг своей оси, пел, искрился и свистел, как чайник.

— Это что?

— Вентилятор Дентора.

Столб перестал искриться, сделался сильно полосатым, потом слабо полосатым, и я увидела, что и не столб это вовсе, а две струны, натянутые на бесконечность.

— Что-то на вентилятор это не очень похоже...

— А что собственно есть вентилятор? У каждого свой.

— Ну да, конечно... И зачем он тебе?

— Я изучаю энергию. И материю.

— И что?

— Материя представляет одно целое с энергией и является проявлением движения невидимых и невесомых элементов.

— Это как?

— Вот так примерно.

Струны начали медленно вращаться вокруг невидимого центра. Поплыли навстречу друг дружке, потом начали расходиться, туда-сюда, быстрее и быстрее, замельтешили, слились в одно целое, запели, и я снова увидела искрящийся столб. Если бы он не искрился, его вообще было бы не видно. Он практически исчезал. Я просто знала и чувствовала, что он там есть. Столб погудел, показал свои бока, потом движение полос, и в конце концов проявил две неподвижные струны.

— Понимаешь?

— А ты объясни.

Дентор извлек откуда-то шар.

— Ты снова делаешь шары?

— И шары, и много еще чего. Тебя долго не было.

— Разве?

— Очень долго.

— И ты больше не боишься Андема?

— Я его никогда не боялся... Просто не хотел...

Теперь... Андем очень изменился. Он стал совсем другим. Мы дружим... Мы больше, чем дружим... Мы всегда вместе.

Он показал мне себя. Всего себя. Я впечатлилась. Он стал иным. Большим, сильным и обремененным.

— И где же Андем?

— Андем это я.

— Брось, Дентор.

— Вмести меня. Похож я на Дентора?

Я обратила все свое внимание на него, в него, далеко внутрь. Напряглась. Расслабилась. Осознала.

— Нет, не очень. Но на Андема ты тоже не похож.

— Правильно. Я и Дентор, и Андем. И не Дентор и не Андем. Я — они оба. Я был единым всегда. Просто не знал об этом.

Я проявила крайнюю растерянность.

— Так вот. — Он обратил мое внимание на вентилятор. — Смотри, я бросаю шар в ворота, образованные струнами. Он спокойно пролетает в створку. Еще и еще. Теперь смотри. Струны медленно, очень медленно начинают двигаться. Я снова бросаю шар и снова попадаю в створку, образованную струнами, и шар спокойно пролетает. Струны очень тонкие, радиус вращения превосходит диаметр струны в тысячи

раз, шар небольшой, так что попасть в струну трудно. И шар снова пролетает. Снова и снова. Десять раз из десяти. А вот вращение набирает скорость. Смотри. Шар отскочил. Прошел. Прошел. Прошел. Прошел. Опять отскочил...

Действительно, по мере увеличения скорости вращения струн вокруг их оси симметрии шар отскакивал все больше и больше, пока, наконец, не возник столб, различимый только по своему свисту и искрам. Он оказался абсолютно непроницаемым для шара, и, в конце концов, шар разбился, как о броню. Дентор или Андем достал еще шар, и еще... Шар за шаром. И все они разбивались и разлетались в клочья, как будто на них действовала какая-то невидимая сила. Сила!

— Плотная струна превратилась в силу! — Я проявила недоумение, потом восхищение.

— Молодец, Сенка.

— Значит, если я сила, то я превращусь во что-нибудь плотное, если меня остановить. Так?

— Теоретически.

— А практически?

— А практически я не знаю, где можно взять энергию, которая необходима, чтобы тебя остановить, то есть тебя нельзя остановить. Но если теоретически все-таки допустить такую остановку, то ты перестанешь существовать как Сенка.

— Я перестану быть Сенкой?

— Определенно.

— Тогда я не хочу останавливаться.

— Тебе и незачем.

— Интересно, как там, в теле?

— Везде одинаково. Какой бы размерностью и плотностью ни обладало существо, мыслит оно себя, если вообще мыслит, примерно так же. Везде бы-

вает грустно, радостно и одиноко. Все едино. Все внутри нас. А мы внутри всего.

— Это ты точно знаешь?

— Я просто знаю.

Мир ощущался реальным и невероятно знакомым. Но я понимала, что это новый мир, отличный от тех, где я уже бывала. Интересно, а сколько вообще миров? Наверно, столько, сколько во мне изменений. Но я могу себя изменять бесконечно, значит и миров не сосчитать. А если сосчитать?

Какой странный мир. Не могу отделаться от ощущения, что я здесь уже была. Мир, разделенный на области, как Гесе. Но он пуст. Здесь нет существ. Нет жизни. Безмолвие и бесстрашие. Холодно и пусто. Это пустыня. Меня подхватила дорога и унесла прочь. В глубину.

Какие огромные... Что это? Они неживые. Но прекрасные. От них исходит спокойствие и радость. Они неподвижны и молчаливы. Ничто не может нарушить их спокойствия. Я не могу. Я привлекаю их внимание в надежде разбудить их, потому что чувствую, что они все-таки живые, но где-то в глубине себя, в другом измерении. Какие они огромные. Намного больше, чем мне показалось сначала. Меня влечет к ним особое чувство, которого я раньше никогда не испытывала. Обычно я вмещаю мир и нахожу в нем существ, с которыми можно поговорить или за которыми интересно понаблюдать, но если таковые отсутствуют, я перемещаюсь дальше. Никогда еще меня так не привлекал неподвижный, замерзший мир. Я стараюсь перестать говорить сама с собой и уловить их мысли или настроение.

Почему здесь все так знакомо? Мне даже показалось, что я не смогу покинуть это место. В том смыс-

ле, что не захочу. Здесь не чувствуется одиночества. И совсем не страшно, как в других безмолвных мирах. Какой странный уголок.

И спросить некого.

Я чувствую здесь нечто такое, что нужно найти и понять.

Я напрягалась снова и снова, чтобы не пропустить, уловить, вместить, запомнить и сделать своим.

Может быть, это какие-нибудь сложные приборы, которыми раньше пользовались, а теперь забыли. А они стоят здесь и все помнят, но проявиться не могут. А может, это мертвые существа? Трупы. Я видела трупы в плотных мирах. Нет, это не трупы. Я чувствую, что они живые, но их жизнь не здесь, а где-то далеко... И в то же время совсем рядом.

Странное чувство охватывает меня. Пульсация жизни, пронизывающая этих гигантов, чувствуется все сильнее и сильнее. Кроме того, мне кажется, что покой их что-то означает и что-то о себе сообщает. Я как будто в окружении разных голосов, но слова их звучат где-то за стеной. За невидимой стеной. Я их слышу, но не могу понять. Кажется, стоит сделать небольшое усилие, и я услышу все. Но это усилие мне не удастся. Но дело, вероятно, в нем. Меня отделяет от голосов что-то гораздо более принципиальное и важное.

Все сильнее и сильнее охватывает меня удивительное чувство освобождения, освобождения от всего: от страхов, от любопытства, от себя самой. Я совершенно отсутствую, вернее, представляю себе призрачной, как никогда, но внутрь меня проникают тысячами разные ощущения и эмоции.

Но во всех моих чувствах присутствует какая-то не совсем понятная, очень тонкая радость. Радость

освобождения от самой себя и постижения чего-то невероятного.

Гиганты были не одинаковы. К каким-то тянуло больше, к другим меньше. Рядом с одним я окончательно потеряла ощущение реальности.

И тут я ясно осознала, что это Госепы. Меня пронзила молния. Госепы в мире, где они не осознают себя в одном пространстве со мной. Это их собственный мир. Они порождения этого мира. А в Гесе они высовывают только свои головы.

Мне показалось, что я услышала его потусторонний голос, который сообщил, что его зовут Го и он рад меня видеть, и что теперь он будет стараться проявиться так, чтобы мы могли общаться и понимать друг друга.

Я не осознавала своих чувств. Но я ощутила, что если буду оставаться здесь еще, взорвусь от напряжения понять и вместить. С этим гигантом у меня возникла какая-то внутренняя связь.

Меня дернуло, приподняло и как будто выкинуло из этого мира.

И сразу почти все забылось. Осталось лишь неуловимое ощущение чего-то приятного. И волшебное имя Го.

12

Я недоумевала, пребывала в растерянности и начинала слегка нервничать. Я изменяла себя поспешно, всякий раз пребывая в полной уверенности, что смогу вернуться к себе, в Гесе. Но уверенность моя стекала и утекала прочь, когда я снова и снова оказывалась не там, где хотела и должна была оказаться. На смену уверенности пришла тревога. Она сначала окутала мое сознание ненавязчиво, прося разрешение, слабо прикасаясь и часто отдергиваясь, пока, наконец, грубо не завладела мною. Каждая частица внутри меня пыталась перестроиться и вибрировала отдельно от остальных. В каком замысловатом танце они закружились! И закружились, и завертелись миры вокруг. Я потеряла единство, и с горьким интересом наблюдала, как все бурлит и колеблется, визжит и пищит. Что-то сломалось во мне, что-то сделалось не таким, как прежде.

Я прекратила свои попытки достичь нужного изменения, обратив все свое внимание на тревогу. Вместила ее и познала. Разгадала, поняла, и тревога ушла. Вернее, не ушла. Она умерла. Я убила ее. Понять — значит убить...

Тревога была полем. Полем, создаваемым колебательными движениями моих элементов. Причем те элементы, которые двигались наиболее быстро, то есть растерялись и пришли в замешательство сильнее остальных, вибрировали настолько интенсивно, что начали превращаться в неопределенную субстан-

цию, а создаваемое ими поле действовало на них меньше, чем на менее недоумевавшие элементы. То есть то, что порождало тревогу, убивало ее, если не встречало сопротивления, отчаянного внимания, страха, и шло вразнос, делало что хотело, не сталкиваясь с преградами и надеждами на лучшее. Перестав сопротивляться внутреннему движению и полностью открывшись панике элементов, встретив расслабленной улыбкой их истерику, я попыталась получить наслаждение от нового ощущения внутри себя...

Сквозь писк и визг внутри и усердное эхо снаружи я услышала спокойный, мягкий и ласковый перестук.

— Го-Го... Го-Го...

И все смолкло. То, что клокотало и ухало, стихло, а я оказалась в Гесе. Как будто кто-то сдунул меня.

— Явилась... — Кей проявил радость, а я посмотрела в него и увидела, что радость едва проступает тонкими пульсирующими прожилками свежей краски на фоне успевшей давно высохнуть озабоченности. — Как там?

— Нормально... Что-то случилось?

— С чего ты взяла?

— Чувствую.

— Видишь?

— Можно сказать и так. Для меня это одно и то же.

— Научилась...

— Так что у нас плохого?

— Пока ничего.

— Ну, Кей, ну пожалуйста, я ведь и так все узнаю.

— Узнаешь.

— Ты такой траурный, как будто кто-то умер. Хорошо, что у нас никто умереть не может.

— Ты видела смерть?

— Конечно, видела, много раз.

— И как это?

— Обычно. Изменение направления колебания. Ничего больше. Начало нового периода.

— А тогда при чем здесь траур?

— А при том, что многие существа не понимают смерти, не видят ее, боятся и считают, что страшнее смерти ничего нет.

— Как странно...

— Там много странного. А что у нас нового, а? О чем ты так громко молчишь?

— Тебя Си искал. И Зарк. И Сенка Утилосо. И даже сам Утилос.

— И?

— Утилосу, наверное, очень не понравилось, что ты ушла от Зарка. Его Сенка, судя по всему, хотела с тобой поговорить, попытаться убедить тебя вернуться... Объяснить тебе...

— Объяснить что?

— Что уровень Зарка и Утилосо достаточно высок... И нельзя так себя вести...

Поднимаясь, ты приобретаешь связи...

— А я думала, что, поднимаясь, я приобретаю свободу.

— Ты заблуждалась. — Он проявил грусть. — Зарк почитаемый и достойный Госеп. Ты заметила, что почти у всех твоих близких знакомых есть имена, а у тебя нет?

— Нет имени?

— Да. Нет имени.

— Как же нет? Я Сенка.

— Сенка — это не имя. Сенок много. И Госепов много. А вот Госеп Си или Госеп Зарк только один. И Сенка Альта одна. Здесь далеко не у всех есть свои имена. Иметь имя — заслуга перед миром.

— Но ты ведь просто Кей.

— У Кеев, Сидхов и Громов нет своих имен...

— А как же заслуги перед миром?

— О моих заслугах мы поговорим позже... Ты очень интересуешься всякими ненужными Сенкам вещами, даже опасными... А вот простого не знаешь. Не вникаешь в дела мира...

— А какие у мира дела?

— В нашем мире существует, может, не очень заметная, но крайне выраженная кастовость и субординация.

— А что это за звери такие?

— Зверьми этими надо было поинтересоваться, а не заниматься научно-исследовательской работой...

— Что же делать, если научно-исследовательская работа занимает меня больше, чем этот ваш зоопарк.

— Грубишь... И это признак твоего невысокого положения. Ну, и неопытности. Все ссылаются на твою неопытность. И прощают тебе многие вещи...

— Так что там о кастовости и субординации?

— У нас равные живут с равными, а если уж так случается, что высшие принимают к себе низших, то последние за это им премного благодарны и проявляют свою благодарность достаточно активно...

— Так я низшая, что ли?

— А ты думала? — Он проявил нежность. — У тебя число высокое... И это, пожалуй, все.

— Этого мало?

— Вообще-то, если честно, раньше было вполне достаточно, поскольку такое число подразумевает уже наличие имени. Ты заметила, что многие, даже с меньшими числами имеют имена.

— Ну да... Я как-то об этом не думала.

— Так вот. Тебя приняли высшие из-за твоих неординарных способностей и быстрого роста числа. Но...

— Но этого недостаточно?

— Конечно. Тебе нужно имя.

— Так давай я придумаю себе имя. Или вы мне придумайте. Я не против. Только какое-нибудь красивое. Или боевое...

— Имя нельзя придумать.

— А где же его взять?

— Оно должно возникнуть.

— Где?

— В тебе.

— Само по себе?

— Мир дает имена. Когда он считает, что существо готово принять имя, оно возникает в нем, а тот, кто рядом, считывает.

— То есть мне не положено пока имя? Мир не соизволил. Ну и пожалуйста. Ну и не надо. Обойдусь...

— Не расходишься, все не так просто. Рядом с тобой никого нет...

— Как это нет? Рядом всегда кто-то есть. Почти всегда.

— Это не то. У тебя должен быть Госеп, которого ты будешь любить и который будет любить тебя. Именно он первым узнает твое имя и сообщит его тебе. Имя видит только тот, кто любит и любим.

— А откуда тогда имя у Зарка? У него ведь нет Сенки.

— У Зарка была Сенка.

— И где же она?

— Они расстались.

— Почему?

— Это неважно.

— А у Си? Си как приобрел свое имя? У него никогда не было Сенки. Он мне сам говорил.

— У Си есть я. Я считал его имя.

— Но ведь ты не Сенка.

— А я и не говорил, что увидеть имя Госепа может только Сенка. Я сказал, что имя считывает тот, кто рядом. И кто любим.

— А... тогда...

— Но имя Сенки может считать только Госеп, потому что Сенка должна сначала полюбить Госепа.

— Что значит сначала?

— Ну, потом они могут принять к себе еще кого-нибудь... Сидха, к примеру... И любить еще и его. Тогда любви у них будет еще больше.

— Я помню. Мне Си говорил... Да, а зачем меня искал Си? Тоже хотел, чтобы я вернулась к Зарку?

— Думаю, что нет.

— Что так?

— Си уже знал, что ты не успеешь, если даже захочешь. — Он сделался мрачным настолько, что начал медленно исчезать.

— Эй-эй-эй, подожди... Что значит не успею?

Он сделал усилие, чтобы снова проявиться.

— Зорик объявил, что сделал ловушку. Ловушку, в которую ты попадешь.

— Какую такую ловушку?

— Он разве тебя не предупреждал?

— Предупреждал... Но...

— Значит, имеет право. Если он тебя предупредил, и ты не воспользовалась этим предупреждением, чтобы предотвратить осуществление угрозы, он может теперь осуществить задуманное беспрепятственно, и никто не вправе мешать ему. Здесь нет никого, кто может ему помешать... И хочет.

— А как я могла предотвратить?

— Не уходить от Зарка, например. Или не возвращаться в Гесе. Тебя мог бы защитить только твой Госеп. А поскольку у тебя сейчас нет Госепа, тебя никто уже не спасет. Впрочем, по мне так и спасать не надо. Зорик вполне достоин. Будет посильнее Зарка... и пожестче. Так что совет вам да любовь...

— Смеешься?

— Плачу...

Я молчала. Молчала, потому что не понимала. Не понимала даже, какие вопросы мне нужно задать, чтобы понять.

— Думаю, Си искал тебя именно поэтому. Госепы ставят ловушки только тогда, когда Сенки по каким-то причинам не поддаются их притяжению. Си, видимо, хотел поговорить с тобой об этом...

— Именно, — сказал Си, нависая тучей. — Рад видеть путешественницу.

— Привет, Си. — Я проявила радость. — Здесь вот Кей меня пугает... И я почти испугалась.

— А чего пугаться? Зорик достойнейший из Госепов. Может, правда, чересчур воинственен и резок. Но ты ведь отвергла дипломатичного и мягкого Зарка.

— И Зарк не придет мне на помощь? Даже если я попрошу и скажу, что вернусь к нему?

— Конечно, нет. Зарк не сумасшедший. Все было сделано по закону. Зорик предупредил тебя...

— Но я же не знала ваших дур... ваших законов.

— Вот, заодно и узнаешь. Тебе это только на пользу...

— И что, никто за меня не заступится?

— И не думай. Вступить за тебя может только какой-нибудь сумасшедший Госеп. Здесь таких нет.

По крайней мере, пока. Да, собственно, и вступаться-то за тебя я повода не вижу. Я именно это хотел тебе сказать. Чтобы ты чего не натворила. — Он проявил нежность. — Ничего плохого не происходит. Ты пошла по не совсем верному пути, вот мир и корректирует его. Путь то есть. Тебе будет хорошо с Зориком. Он большой творец. Мастер. У него многоуровневые лаборатории. Он создает цивилизации разных существ и изучает их развитие. Тебе понравится. И будет интересно. Я обещаю. Ты только не спеши... Ты должна полюбить его.

— Я ничего никому не должна. Я Сенка. Я сама по себе.

— Сама по себе ты можешь быть только там... А здесь ты часть мира.

— Видимо, мне придется перестать быть его частью. Я уйду. — Я отдалилась и собрала себя, чтобы сделать усилие и измениться. — И спасибо за все. Вы все такие милые. Было очень приятно. — Я превратилась в иглу и... Ничего не произошло. Си и Кей спокойно наблюдали за моими усилиями.

— Ты не сможешь покинуть Гесе, — сказал Си.

— Не в этот раз. — Сказал Кей. — Ловушка уже работает.

Я не верила им и не верила себе. Своим ощущениям. Не может быть. Этого не может быть.

— Успокойся.

— И расслабься.

Да, нужно расслабиться и не сопротивляться. Я уже знала это. Сейчас отдаться тому, что пришло. Открыться навстречу новому. А потом будет видно. Потом настанет потом. И оно принесет с собой новую правду. Потом. А сейчас только то, что сейчас.

Без паники и сожаления
Принять и согласиться.
Расслабиться,
Отдаться
И забыться
Новым сном.
И новой тайной.
Поглотить и поглотиться.
Без упрека и надежды, не раздумывая,
Влиться.
В пестроте чужого счастья
Завертеться, закружиться.
С новой грустью,
Странной мыслью
Познакомиться и сжиться.
С кем-то близким, но далеким
Лишь на время разлучиться.
В омуте своей печали
Успокоившись, забыться...

Все исчезло. Чудесный мир, Си, Кей, звуки, ощущения. Чернота и пустота.

— Где я?

— Давно не виделись.

— Где я?

— Как ты?

— Где я?

— Я не поранил тебя?

— Лучше б поранил.

— Можно было бы оправдать злобу и отчаяние?

— Во мне нет ни того, ни другого.

— Я вижу.

— Где я? В ловушке?

— Нет. Ты не сопротивлялась полю и быстро миновала его...

— Так где я?
— Во мне. Внутри. Как тебе здесь?
— Нормально. Только темно.
— Может, свет включить?
— А можно?
— Конечно. Тебе все можно. Ты моя гостья.
— Точнее пленница.
— Называй себя, как хочешь. Кем назовешь, тем и будешь.

— А если я назову себя гостьей, ты позволишь мне уйти?

— Ты могла бы уйти, если бы не поле. Поле ловушки не отпустит тебя.

— Так убери свою ловушку или выключи поле, или...

— Не могу. Ловушка — часть меня, и она запрограммирована. Пока программа не будет выполнена, поле не ослабнет.

— И ты не можешь ничего сделать?

— Не могу. Я предупреждал тебя.

— Я не верю тебе.

— Не верь.

И стало тихо.

— Эй-э-эй... А свет?

— Да, да, конечно. Извини.

И стало светло.

— Если ты чего-то захочешь, только подумай об этом.

— И?

— И ты это получишь. Только не думай о том, чтобы уйти.

— Почему это?

— Ты испытываешь на себе всю силу ловушки.

— Я уже испытала.

— Это не то. Ты отдалась ей и не сопротивлялась. И она не тронула тебя, а лишь направила. А мысль о побеге она растолкует как сопротивление, и может быть неприятно.

— Думаешь, мне приятно?

— Я стараюсь об этом не думать.

— А ты подумай.

— Извини, мне нужно работать. Располагайся, осматривайся. Не сдерживай себя. До встречи.

Я Сенка. Я странник Вселенной. Я путешествовала между мирами. Я много видела. Я много знаю и еще больше не знаю.

Я бессмертна, по крайней мере, у меня нет средства, чтобы умереть. Говорят, можно умереть в Киче. Но я не знаю, где она. И не уверена, существует ли она на самом деле. Говорят, что да. Но я не проверяла. И, возможно, не смогу никогда проверить, поскольку теперь я уже не проникаю и не возникаю то в одном мире, то в другом. Меня поймал Госеп Зорик. И я живу в нем.

В общем, неплохо живу. Он все делает для меня. Мне можно все. Мне нельзя только уйти от него. Я могу заниматься любым делом, могу ничего не делать. Могу играть, гулять, радоваться и страдать. Могу встречаться с друзьями. Он даже разрешает мне наблюдать за своей работой. Он говорит, что любит меня. И что если я буду любить его, то он даст мне имя. Я уже и сама хочу полюбить Зорика, хочу, чтоб он дал мне имя. Но не могу. Что-то мешает мне. На самом деле, кроме того, что он поймал меня, Зорик не сделал мне ничего плохого. Все считают, что он не нарушил закон. Но я, наверно, просто не могу смириться, что больше никогда не увижу другие миры. Меня душит эта мысль, а я душу любовь.

— О чем грустишь, милая Сенка? — Зорик всегда старался быть со мной нежнее, чем обычно, лас-

ковее, чем с остальными, проще, чем он привык. Привык быть. Привык себя вести. Мне это нравилось.

— Вспоминаю, размышляю. У меня осталось много знакомых там. Интересно, как они?

— Когда ты примешь меня, откроешься мне и станешь моей, ты снова сможешь видеть своих знакомых, когда пожелаешь.

— А как ты узнаешь, что я твоя? Ведь если я просто скажу тебе об этом, ты ведь не поверишь.

— Очень хотел бы поверить, но...

— Что но?

— Ты ведь и сама не веришь.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу. И мир видит... Как только ты действительно станешь моей, мир сразу отреагирует тем, что высветит твое имя.

— Значит, я либо никогда не покину этот мир, либо покину его с именем?

Он не посчитал нужным отвечать на последний вопрос, да я и не ждала ответа. Вместо ответа он постарался проявить крайнюю заинтересованность.

— А что тебя так привлекает там? Там лучше, чем здесь?

— Нет, не лучше. Там все по-другому. Там есть то, чего нет здесь, и много чего.

— Здесь есть все. В нашем мире главное — мысль. Если есть мысль, то есть все. Все, что ты видела, я могу создать.

— Так создай.

— Я попробую, но... — Он, задумавшись, растворился.

— Эй-эй-эй. Не расползайся...

— Извини... — Он восстановил свою плотность. — Понимаешь, все не совсем так. Ты могла бы создать то, что видела, но Сенки не способны созда-

вать... А я мог бы создать, если бы увидел и познал, но я не видел.

— Я расскажу тебе...

— Хорошая мысль, но рассказ не передает прямой информации, да ты и сама не знаешь, что видишь.

Я напряглась.

— Не всегда знаешь... — поправился он.

Я приняла поправку и расслабилась.

— Если бы мы смогли с тобой полностью раствориться друг в друге, полюбить и понять, то, возможно, у нас что-нибудь и получилось бы.

— Для этого тоже нужно имя?

— Как минимум...

Я вспомнила Тора с Теном, Дентора, который Андем, Трена и многих других, чьи имена и образы не были отчетливо во мне оформлены, но по которым я тоже скучала, пусть не так остро. Мысль сделала круг, потом замысловатый виток, поднялась, замерла, спустилась и повисла.

— А когда у нас будет ночь? — Я задала неподготовленному Зорику вопрос, родившийся в обвисшей мысли. Видимо, навеянный приятными воспоминаниями о ночах, проведенных с Треном.

— Ночь?

— Ну да, ночь. Это время, когда все спят. Но можно и не спать. Можно болтать и смотреть на звезды, можно гулять... Пока не захочется спать. Если гулять несколько ночей подряд, спать захочется очень сильно. И как ни сопротивляйся, уснешь все равно. Можно уснуть даже днем.

— Если можно уснуть днем, зачем ночь?

— Я не знаю. Ну, наверно, днем спать могут не все... И поэтому есть ночь. Для всех.

— Так ты хочешь спать или ночь? Чтобы гулять. — Он проявил смех.

Действительно смешно.

— Ничего я не хочу. Просто с тех пор как я здесь, не было ни ночи, ни сна.

— Ночью нужно спать. По крайней мере, в этом мире все спят, когда наступает ночь. Так что если ты не хочешь спать, то и ночь тебе не нужна.

— А когда захочу?

— А вот когда захочешь, тогда ночь и придет.

— Когда?

— Ты спать совсем не хочешь?

— Совсем не хочу.

— Значит, не скоро.

— А как она узнает, когда приходиться?

— В тебе закончится энергия, восстановить которую можно только ночью. Здесь ночи особенные... Здесь все меняется и принимает другое содержание, и приходит Мера.

— Мера?

— Это такая субстанция, что питает нас. Здесь ночь — и сон, и пища, и итог.

— Что значит итог?

— В новый день мы ступаем измененными и обремененными новыми числами и идеями.

— А если я все-таки не буду спать в эту особенную ночь?

— Если ты сможешь противостоять сну и ночи, у тебя просто не будет сил на новый день.

— И? Я умру?

— Ты останешься в старом.

— В старом дне?

— Именно.

— А как это?

- Не знаю. Я ночью сплю.
- А были такие, которые не спали?
- Прав был Зарк. У тебя прямо какое-то болезненное любопытство.
- Почему это болезненное?
- Ты задаешь вопросы, которые и в голову никому не приходят, и даже только ответы на которые ведут к болезненному восприятию, я уж не говорю о возможных вытекающих действиях, явно указывающих на болезнь.
- Так зачем я тебе нужна такая больная?
- Я не говорил, что ты больна. Еще нет. И я не допущу ничего подобного. Я говорил только о нездоровом любопытстве.
- О болезненном.
- Это одно и то же.
- Нездоровое звучит мягче. Не как диагноз... Впрочем, все равно. Так были те, кто не хотел спать?
- Я таких не знаю.
- Понятно.
- Что же тебе понятно?
- Опять память мира. Как с рабами. А свидетелей нет.
- Ты не нашла бы свидетелей, если даже они и были бы.
- Это еще почему?
- Мир не свидетельствует против себя. Если желание узнавать и творческие порывы так велики в тебе, ты можешь вникать в мою работу и помогать мне. Может, тогда, странные вопросы не будут так волновать тебя.
- Не знаю. Возможно, появятся другие, не менее странные.

И вопросы появились. Но я их не успевала задавать, да и Зорик не спешил на них отвечать...

Он работал с цивилизациями. С массами различных существ в их развитии. Его не интересовали личности, его интересовала толпа. Он создавал огромные общества, сообщества и целые цивилизации, наделяя их иногда большими потенциальными способностями и умениями. Но если законы коллективизма задавались первичными и целевыми, то есть главенствующими над развитием личности, всегда получалось примерно одно и то же. Ничего хорошего не получалось. Как он ни старался, даже самая развитая цивилизация в конце концов деградировала и теряла свой разум. Если он ослаблял коллективные признаки, ситуация начинала изменяться, но при малейшем ужесточении опять скатывалась в безумие. Напротив, цивилизации, зарождающиеся из полного хаоса и не стремящиеся к созданию идеального общества, а культивирующие развитие индивидуума, постепенно начинали обнаруживать в себе гармонию. Но с последними он только начал работать, чтобы как-то понять ситуацию с первыми, и у него не было еще конкретных результатов и статистики. Да и, как мне показалось, последние его не очень интересовали. Он считал, что где-то ошибается, и методично и настойчиво продолжал работу с первыми.

— Вот смотри. — Он сделал мне видимой одну из своих лабораторий. — Сообщество шрагов. Их тела практически совершенны. В строении организма и отдельных его частей и органов обнаруживаются более совершенные, чем у других созданий, формы. Кстати, это лучшее, что создал Кит. Помнишь Кита? Отличный парень, между прочим. Весьма талантлив. Работает над формами. — Зорик замолчал, что-то вспоминая или о чем-то жалея. Я точно не разобрала. — Так вот. Шраги вызывают восхищение удивительной полнотой своей организации. В то же время

даже меня они отталкивают своим холодным рассудком, не говоря уже о таких чувствительных созданиях, как ты, у которых вызывают чувство безотчетного отвращения и полного неприятия. — Он как будто любовался ими. — Какие чудные. Уничтожили всякую возможность для индивида освободиться от давления и управления со стороны сообщества. Наши рабы по сравнению с ними — дети. Причем первоначальная организация шрагов, какой я ее создавал, требовала высоких личностных качеств, рассудка и мощного логического разума. Но, как видишь, для установления общества по заложенным законам, и идущего к поставленным мной целям, им не потребовалось ни разума, ни рассудка.

— Что это за цели такие варварские? Или законы.

— Да в том-то и дело, что цели были вполне достойные.

— Какие?

— Достижение высокого уровня развития и процветания. Только развития не отдельных личностей, всего общества в целом. Зачет по последнему. Понимаешь?

— Уравниловка?

— Нет, не совсем. Общество должно было подтягивать последних. Или... — Он осекся.

— Что или?

— Или уничтожать их.

— Ничего себе законы...

— Я не стану вдаваться в подробности, ты не поймешь, но поверь, все было продумано. Уничтожение строго контролировалось... И можно о нем даже не упоминать. Дело не в этом.

— А в чем тогда?

— Их разум пошел против их собственной эволюции.

— Как это?

— Они думали, что эволюционируют, на самом деле изловчились как-то свою эволюцию остановить. Даже не заметив этого. На тот момент у них была достаточно высокая и развитая культура. Правда, весьма односторонняя. Полностью основанная на интеллектуальных соображениях выгоды и пользы. Для всех. Но у них почти полностью отсутствовало воображение, понимание, что мир может быть на самом деле не таким, каким они его себе видят. Они организовали свою жизнь на основе точного и научного порядка, полностью подчиняющего индивида интересам общества и в соответствии со своим пониманием этих интересов. Но именно развитие индивидов определяет возможность эволюции. Они должны были не уничтожать индивидов, а подниматься до их уровня, а они начали опускаться их до своего. В той или иной степени они изменили мой план. Сделали его выполнение невозможным. Через некоторое время их мыслительные способности, ставшие совершенно бесполезными в таком образом организованном сообществе, атрофировались. А автоматические, механистические привычки стали передаваться из поколения в поколение... И что поражает? С одной стороны — сумма разумности и расчета, вложенных в первоначальную организацию, с другой — полное отсутствие разума в деятельности.

— А как же так может быть? Как теряют разум?

— Получается, что разум понадобился только для начала, для запуска, так сказать. Для первоначального расчета и оценки. А запущенный механизм уже не требовал никакого ума. Привычки и обычаи усваивались уже автоматически и передавались по наследству. Разум оказался не только бесполезным, но даже вредным...

— Разум вредным не бывает, — не смогла промолчать я.

Он же, не замечая моей реплики, продолжал:

— Вредным и опасным, разумность не способна точно и бесперебойно передавать из поколения в поколение все детали. Разум забывает, извращает, искажает, фантазирует, наконец добавляя что-нибудь новое или вообще не существующее. В общем, разум был уничтожен... Кстати, была борьба. Войны, революции, восстания всякие.

— А это еще что?

— Да, собственно, это неважно. Просто борьба. Был период, когда шраги, еще не утратившие полностью способность к мышлению и осознанию, ясно увидели свое положение, ужаснулись и попытались его исправить. Но безрезультатно. Сообщество справилось с революционными элементами, и вскоре непокорные просто перестали рождаться. Все стали на одно лицо и на один манер.

— Так ведь ты сам поставил такую задачу.

— Ничего подобного. Моя цель — создание идеального общества, состоящего из личностей. Общество, в котором все личности совершенны.

— Получается, что коллективно нельзя прийти к совершенству. Все правильно.

— Вот и неправильно. Я просто где-то все время ошибаюсь. И был бы тебе премного благодарен, если ты укажешь мне, где именно. Или хотя бы намекнешь...

— Ну, для этого мне нужно получше все изучить. — Я почувствовала свою важность и расплылась.

— Изучай. — Он направил свое внимание куда-то в сторону, вбок. — Кажется, у нас гости.

— Привет, Си, привет, Кей, привет, Кална. — Я проявила радость.

— Счастлив видеть тебя в приятном расположении духа. Тебе здесь вполне комфортно, как я погляжу, — сказал Си.

Кей промолчал, стараясь не направлять на меня свое внимание. Судя по всему, он видел ситуацию более глубоко и точно, чем Си. И почему Сенка не может жить с Кеем? С ним бы мы точно нашли общий язык...

— Рада за тебя, — сказала Кална. — Сначала я так переживала, так переживала. А ты выглядишь довольной.

— Зря переживала. У меня все хорошо. Если не считать того, что я здесь в плену.

Зорик растворился. Видимо, посчитал, что дальнейшая беседа должна происходить без его участия. Повисло тяжелое молчание. Кей и Кална отстранились.

— А ты никак не успокоишься... — сказал Си.

— Я абсолютно спокойна. Смирилась, примирилась со всем. Вот даже вникаю в работу... А то, что я сказала... Ведь это правда. И вы все это знаете.

— О правде не обязательно говорить. Тем более об общеизвестной. И сказала ты это только для того, чтобы лишний раз уколоть Зорика.

— Что ему мои уколы?

— Ему ничего. А вот тебе...

— Что мне?

— Мир все видит. Ты так никогда не получишь имя. А следовательно, и свободу, о которой так мечтаешь.

Ну да. А ведь он абсолютно прав. С этим надо что-то делать. Имя мне просто необходимо. Или? Может, это что-то неопределенное, как и число. Никто точно не знает, зачем оно и что означает. И с именем, возможно, та же история... Но это все равно ничуть

не облегчает моей задачи. В любом случае непонятно, что делать.

Пока я рассуждала подобным образом, Си внимательно следил за мной. И в какой-то момент он все-таки решил прервать мой внутренний диалог.

— Мы, собственно, по делу, — сказал он.

Кей и Кална приблизились.

— Надвигается Тарнам, — продолжал он.

— Ну, поскольку я не знаю, что это или кто, эта информация, вероятно, для Зорика. Звать будем?

— Не будем. Зорик прекрасно осведомлен и давно готовится к Тарнаму. Я хотел бы поговорить об этом именно с тобой.

— И я, — вмешалась Кална. — Тарнам — это самое чудесное, что может быть. Это праздник, это веселье, это развлечение, это...

— Не только праздник. — Си немного отстранил Калну. Совсем чуть-чуть. Так, что она даже не заметила. Зато заметила я. — Тарнам — это собрание, сбор всех обитателей мира.

— Не совсем всех, — поправил его Кей.

— Да, но в данном случае это неважно. Не собираешься ли ты объяснять сейчас ей, что значит все обитатели и не все?

— Не собираюсь.

— Тогда будем считать, что всех. В противном случае своими вопросами она нас опять уведет очень далеко.

— Конечно, уведу, — не выдержала я. — Мне интересно.

Не давая мне продолжить мысль и углубиться в проблему, Си поспешил продолжить.

— Тарнам сам по себе для тебя будет чрезвычайно интересен. На Тарнам приходят все. Кто может и желает...

— Значит, я могу и не ходить.

— Не можешь. Поскольку ты не сама по себе. Ты сейчас с Зориком. Для него Тарнам очень важен и необходим. Это единственное место, где могут встретиться сразу все творцы. Так вот, прошу тебя, забудь на время Тарнама, что ты пленница, как ты говоришь, будь так любезна. Не думай об этом и не держи на этом внимание. Развлекайся. Кстати, неплохой шанс узнать что-то новое. Ты ведь любишь новое?

— Люблю. А что будет, если я не смогу? Не смогу не держать внимание?

— Не знаю. Я не хочу рассуждать на этот счет. Пожалуйста, сделай, как я прошу. — И он распался.

— Пошел к Зорику, — сказал Кей.

— Послушайся Си, — сказала Кална.

— А что, разве не все знают, что Зорик поймал меня в ловушку? — спросила я.

— На Тарнам придут из самых отдаленных районов. Возможно, там не знают.

— И что такого, если узнают?

— Ничего, — сказал Кей.

— А вдруг кто-нибудь захочет тебя освободить? Будет война, — сказала Кална.

— Этого не следовало говорить, Кална. — Кей проявил расстройство.

— Ой, прости, Кей. Я такая глупая.

— Но ведь Си говорил, что освободить меня может только сумасшедший Госеп, какого здесь нет.

— Какого не было. Никто не знает, что принесет Тарнам на этот раз.

И Кей рассказал мне странную историю. Кажется, он не хотел ничего говорить, но что-то, похоже,

его заставляло. Изнутри. Даже Кална вытянулась и застыла в откровенном удивлении. Пересказать, что вместила, невозможно. Но в образах, доступных ограниченными существам, это представляется примерно следующим образом.

Мир Гесе — бесконечный океан. А мы все на поверхности этого океана. На поверхности мы общаемся друг с другом и сами с собой. Чувствуем, творим, живем. Но иногда в этом океане обнаруживается внутреннее движение. Как будто кто-то гигантской ложкой мешает и вспенивает воды, а когда убирает ложку, на поверхности иногда оказывается кто-то новый. И когда он появляется на Тарнаме, на вопрос:

— Откуда ты взялся в этом мире, дружок?

Отвечает:

— Я всегда здесь был, это мой мир. А вот вы откуда все набежали? Что-то я вас раньше не видел.

А потом он начинает рассказывать о своих друзьях, которых здесь никто никогда не знал, и в конечном счете приходит к мысли, что он слишком далеко забрел. Но если у него потом появляется желание вернуться, то он не может найти дорогу назад. И остается. О таких пришельцах говорят, что они из дальних областей. Хотя, конечно, все понимают, что это не так, поскольку те, кто населяют дальние области, этих пришельцев тоже никогда не видели и не знали. Да и сами дальние области вовсе для нас не дальние, так как мы путешествуем не телом, а мыслью, которая выстраивает себе соответствующее тело.

Эти так называемые обитатели дальних областей совсем не то, что Сенки, которые действительно приходят в этот мир из других и несут в себе память, по крайней мере на момент прихода, о других мирах. В отличие от Сенок пришельцы уверены, что были

здесь всегда. А по мере того как они начинают жить новой жизнью в новом окружении, полностью забывается их прошлое. Они не помнят его. Знают только, что когда-то они пришли в этот мир, а откуда и кто они — не помнят. Причем все такие пришельцы являются Госепами. Они всегда появляются без Сенок, но уже с именами. И все в той или иной степени на первых порах не совсем в себе, а точнее совсем не в себе, то есть немного того. Ну, это и понятно. Такое потрясение. Они плохо ориентируются в мире, не знают его законов, поскольку там, откуда они пришли, были другие законы, другая память мира. Но они очень скоро все это забывают, начинают жить по нужным законам, и обычно сильно преуспевают. У них всегда большие числа, которые стремительно растут. Очевидно, там, откуда их приносит, условия для роста и развития более благоприятны.

Возникли различные учения и организовывались поиски пространственно-временной матрицы дыры или поля, откуда берутся пришельцы. Появилась даже теория, что все Госепы именно так попали в мир. Но поиски пока не увенчались успехом и до сих пор продолжаются, а теория оказалась несостоятельной, потому что большинству Госепов дают имена Сенки, с помощью мира, разумеется. В общем, дело темное.

Давно уже Тарнам не приносил новых героев. Но накануне его все озабочены и взволнованы — чего ждать на этот раз? Или ничего? Как и в прошлый...

Стараясь не анализировать полученную информацию, дабы не сделать поспешных выводов и не обольститься возможными перспективами освобождения, которых, может быть, и не будет, точнее говоря, которые вряд ли вообще появятся, я погрузилась в изучение цивилизаций Зорика. Как и обещала.

Похоже, не только сообщество шраков, но и все другие из представленных мне Зориком, в конце концов полностью вырождались, теряя всякую способность к возвращению к разумной цивилизации, обрывая все нити, ведущие к сознательной эволюции.

Больше всего, правда, меня поразили не шраги, а цивилизация глостеров. Она высветилась для меня наиболее любопытной, всеобъемлющей, а в некоторой степени даже самой логичной и соответствующей особенностям существования из всех сообществ, которые были представлены в лабораториях Зорика. Она отталкивала и притягивала одновременно. Завораживала и вызывала легкое недомогание. Хотелось вникать в детали и рассматривать ее бесконечно долго, но в то же самое время суровость и свирепость ее законов приводили разум в состояние вязкого непонимания и тягостной тревоги.

Дисциплина, доведенная до абсурда, добровольное подчинение глупым и суровым законам и порядкам, полная отдача себя системе до тех пор, пока индивид полностью не будет уничтожен, а его нищета не превратится в абсолютную. И все опять таки су-

губо добровольно. Никто не стоит над душой с палкой, никто не приказывает, не торопит, не принуждает. Только кто-то дышит в затылок. Такой же. И если в других сообществах полученными благами цивилизации пользуются хотя бы немногие, хотя бы на протяжении какого-то времени, то здесь ими не пользуются никто. Все погружено в неизбежность. Темную, глухую, непроницаемую неизбежность.

Здесь нет остановки, нет отдыха, нет сна... Подумав о сне, я тут же вспомнила разговор с Зориком. Какой все-таки замечательный наш мир. Ночь настанет, как только я захочу спать. Или не настанет? Надо с этим получше разобраться. И что значит все-таки «остаться в старом»? В старом дне, я имею в виду. Может, Зорик специально занимает меня всякими исследованиями несуществующих цивилизаций, чтобы я не изучала мир? Мир настоящий, мир, в котором живу... Мысль о сне зацепила своим беспокойным хвостом мысль о мире, та развернулась и в стремительном полете понеслась фантазировать и измышлять по поводу Тарнама, пришельцев и... Стоп. Усилии не очень легким я скрутила их назад в плотный клубок. Не сейчас. А что сейчас? Сейчас глостеры...

Итак, здесь нет сна. Болезнь недопустима, а любое недомогание и внезапная слабость ведут к смертельному приговору. Лишения, ограничения, самоистязания и жертвоприношения не приносят никому не только счастья, но и пользы. Отчаяние растет и усугубляется. Нужно сказать Зорику, чтобы срочно уничтожил этот мир. Единственный способ прекратить отчаяние и боль...

— Я так и сделаю, — сказал Зорик, возникнув и завладев моим вниманием. — Если ты хочешь.

— Хочу.

— Вот смотри...

И передо мной поплыли совсем другие картины.

— Посмотри, какими они были. Насколько совершенны, красивы и вместе с тем функциональны их тела.

— Были.

— Именно. У глостеров были глаза, щели и антенны, с помощью которых они получали визуальную информацию в спектре, ширина которого намного превосходит аналогичные приборы других существ. У них были слуховые, осязательные и другие органы восприятия, которыми пришлось пожертвовать. У них даже были крылья! И у них был пол.

— Пол?

— Пол. Который позволял им наслаждаться многими вещами. Любить и испытывать целую гамму изумительных ощущений.

Я проявила любопытство.

— Ну, я потом как-нибудь расскажу тебе, что такое пол, — быстро сказал Зорик. — Так вот. Прежде чем принести все это в жертву, им пришлось отказаться от разума.

— Ну почему?

— Не знаю. Возможно, ты мне когда-нибудь прольешь на это хоть какой-то свет. Ты ведь Сенка. Прочувствуй.

— Не хочу. Это все ужасно. Ужасно неприятно и грустно.

Несмотря на такую оценку, я все-таки честно продолжила исследования дальше. Старалась понять, вникнуть, разложить по коробочкам и баночкам и в конце концов приятно удивить Зорика результатом своей кропотливой работы. Вследствие чего Зорик, по моим расчетам, должен будет расчувствоваться,

проникнуться бесконечной благодарностью и неотвратно осознать, что такую уникальную Сенку никак недопустимо держать силой. Извинится, расплачется и отпустит меня на свободу. Ну, не расплачется, конечно, но испытает что-нибудь очень похожее.

Эта мысль вдохновляла, воодушевляла, подталкивала заниматься не очень приятным, но, тем не менее, весьма интересным делом. Зорик оценил, и казался чрезвычайно довольным.

— Ты большая молодец, — говорил он. — Я сразу тебя разглядел и почувствовал. И ты скоро примешь меня, я не сомневаюсь. И у тебя появится имя. Иногда я даже представляю это. Как я даю тебе имя. И гадаю, каким оно будет. Это очень приятно. — И он растворялся на этой приятной ноте.

А появившись, начинал мечтать в другом направлении:

— Я уничтожу все эти неудавшиеся миры — провалившиеся эксперименты. Я буду создавать другие. С твоей помощью. И у нас все получится, не может не получиться. Ты расскажешь мне обо всем, что видела вне Гесе. И мы создадим что-то совершенно новое и неожиданное, чего раньше не было. Мое число повысится, и я, может быть, стану главным...

— Или понизится...

— Что?

— Я говорю, что число может легко и понизиться. Никогда не знаешь, чего ждать от числа, если имеешь дело с чем-то новым, неведомым.

Он задумался.

— Ну, мы будем вводить новшества постепенно и прислушиваться и присматриваться к тому, что происходит внутри. И если что-то пойдет не так, что-

то пойдет криво, мы сможем это отследить и перестроиться.

— Боишься?

— Госепы не знают страха. Госепы уважают порядок и законы.

— Я это уже поняла. Но я Сенка. И делаю то, что хочется. И не буду подстраиваться под реакцию мира.

Зорик проявил снисхождение:

— Есть над чем работать. Но в любом случае мне нравится то, что вижу. А вижу я, что моя Сенка, хоть и не избавилась еще от глупого тщеславия, делает достойные и правильные шаги по пути нашего с ней сближения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Чтобы увидеть невидимое, нужно знать, оно есть.

Чтобы улететь, нужно знать, тебя нет

1

От Тарнама я ждала большего. Большого праздника, веселья и информации. Хотя, надо признать, теперь, после моего глубоко погружения в плотные миры, я совершенно отчетливо сознаю, что Гесе вообще не создан ни для праздника, ни для веселья. Это мир покоя, всепроникающего вездесущего спокойствия, равновесия и вечности. Мир средней точки. Бурные эмоции и чувства, радость переполняющая и боль всепоглощающая — это понятия пограничные и очень неустойчивые, удел плотных миров.

Тарнам не был тем праздником, какие я видела в плотных мирах, но он дал мне то, что единственное имеет теперь для меня значение. Тарнам принес Го.

Огромный темный вихрь долго не мог прийти в себя и понять, что происходит. Он негодовал и в гневе искал обратный путь. Путь к себе. Все тихо наблюдали и ждали, когда он успокоится. Все знали, что назад дороги нет. Даже я.

— Это конец, — сказал Зорик.

— Конец чего? — спросила я.

— Конец нашего союза.

— Ты хочешь сказать, моего пленения... А почему ты так решил?

— Вижу. Он отберет тебя у меня.

— Он сильнее тебя?

— Нет, не думаю.

— Так как же он меня заберет?

— Не знаю как. Я просто вижу это.

— Ну уж нет. Один плен менять на другой я не согласна.

— Тогда прими меня. Обрати пленение в добровольный союз...

Я задумалась. Зорик, по крайней мере, не делает мне ничего плохого. Он просто ждет. Ждет терпеливо и спокойно. Где-то даже самоотверженно. Он превратил это ожидание в своего рода искусство. И преуспел в нем. А что будет делать этот новенький — неизвестно. Большой вопрос.

Я осознала свою обреченность. Путь к свободе для меня закрыт. Либо один, либо другой. Что ж, похоже, у меня нет выбора...

Я обратила все свое внимание на Зорика. Напряглась, чтобы вместить, принять и смириться...

— Она не сможет. Или не успеет, — сказал Си. — Я вижу его с ней. Отступи.

— Нет. По закону он должен объявить, что будет бороться. Я так просто не сдамся.

— Как знаешь. Только потеряешь число. Если проиграешь. А ты проиграешь.

И здесь новенький обратил на меня внимание. Оно растеклось внутри приятным теплом. Я открылась навстречу и потеряла всякую способность к дальнейшей оценке происходящего. И я бы, наверно, влетела в него дрожащим вихрем, если бы не притяжение Зорика. Он не отпускал меня... Сознание погасло, как свет в зале. И как будто взамен покинувшему меня пониманию на бледном молочно-мутном экране неведомая сила начала прокручивать передо мною совсем другое кино.

Неведомые образы, странные, порой нелепые и пугающие запестрили и запрыгали. Они то звали

с собой, то шипели, глухо свистели и отталкивали, а то и вовсе отказывались меня замечать, увлекшись сами собой, начинали, ликуя и галдя, производить себе подобных, умножаясь в числе и звуках.

Но вот появился кто-то совсем непохожий на предыдущих, кишащих и ворчащих. Он, как будто смущаясь и оправдываясь за их поведение, шум и организованный беспорядок, стал пытаться привести их в спокойное состояние, используя непонятные мне связи и отношения, не сводя, тем не менее, своего пристального теплого внимания с меня; продолжая стесняться и извиняться, он развернул какой-то немыслимый многомерный пылесос, так что в конце концов не справившись с разгулявшимися существами, просто засосал их. В себя. И разошелся до такой степени, что я со своего места в первом ряду чуть не поддалась струе вихря и не последовала за всеми остальными внутрь. Он засмущался еще больше, — и если бы у него были щеки, они наверняка залились бы сочной краской, — как-то неестественно сжался и тут же остановил работу своей воронки. Потом отдалился, проявив свое внимание где-то сбоку, и вовсе исчез. Пустота зазвенела и разбилась. И опять по экрану поползли образы. На этот раз знакомые и даже милые.

Я увидела Трена. Он куда-то спешил в празднично-парадной одежде. Внутреннее возбуждение и переживание чего-то важного, что должно случиться, ощущалось во всех его движениях и поведении. Погруженный в свои мысли, переживания и явно в планирование предстоящего чего-то значительного, он, не замечая дружественных и не совсем взглядов и окриков, прокладывал свой путь вдоль широкой и сказочно расцветченной улицы. Да, Тор с Тено, безусловно, преуспели в цвете...

Стоило моему воспоминанию слабо коснуться папки с надписью «Тор и Тено», как на мутной белизне странного экрана образ Трена стал бледнеть, свертываясь в жгут, который своим изворотливым движением изогнулся и, продолжая скручиваться со все возрастающей скоростью, вместил в себя яркую улицу и все-все-все, что было на этой улице, расширился и, разделившись на две неравные части, изверг из себя Тено и Тора. Они как всегда спорили о чем-то непонятном. Впрочем, если бы мне удалось сосредоточиться, я, возможно, и начала бы понимать, что они не поделили на этот раз, но собрать и направить на них должное для этого внимание я не смогла; оно соскользнуло с них вовсе и направилось навстречу возникающим на экране знакомым мне существам. Но оно лишь легко касалось и их, не в силах зацепиться и остановиться, оно блуждало, находясь в состоянии какого-то свободного неконтролируемого блуждания, что, в общем, не вызывало во мне ни протеста, ни паники, ни даже малейшего неудобства. Я с удовольствием наблюдала за близкими знакомыми, не задерживаясь на возникающих ассоциациях и малейших оценках. Я просто получала информацию, не заботясь о том, куда ее складывать и что с ней потом делать; расслабилась, расправилась, растеклась. Внимала, не вмещая...

— Привет, — сказал он, а я вновь обрела способность к осознанию и пониманию — пришла в себя, точнее, пришла к нему, поскольку рядом больше никого не было. В том числе и Зорика. И я почувствовала свободу. Это чувство ни с чем не спутаешь. Оно не похоже ни на одно другое. Я была свободна. И я могла бы сразу покинуть этот мир и отправиться в путешествие, если бы не легкое, интригующее, едва за-

метное и поэтому совершенно не настораживающее и не пугающее притяжение со стороны нового обитателя нашей области.

— Ура! — сказала я вместо приветствия.

— Я решил, что так будет лучше.

— И очень правильно решил. Так очень хорошо.

— Я Го.

— А я просто Сенка. У меня нет пока имени... И, может быть, никогда не будет, — зачем-то добавила я. И пустилась в пространные объяснения того, что не очень-то и хотелось, что мне и так хорошо, и далее в этом духе и в своей манере. Не могла я тогда без этого.

— Будет, — перебил он меня, не дав разойтись и углубиться в тему.

— Видишь?

— Вижу.

— Ты, может, и видишь, какое именно у меня имя?

— Вижу.

— Скажи.

— Не скажу.

— Это почему еще?

— Не хочу.

Такой ответ поставил меня в тупик. Он был чисто в моем духе. Я и сама запросто могла так ответить. Его право не хотеть. Заставить хотеть нельзя...

Он проявил смех.

— И спасибо не скажешь?

— За что? — возмутилась я, обдумывая его отказ. Мысли в другом направлении течь отказывались.

— За то, что я освободил тебя — сделал свободной.

— А... Спасибо, конечно. Извини.

— Ладно уж.

— А почему ты не сделал меня своей?
— Не знаю. Мне и мысль такая не пришла.
— Зорик сказал, что ты отнимешь меня у него и возьмешь себе.

— Может, так и сделать? — он опять проявил смех.

— Эй-эй. — Я отстранилась.

— Не бойся. Если бы я хотел тебя пленить, я бы это уже сделал.

— Разве ты не хочешь меня иметь?

— Зачем?

— Чтобы у тебя была Сенка. Все Госепы хотят иметь Сенок. У тебя раньше была Сенка?

— Не помню... Не знаю... — он проявил растерянность, впрочем, как и я. Поразительно. Но я расстроилась, что он не хотел меня. Мне стало не по себе. Если бы я могла плакать, наверное, у меня выступили бы слезы. Смешно. Он не пытался удержать меня, не пытался заинтересовать. Он просто дал мне свободу, о которой я так мечтала, и, получив которую, теперь не знала, что с ней делать. Мне почему-то захотелось отдать эту свободу. Ему. Но он, по-видимому, не очень-то и хотел ее у меня взять.

— Ну ладно... — наконец сказала я. — Тогда я пойду, да?

— Иди, — сказал он. — Но, если хочешь, ты можешь остаться со мной. Будешь моей Сенкой. — И он проявил такую нежность, что я готова была отдаться ему без остатка, всем своим эфемерным существом, всем, что у меня было. Меня тянуло к нему уже неистово и неудержимо. Но я все же удержалось. Непонятное чувство осело внутри. Чувство, несвойственное обитателям тонких миров. Неведомое им. Но это чувство не позволило мне отдаться порыву.

— Я подумаю. И еще раз спасибо. За свободу. Я должна ею непременно воспользоваться. Прямо сейчас.

— Как?

— Я отправляюсь в путешествие. В другие миры.

— Ты можешь покинуть эту матрицу?

— Конечно, могу. Я же Сенка. Впрочем, ты, наверно, и не помнишь, кто такие Сенки...

— Не помню.

— Сенки легко изменяются и подстраивают себя под любые числа.

— Так уж и под любые.

— Ну да, ты прав. Пока я не побывала во всех мирах, мое заявление звучит некорректно... Почти под любые. В любом случае, Госепы так не могут. И никто не может, кроме Сенок... Знаешь, и Сенки не все могут. Вернее, они почему-то не хотят. Но это, по большому счету, одно и то же. Ведь если кто-то что-то может, но не хочет и не делает, значит, он не может захотеть это сделать, а это равносильно тому, что не может сделать. Правда?

— Правда. Я однажды создал мир, в котором каждый мог стать волшебником, если бы начал развивать себя определенным образом. Но этот процесс оказался настолько трудным, что никто не захотел этим заниматься. Но могли все. Абсолютно. Я всех наделил определенными способностями и потенциальными умениями. Нужно было только их развивать. А они хотели просто жить.

— И никто не захотел быть волшебником?

— Сначала захотели все. Но большинство из них не хотели делать над собой постоянные усилия, чтобы достичь цели, и убедили себя, что эти усилия любому ничего не принесут и что волшебником стать нельзя. Другие какое-то время выполняли нужные уп-

ражнения и кое-чего добились, но, приобретя способности, навыки и умения, которые отсутствовали у первых, решили, что они уже волшебники, и постепенно перестали работать над собой — не захотели прилагать сверхусилия.

— Так никто волшебником и не стал?

— Насколько я знаю, нет, по крайней мере, на тот момент, когда я отпустил тот мир в свободное развитие, — никто.

— Ты его не уничтожил?

— Кого?

— Ну, мир этот.

— Зачем?

— Зорик всегда засасывал неудавшиеся миры.

— А разве мир не удался? Там все были вполне счастливы. Они делали, что хотели, и развивались в соответствии со своими желаниями. На них, конечно, обрушивались иногда проблемы и неудачи, но ведь это всегда так с мирами.

— Удался мир или не удался, проверяют по реализации в нем поставленной задачи. Если задача выполнена, то мир удался, если нет, то он должен быть уничтожен. Такой мир отпускать нельзя, — бодро постановила я, а он почему-то проявил смех. — По крайней мере, так всегда поступал Зорик и даже сам Ути-лос, да и все Госепы... — менее уверенно добавила я. — У тебя какая была задача?

— Никакой. Я обычно создаю мир с определенными базовыми характеристиками и потенциальными возможностями и смотрю, как он развивается. Иногда даже из чего-то очень простого получается что-то весьма интересное и любопытное. Но чаще всего потенциальные способности так и остаются в потенциале. Мир обычно сам придумывает себе

свои игрушки, и настолько ими увлекается, что оказывается вполне самодостаточным.

— Это как?

— Ну, вот в тот мир я, например, попытался попасть сам. Сделал себе тело и все необходимое...

— И что? Ты захотел быть волшебником?

— Захотеть-то я захотел. Но мне стало гораздо интереснее заниматься чем-нибудь другим. Мир форм. Знаешь, как там всего много? И это многое можно получить гораздо проще и прилагая намного меньше, несравнимо меньше усилий, чем для того, чтобы стать волшебником. А желание быть волшебником не оставляет место для других... желаний.

— Так что можно считать, что и не захотел?

— Можно.

— Интересно. Я не умею создавать миры. Но зато я могу проникать. И я уже видела много-много разных миров. Может, я была и в твоих?

— Все может быть. Хотя вряд ли.

— Почему вряд ли?

— Корневые отношения в созданных мною мирах отличны от констант миров, которые тебе доступны.

— А ты откуда знаешь?

Он проявил снисхождение и смех.

— Просто знаю. Я Госеп.

— Я вижу, что не Сенка. — И опять странное хорошее чувство завладело мною. Одной своей половиной я безумно тянулась к нему и в него. Другая половина надувала губы, которых не было, и обижалась тем органом, который отсутствовал, на то, чего не вмещала и не понимала ни первая, ни вторая. Меня рвало на части, которых не существовало. И я поняла,

что если сейчас же не исчезну, то останусь с ним навсегда. Ничто не пугало меня так, как «навсегда»...

— Пока, — сказала я и изменила свои числа, испытав долгожданное состояние перехода, которое, как ни странно, не очень порадовало меня на этот раз.

Я искала в себе новые возможности и новые измененные состояния. Но процесс вариации моих чисел происходил, по-видимому, все время аналогичным образом, перенося меня уже по известным тонким мирам. Я встречала там знакомых и хорошо знакомых существей. Некоторым, похоже, я уже стала надоедать. Другие встречали меня дежурно-равнодушными приветствиями или вообще не замечали. С радостью открывался навстречу мне всегда только Дентор.

— Привет, Сенка.

— Здравствуй, Дентор. Или Андем? Или? Может, у тебя появилась еще какая-то новая сущность или новое имя?

— Нет. Пока нет. Но я исследую себя и изучаю свои возможности.

— А у меня скоро будет имя, — похвасталась я.

— Я рад. И каким оно будет?

— Не знаю пока. Но думаю, оно будет красивым.

— Ты нашла своего Госепа?

— Да, только он еще об этом не знает.

— Как так?

— Я осознала, что нашла его, только тогда, когда его оставила...

— И он отпустил тебя?

— Отпустил...

— Странно.

— Вот и я говорю, странно.

Новые миры встречались только в плотных и сверхплотных состояниях вещества. Здесь царили разнообразие и новизна. Никогда не знаешь, какой мир плотной массы встретится на этот раз. Они все время меняются, появляются и исчезают. Их бесчисленное множество. Они переливаются и играют веществом. Но я могу наблюдать их в полной мере только извне. Они недостаточно впускают меня в себя, а иногда и вовсе не принимают меня. Я плохо их чувствую, вмещаю и интерпретирую. Они непонятны мне. Я лишена тех понятий, которыми они оперируют. Это темные миры. У меня не хватает внутреннего света, чтобы осветить их и увидеть в полной мере. Они нанизаны друг на друга, и их бесконечное множество. Почти одинаковых. Одних и тех же. Они как бы пульсируют. И в них все всё время воюют. Даже если нет войны. Все воюют. Воюют с собой, с миром вокруг, со всем и всеми.

Там есть добро и зло. Я так и не поняла, что это такое. Они сами, по-моему, их придумали. Потому что никто этого не создавал. Все те, кто могут создавать миры, не знают, что это такое. Я спрашивала. У всех, кого встречала. Никто не знает. Этих понятий нет в вечности. Ничто не является ни добром, ни злом. Все является только опытом. Опыт приносит мудрость. Если желание стать мудрым побуждает одно существо убить другое или просто подумать об убийстве, представить его в своем сознании, то оба варианта равноправны и равнозначны, поскольку мысль создает реальность. Плотные существа не знают об этом или не хотят знать. Они не видят, как материализуется их мысль. А тот, кто в желании стать мудрым становится соучастником убийцы в его самовыражении, не является жертвой, поскольку он раз-

думывал о возможности быть убитым или поврежденным каким-либо способом.

Там даже есть правда и неправда. Эти понятия мне также недоступны. Все просто есть. Как то, что есть, может быть правдой или неправдой? Если все, что есть — правда, тогда что такое неправда?

Я много выпрашивала у Трена по поводу правды.

— Правда, — говорил он, — это то, что существует, что есть.

— А неправда? — спрашивала я.

— Ну, это фантазии разные, игра воображения — то чего нет в действительности.

— Как же нет? Это же мысли. Мыслей нет? Разве? Если мыслей нет, тогда и ничего нет. Тогда все — неправда. Или все — правда. Правда и неправда это одно и то же.

Трен пожимал плечами.

— Ну, не знаю, мысли не реальны. Не все мысли соответствуют реальному миру.

— А что такое реальный мир?

— Ну, вон то дерево, те воины, та река, тот дом. Видишь?

— Вижу.

— Они реальны. Ты можешь подойти и потрогать дом. Можешь в него войти.

— Могу и уничтожить. Сжечь могу. Запросто. И не будет дома... А вот твою мысль об этом доме я не могу уничтожить, даже если убью тебя... Каждый раз то, о чем ты думаешь, становится правдой внутри тебя. И любое живое существо всегда находится на пике правды, во что бы оно ни верило. И его творческая реальность отличается от творческой реальности соседа. Сосед не способен заглянуть в твою реальность, поскольку он глубоко занырнул в иллюзии своей соб-

ственной. Так что же тогда более реально: дом или мысль о доме?

Там все разбивается на противоположности. Там нет единства. Нет нейтральной точки. И правда, что можно получить из нейтральности? Только нейтральность. Ни удовольствия, ни страдания. Ничего того, что требует их естество. Они живут для накопления опыта. Эмоционального и чувственного. Плотное тело только для этого. Зачем оно еще нужно? Вот они и рассекают все, чтобы познать противоположности. Оказаться на краю. Но большинство стекается на край приятных переживаний, удовольствия, власти, богатства, славы. А оказаться на противоположном краю почти никто не хочет. Но он есть. Край этот. Они создали его, разбив нейтральность. Но все ведь вышло из одной точки. И в любой момент оно должно иметь возможность туда же стечься и снова образовать нейтральность. Это как свет, который при разложении разноцветный. Но чтобы потом опять получить первичный поток, нужно задействовать все цвета. И это не имеет никакого значения, что всем нравится красный. Кто-то должен взять себе и остальные. Либо все, либо ни одного. Поэтому удовольствия и счастья должно быть ровно столько, сколько страдания и боли. Существа боятся боли и несчастий. Думают о возможности их испытать и тем самым притягивают соответствующие реальности своими мыслями. Встречаются, правда, сущности, которым нравится испытывать боль. Это тот опыт, который ведет их к мудрости. И другие должны их холить и лелеять, поскольку они добровольно забирают часть спектра, которая никому, кроме них, не нужна. Но сущности не понимают этого и часто организовывают гонения и преследования любителей странных ощущений.

2

Он как будто ждал моего возвращения. Я обнаружила его сразу же, как попала назад в Гесе. Сбросив с себя живые впечатления других миров, я погрузилась памятью в него и поняла, что я вернулась, чтобы стать его Сенкой. Я почувствовала сильное, нежное притяжение и не стала сопротивляться. Я отдалась притяжению, будучи не в состоянии анализировать то, что происходило со мной и с ним. «Вот как это бывает», — только и промелькнуло у меня в голове. Мы занимались любовью. Я делала это в первый раз. И бесполезно подбирать слова, чтобы описать...

— Тебя зовут Эя.

— Меня зовут Эя...

— Эя.

— Мне нравится мое имя.

— Мне тоже.

— Го и Эя.

— Эя и Го.

— Я люблю тебя. Наконец-то я люблю... Тебя.

Наконец-то я люблю тебя.

— Ты любишь меня.

— Ты любишь меня.

— Я любил тебя всегда. Ты была со мной, даже когда тебя не было...

— Я была всегда... Я была с тобой. Всегда.

Мы долго были одни. Очень долго. В Гесе, если хочешь быть один и никого не видеть, ты будешь

один. Для того чтобы кого-то увидеть и с кем-то общаться, нужно обратить на него свое внимание, как бы повернуть голову в его сторону. А если голову не повернул, значит, никого там и нет. Мы не хотели никого видеть и не видели. Мы хотели чувствовать и видеть только друг друга. Мы занимались любовью и разговаривали.

— Почему ты уходишь из Гесе?

— Не знаю. Я чувствую потребность. Я вдруг понимаю, что должна это сделать. Ко мне приходит мысль, что если я останусь в Гесе навсегда и не буду путешествовать, то я перестану быть Сенкой.

— Как это?

— Не знаю... Сенки, которые нашли своих Гесепов и не уходят из Гесе, уже не очень похожи на Сенюк. Они какие-то другие. Я не хочу быть такой... Раньше я боялась стать рабом...

— А теперь не боишься?

— Теперь не боюсь.

— Почему?

— Теперь я думаю, что рабы — это отдельные, самостоятельные сущности. Они всегда такими были.

— Всегда были рабами?

— Ну да. Да и называют их так условно. Какие же они рабы? Их никто не заставляет ничего делать. Никто и ничто не угрожает их жизни. А когда им дают какую-нибудь работу, они с удовольствием за нее берутся, потому что сами не могут себе придумать занятие. Разве это рабы? Я видела рабов в плотных мирах...

— И что?

— Они совсем другие. Их часто бьют и даже убивают. Их заставляют все время работать.

— Даже когда они не хотят?

— Именно. Есть, конечно, рабы, которым повезло и к которым хорошо относятся. Но это редкость...

— А как же их убивают? Их так просто убить?

— В плотных мирах убийство — обычная вещь. Убить просто кого угодно. Не только раба. Да они и сами часто умирают... Даже не так. Они все умирают, когда находят свое время. Там все поздно или рано находят свое время. Вернее, его там и искать не надо. Оно само находится. И очень боятся...

— Боятся умереть?

— Да. Боятся смерти.

— Там есть смерть?

— Нет, конечно. Но они думают, что есть. У них так устроено сознание, что оно воспринимает мир в локальном времени. Время там прямое, как стрела, и однонаправленное.

— Как это?

— Ну, я имею в виду, что они осознают себя только в векторном времени. Не могут увидеть его со стороны. И себя тоже. Вне времени. Так мысль играет с материей.

— А... Я знаю. Я понимаю, о чем ты. В своих лабораториях я работаю с различными сознаниями. У меня есть и такие.

— Покажешь?

— Конечно, покажу. Мои лаборатории — твои лаборатории.

— Здорово. Мы будем работать вместе?

— Если ты захочешь.

— Как же не захотеть?

— У меня есть вещи, которые я не могу сделать сам...

— Я в курсе. Госепы все такие. Как слоны. Тонкая работа им не под силу.

Лаборатории Го отличались от всех других, которые я видела раньше у Госепов. В них не было напря-

жения и сосредоточения чужой энергии. Рассеянные вибрации света, звука, цвета и сознания не конфликтовали, а создавали общую мягкую удовлетворенность. Ничего не выбивалось из общего ритма, и все гармонировало со всем. Даже сферы, которые Го называл своими ошибками, не были антагонистичными и не излучали ни страха, ни отчаяния, ни боли. От них исходило, может быть, легкое чувство вины и желание, чтобы направленное внимание проследовало мимо, не задерживаясь на них. Они как бы говорили: «Ну да, мы такие. Что ж теперь поделать. Не получилось у нас на этот раз. В следующий получится... Ну, чего смотрите. Идите дальше. Там много всего интересного. А мы уж здесь сами как-нибудь. И не надо нас жалеть. Мы вполне довольны собой. А если вам что не нравится, так и не смотрите. Проходите. Проходите...»

А еще эти лаборатории не имели конца. По крайней мере, я его не нашла. Из чего сделала вывод, что Го самый большой и сильный их всех, кого я встречала. Мысль эта всегда, в том числе и сейчас, рождает во мне желание.

— Ну, — говорил Го, проводя меня по нескончаемым сияющим лабиринтам, — это не очень интересно, это тоже... Это я тебе потом покажу, не сейчас. Тут еще кое-что непонятно и не готово. Вот смотри. Здесь можно задержаться. Это нудоны. Помнишь наш разговор? Они, конечно, отличаются от тех, что ты видела в плотных мирах, но тоже весьма интересны. Они тоже в ловушке у времени. Смотри.

Нудоны были дружелюбны и любопытны. А через всю сферу их мира проходила светящаяся плоскость, которую пересекали или могли пересечь и са-

ми нудоны, и другие предметы, и существа этого лабораторного мира. Плоскость медленно поворачивалась вокруг невидимого центра. Настолько медленно, что движение это не было заметно. Я просто почувствовала, что это так.

— Что это за плоскость? — спросила я.

— Это мир, в котором нудоны себя осознают. Их сознание двумерно. Они осознают только эту плоскость. Считают себя плоскими. Для них не существует предметов — только разрезы.

— И то, что не пересекает эту плоскость, тоже не существует?

— Конечно.

— Забавно. Они думают, что они линии?

— Линии — единственное, что они осознают. Все разнообразие форм для них лишь линии. Но линии разные. Линии, обладающие различными, иногда загадочными и магическими свойствами.

— Например.

— Например... Смотри. Видишь, как внимательно изучают они эту фигуру. Будем считать, что это прямоугольник.

— Вообще-то это разрез какого предмета.

— Ну да. Но в плоскости их мира это прямоугольник. А для них даже не прямоугольник, а линия с определенными свойствами. Они обошли этот прямоугольник уже много-много раз, назвали его руной и определили как нечто, обладающее свойством периодических движений.

— Почему это?

— Смотри. Нудон движется прямо в направлении угла. Но угла для него не существует. Чтобы осознать угол, нужно посмотреть на него со стороны.

— Лучше сверху.

— Со стороны верха или низа. Но нудон смотрит только прямо и видит линию. Но не простую. Когда он к ней приближается, он замечает, что с ней происходит что-то неладное: одна точка остается на месте, в то время как другие с обеих сторон отступают назад, то есть он констатирует движение. Вот он доходит до угла, идет вдоль стороны прямоугольника и отмечает, что линия стала неподвижной. На следующем углу — опять движение. Обойдя вокруг несколько раз, он понимает, что движение — периодичное.

— Примерно то же самое происходит, когда он обходит и другие фигуры. Только периодичность разная. Или ее отсутствие.

— Совершенно верно. Угол нудон не воспринимает. Он для него временное понятие, преходящее явление. Когда нудон наталкивается на угол, то считает его одним из свойств линии, которое иногда проявляется, а иногда и нет. Угол для Нудона — всегда движение.

То есть неподвижная фигура для него — движущееся тело.

— А действительно движущееся тело?

— Хороший вопрос. Такое движение будет непонятным и неизмеримым. Нудон может измерять только то, что неподвижно само по себе. Изменения же в движущемся теле — вне его контроля.

— Ну, конечно. Такие изменения зависят от свойств всего тела и того, как и куда это тело движется. А в распоряжении нудона только разрез.

— Смотри. Они изучают свой мир уже очень давно. Но все еще даже не допускают существования тел...

— Как же они допустят? Их сознание не позволяет им этого сделать.

— Ну, не будь так уверена. Существуют косвенные данные, которые у них уже в большом количестве. Могли бы предположить, что есть что-то, чего они просто не видят.

— Наверно, не могут.

— Эти почему-то не могут.

— А есть те, что могут?

— Есть. У меня несколько независимых сфер с нудонами...

— Показывай.

— Позже. Сначала закончим с этими.

— Эти тоже ничего. Хорошенькие. Что это за группа?

— А... Эти. Их можно назвать учеными. Они изучают закономерности и свойства всего, что есть в их мире, выводят законы.

— Как я поняла, есть у них не так много. Только линии.

— Зато какое разнообразие.

— И много законов они нашли?

— Не очень. Но они в процессе. И достижения есть. Все видимые неподвижные линии они назвали материей. Свойства линий (углы, изогнутости) — движением, различные неподвижные фигуры — движущейся материей, движущиеся сами по себе фигуры — живыми существами. Они считают, что в них есть что-то, чего нет в других, неживых — жизненная энергии или даже душа.

— Нудоны считают себя живыми? И думают, что у них есть душа?

— А почему нет? Они живые. И душа в них определенная есть. Я оживлял их своей собственной жизненной силой...

— А круг?

— Что круг?

— Что они думают про круг?

— Живая материя. Движущаяся линия. Если идти вдоль такой линии, всегда придешь в ту же точку, из которой вышел. Если идти с постоянной скоростью вдоль таких движущихся линий, то чем быстрее движется такая линия, тем быстрее попадешь в исходную точку. А если линия движется медленно, может целой жизни не хватить, чтобы прийти в то же место.

— Это если круг огромный. Кривизна его мала, и точки относительно друг друга почти не смещены. Такая линия может быть бесконечной для нудона.

— Именно. Эти нудоны ничего не знают о центре круга. Он им недоступен.

— Ты сказал, не хватит и жизни. Они умирают?

— Нет, конечно. Но, как и твои друзья из плотных миров, думают, что умирают. Когда какой-либо из нудонов в своем движении в трехмерном пространстве поднимется над плоскостью или опустится ниже, все другие считают, что он умер.

— А если появился в плоскости, то родился?

— Ты умненькая, Сенка.

— Умненькая. Конечно. Еще я много путешествую. А эти твои нудоны очень похожи на обитателей плотных миров. Тоже живут иллюзиями.

— В силу ограниченности своего сознания. Только. Нудоны долго думали и размышляли, изучали свой плоский мир и исследовали закономерности и их отсутствие, перед тем как обрести идею времени. Они считают, что с одной стороны от всего — откуда все приходит — лежит прошлое, а с другой стороны от всего — куда все уходит — лежит будущее. И эта идея возникает у них только потому, что из трех

измерений пространства они ощущают только два. Третье называют временем.

— Им и в голову не приходит, что прошедшее и будущее могут находиться вместе с одной стороны плоскости и вместе с другой. И то, что прошло, и то, что будет, существует одновременно на плоскостях, перпендикулярных к его плоскости... Что все приходит с обеих сторон и в обе стороны уходит... Ну, точь-в-точь, как у Трена.

— Пойдем, я покажу тебе других нудов.

— А... Тех, о которых ты говорил? О более умных?

— Скорее о более продвинутых. Они стали развиваться немного по-другому. Изучали и развивали больше себя, а не мир вокруг. Некоторые из них, если быть точнее. Они стали копать не в загадках мира вокруг, а в себе. И развили в себе способность видеть перпендикулярно плоскости.

— Они расширили сознание до трехмерного?

— Нет. Сознание у них осталось таким же. Они просто вырастили себе глаза, которые смотрели вверх.

— Они увидели плоскость.

— Увы. Только плоскость. Весь мир над ними представлялся им в виде плоскости. Причем увидеть его смогли только некоторые из них. Остальные им не поверили. И говорили, что первые сошли с ума. Впрочем, некоторые верили. И считали, что первые обрели способность видеть невидимое. Не в силах объяснить наблюдаемые явления, они назвали их чудесными, превосходящими понимание, пребывающими вне пространства, в третьем измерении, как они его назвали.

— Они же должны были увидеть там себя. Себя вечных.

— Должны были. И увидели. Но не поняли... Не узнали себя.

— И что дальше? Что сейчас?

— Сейчас они пытаются определить последовательности и закономерности. И даже определили некоторые. Какие-то явления перестали даже считать чудесными. Объясняют их при помощи разных гипотез. У некоторых ученых возникло смутное чувство, что, возможно, существует еще одна, другая параллельная плоскость. И тогда явления, которые не поддаются объяснению в их собственной плоскости, можно считать происходящими на другой.

— Но ведь они никогда не сумеют математически доказать существование третьего измерения. Вся их геометрия относится к плоскости, к двум измерениям. Они по-любому все будут проецировать на плоскость, лишая все смысла.

— Так они устроены. Но они не сдаются. Постоянно проводят исследования, измерения, делают расчеты, сопоставляют, рассуждают. И не напрасно. До них стало доходить, что многое они не могут объяснить, потому что причины явлений находятся вне их мира и имеется какое-то различие между тем что они видят, и тем, что на самом деле, различие, которое они не могут ни понять, ни измерить.

— Могут измыслить...

— Они измыслили, что реальность должна отличаться от того, что они себе воображают. Допустив однажды гипотезу о третьем измерении, они теперь вынуждены признать, что все реальное должно обладать этим третьим измерением. И сами они в том числе. Сейчас многие из этих продвинутых нудонов начинают сомневаться в реальности их мира и себя самих. Они говорят, что если вообще существует

трехмерное пространство, то все двухмерное нереально, оно продукт чьего-то воображения, чьего-то разума, что мир на самом деле совсем не такой, каким видится.

— Ну и? Они смогли все же понять что к чему?

— Нет. Пока их сознание остается двумерным, у них нет шансов.

— А оно может стать трехмерным?

— Не знаю. Посмотрим...

— Да, кстати. А что с теми нудонами, которые покидают плоскость и считаются другими умершими?

— Они обретают сознание в другой плоскости.

— В какой другой? В параллельной?

— Не обязательно. В сферах, которые ты посмотрела, я выделяю одну плоскость сознания и с ней работаю. Но ты видишь, что здесь можно построить бесконечное множество плоскостей параллельных и идущих под углами... — Он обратил мое внимание на совсем другую сферу, с разными сверкающими плоскостями, которые пересекали тела нудонов параллельно и под углами, охватывая все возможные изменения в 360-градусной сфере.

— И в каждой такой плоскости они себя осознают?

— Конечно.

— Точно так же?

— В строго параллельных точно так же. Чем больше угол наклона новой плоскости, тем более отличным от базового является осознание.

— Но оно везде двумерно?

— Да.

— А какая разница?

— Почти никакой. В параллельных между собой плоскостях у мира одинаковые числа и законы. В этих

плоскостях все нудоны и их миры очень похожи. Есть отличия лишь по судьбе и саморазвитию как отдельного нудона, так и общества в целом. В плоскостях, находящихся под углом, нудоны другие. По-другому выглядят, имеют другие характеристики. Их мир тоже другой.

— Но все равно это плоскость.

— Да. Представление о мире соответствует характеристикам сознания.

— Значит, получается, какое сознание, такой и мир. Если в один и тот же мир прийти с разным сознанием, то получится миров столько, сколько сознаний в него пришло.

— Да, получается, что так.

— А попадая в другую плоскость, они помнят, что они уже жили? Помнят свою прошлую жизнь?

— Нет. Не помнят. Но если вспомнят, это будет очень уверенный шаг к трехмерному осознанию. Собственно, попытаться вспомнить — это все, что им надо. Это единственный путь.

— Ключ находится в них самих?

— Да.

— А они изучают мир вокруг...

— Мир тоже нужно изучать. Но мир, он не только вне. Он и внутри. Продвинутые нудоны начали изучать и себя. Ты же видела. В принципе, они на верном пути, если не дадут очередной иллюзии поймать себя в ловушку.

Я попыталась вместить все сферы, относящиеся к нудонам. Я услышала их перешептывания и игру. В них не было отчаяния, страха, боли. Они играли.

— А какое задание ты хотел поручить мне?

— А... — Он переключил мое внимание. — Это здесь. Эта сфера заполнена начальным материалом

для работы с одномерным сознанием. Но у меня не хватает чувствительности и скорости мысли, чтобы создать подходящих существ. Вернее, существа я сделать могу. У меня не получается в нужной мере ограничить их сознание.

— А как их зовут?

— Никак. Ты можешь дать им любое имя.

Я осторожно погрузилась в сферу без имени.

— Ну, как тебе?

— Я попробую. Это интересно.

Насладившись обществом друг друга и вдоволь наговорившись, мы начали поворачивать головы и смотреть по сторонам. Это если на человеческом языке. А если на нашем, то стали обращать внимание на внешнее, на то, что было вне нас. И внешнее не заставило себя ждать. Первым появился Си. Он высказал свое удовлетворение нашим союзом и выразил надежду, что он будет прочным. Здесь бы ему остановиться. Но нет. Си пустился в рассуждения и легкие наставления.

— При всех весьма существенных плюсах этой Сенки... — начал он.

— Эту Сенку теперь зовут Эя, — уточнил Го.

— О! Поздравляю. Очень рад. Очень. Эя... А как звучит! И я бы сказал, чрезвычайно подходит. Красивое имя. Но ему нужно соответствовать. Раньше... Когда Эя не была с таким достойным Госепом, ей больше подходило имя «Пролезу туда, куда не знаю; поспорю с тем, с кем неважно». — Си проявил смех.

— Хорошее имя. И думаю, оно ей и сейчас подходит... — Го проявил нежность. — Но мир ей дал имя Эя. Придется с этим смириться...

— Так вот, — не дав возможности сбить себя с мысли, продолжал Си. — Эя импульсивная и весьма любопытная. Ее все время тянет изменять себя. И изменения эти не всегда к лучшему. Она любительница путешествовать по запредельным мирам — запредельным относительно Гесе. Она попадает в основном в миры большей плотности, а иногда и очень большой плотности...

— Сильно плотные миры меня не пускают, — вставила я. — Там нужно тело, которое, как себя не изменяй, я не могу из себя извлечь...

— Но внимание! Ты ведь оставляешь там часть своего внимания. Ты вмещаешь все, что только в состоянии вместить в этих мирах.

— Ну и что? Это интересно.

— Но бесполезно. Для Сенки. Да и вообще. Посещение любых временных миров непоправимо изменяет тебя. Ты обретаешь подвижную психику.

— Это плохо?

— Может, для них и хорошо. Для ограниченных. Для созданий Гесе — плохо.

— А я и не создание Гесе. Я Сенка. Я пришла в Гесе. Могу и уйти. Если вас здесь смущает моя психика.

— Но-но-но. Не стоит... — вмешался Го. — Меня, многоуважаемый Си, ничуть не смущает ее психика. Напротив. В силу своей утонченности Эя может делать то, на что никто из Гесе не способен.

— Это-то и пугает.

— Меня не пугает. И вообще. Я пригляжу за ней. Мы теперь одно целое. Думаю, Эя не станет делать то, что мне не понравится и против чего я буду.

— Конечно, не стану. А ты не будешь мне запрещать то, чего мне хочется.

— Конечно, не буду.

— Да уж... — сказал Си. — Вы неплохо спелись. Я рад. Эя действительно замечательная. Но за ней нужен глаз да глаз. Вижу, именно такой глаз.

Потом появился Кей. И они рассказали, что Зорик ушел. Очень правильное решение. Видимо, из-за моей измененной психики мне даже стало его жаль. Жалости и сострадания не существует у обитателей Госе. Это все не для них. Госе — мир слабых чувств и эмоций. Как бы это сказать попонятнее. Слабых в том смысле, что они не остаются в памяти. У чувств и эмоций в Госе нет памяти. Поэтому, если даже они и были пережиты и кем-то испытаны, они не остаются в воспоминании, и можно считать, что их и не было вовсе. У меня развивалась именно эмоциональная память, и как раз это так тревожило Си. Именно эти изменения он называл вредными и нехарактерными для обитателей Госе. И именно поэтому мне было жаль Зорика. Больше Зорика никто не жалел.

Свою работу над сферой, которую дал мне Го, я начала с придумывания новым созданиям имени. Вернее, наверно, это была не работа. А просто приключение. Или очень приятное занятие. В Госе всегда так. Там нет работы. Там есть лекарство от скуки. А это лекарство было, пожалуй, лучшим. Или мне так казалось. Когда начинаешь что-то новое и увлечен, всегда присутствует легкая эйфория. И то, что ты делаешь, кажется захватывающим, важным и самым интересным. А прежние твои увлечения немного уходят на второй план, теряя яркость красок и остроту выражения. И ты вяло удивляешься на фоне нового приключения, каким потрясающим и нужным каза-

лось тебе то, что сейчас представляется обычным, спокойным и не представляющим загадку.

Имя я придумала не сразу. Го даже подумал, что я торможу и мне не очень интересно его задание, но, погрузившись в меня, он увидел, что торможу я именно потому, что это для меня важно и чрезвычайно интересно. Он расслабился и проявил удовлетворение и терпение.

Одномерных я назвала лаксами, а сознание их ограничивалось пересечением двух плоскостей. В физическом смысле они получились плоскими, то есть двумерными, и жили на обеих плоскостях, а по отношению к восприятию окружающего мира — одномерными, с чем, собственно, не мог справиться Го. Они осознавали только линию. Линию пересечения. И двигаться могли только туда-сюда по этой линии. И не вмещали мира вне этой линии. А видели одни только точки. Все тела, предметы и они сами представлялись им точками, являясь в своем линейном мире отрезками, а в мною созданной реальности — геометрическими фигурами.

Имея органы чувств с двух сторон отрезка, лаксы могли фиксировать движение точек, как впереди, так и сзади. Основной характеристикой точки для них являлась долгота нахождения точки в поле чувствования, то есть фактически — время. И все. Однообразие и скука. Точки появлялись и исчезали. И больше ничего. Причем некоторым лаксам откровенно не везло. На протяжении всей жизни таких «несчастливых» лаксов они видели с обеих сторон одни и те же точки, которые ни разу не исчезли. Таким лаксам мир представлялся замкнутым, населенным тремя существами, среднее из которых могло двигаться только туда-сюда между двумя другими. И каково было удивление

среднего, когда соседнее говорило ему, что с другой стороны у него все время кто-то появляется и исчезает. Они ссорились. Каждый настаивал на своей концепции мира. Они даже дрались.

Чтобы как-то взбодрить и осчастливить своих лаксов, я, во-первых, добавила скорости движения. Чтобы все обитатели видели примерно одно и то же. Чтобы точки появлялись и исчезали, а не висели неподвижно и не навеивали скуку. Во-вторых, добавила цвета и света. Чтобы, кроме длительности, в нем присутствовала хотя бы еще и периодичность. Лаксам понравилось. Теперь у них было интереснейшее занятие. Они устанавливали периодичность появления точек разных цветов. И в конце концов я сделала их мир музыкальным. Теперь появление и исчезновение точек сопровождалось определенным звуковым рядом. Лаксы впали в восторг.

Го тоже встал в восторг, когда ознакомился с моими сферами.

— Интересно, — сказал он. — Твои лаксы погружены во время еще глубже, чем мои нудоны.

— Конечно. Точка, которую лакс видел, уже не существует, а та, которую увидит, еще не существует. Все пространство, за исключением одной линии, он считает временем — тем, откуда приходят и куда уходят точки. Все, с чем Лакс соприкасается, то есть все, что осознает, приходит из времени, из ниоткуда и уходит в никуда, в ничто — назад во время. Ничто — это для него вся сфера. Всю сферу, кроме одной линии, он считает временем и реально не существующим.

— Ты молодец.

— Я знаю. Это еще не все. Видишь, у меня лаксы живут в обеих плоскостях. То есть в разных плоских

мирах. Но, встречаясь на прямой пересечения, они думают, что из одного мира. Потому что они не несут на себе характеристик мира. Они видят и ощущают одно и то же. Только точки. И если даже я разделю цвета миров, им это ничего не даст, они как и прежде, будут считать это просто разноцветными точками, определяя периодичность их появления.

— А это что за сферы?

— Это я экспериментирую с формами линии пересечения. Бесплезно. Они не чувствуют ничего. Угол и изогнутость для них не существуют. Только вперед-назад.

— Само собой. На них наложены более жесткие ограничения, чем на нудонов.

3

Жизнь в Гесе лишена какого-то ни было напряжения и насыщенности событиями. Попав в одну из областей Гесе, можно было подумать, что мир необитаем. Тарнамы случались очень редко. А обычная жизнь сущности из Гесе представляется созерцанием. Чаще всего созерцанием себя самой. Случались, иногда, правда, раздоры и даже войны. Но это происходило как в замедленном кино, и начиналось обычно с предупреждения и объявления войны, чтобы все, кто не хотели участвовать и наблюдать за событиями, удалились, а те, кто, наоборот, были заинтересованы, могли должным образом подготовиться или договориться о мирном соглашении. В большинстве случаев кончалось последним. В Гесе трудно найти причину для войны, поскольку отсутствует материальная почва. Иногда войны велись за Сенок. Как в моем случае. Но войной это назвать трудно. Но в Гесе все войны такие. Никто никогда не умирает. У проигравшего может упасть число, он может ослабеть, стать меньше, и, как правило, покидает область, где над ним одержали победу. По крайней мере, на время. Потом он может благополучно возвратиться, и никто ему ничего не припомнит, частично из-за короткой памяти всех в Гесе, частично потому, что в Гесе это считается неприличным.

Иногда Гесепы ссорились из-за разных и противоречивых результатов экспериментов в своих лабораториях — не могли выяснить и согласиться, чьи ис-

следования считать более верными, а чьи ошибочными. Из-за этого тоже могла начаться война.

В любом случае, войны всегда велись Госепами, и всегда это была не столько война, сколько мирная перестановка. Ну а когда миром решить не получалось, Госепы начинали друг друга засасывать в свои воронки, уничтожая при этом миры друг друга и лаборатории. Это продолжалось чаще всего недолго. Госеп, который чувствовал, что слабее, просто отступал, и все заканчивалось.

Конечно, не война, но небольшое недоразумение возникло между Утилосом и Го. Дело в том, что у Го начало быстро расти число. Настолько быстро, что стало очевидным, что если оно будет расти так и дальше, то очень скоро окажется самым большим. Первым заметил это Кей и сообщил Си. Си ответил, что сам за этим уже наблюдает. От внимания Утилоса, как лица заинтересованного, это тоже не ускользнуло. По крайней мере, когда Си мягко намекнул ему на это и обратил его внимание в нужном направлении, он уже был в курсе.

— Да, я вижу, что новый Госеп прогрессирует слишком быстро, — сказал он Си.

— Слишком ли? Думаю, все естественно. Он с достоинством вынес самое тяжелое испытание, которое только может выпасть Госепу — отчуждение Тарнама. У него неплохие результаты исследований...

— Неплохие? Ладно, Си, давай посмотрим на дело со стороны, не принимая во внимание симпатии и старую символику, собственно, так, как смотрит на все наш мудрый мир. У Го превосходные результаты и на удивление гармоничные и жизнестойкие лаборатории. Я видел их...

— Хм... Ну, если так, то да, согласен. Я тоже был в его лабораториях. Это нечто... Нечто непохожее на обычные лаборатории Госепов. Они удовлетворяют самой строгой оценке. Хотя... Что-то в них не так...

— Не так, не то... Какая разница? Мир оценил его работу... И этим все сказано.

— Может быть, не столько его работу, сколько его любовь... Он сумел укротить самую вертлявую и непокорную Сенку. Он дал ей имя... У них очень много любви. К тому же она ему достойно помогает.

— Что касается Эи, не думаю, что здесь все так однозначно. Любовь любовью, но Эя не та Сенка, которую поддерживает мир. У Го с ней будут очень большие проблемы, уверен, так что не удивлюсь, что Эя только сдерживает рост его числа. Возможно, с другой Сенкой он прогрессировал бы еще больше.

— Я так не думаю. Эя не такая, как все другие Сенки. У нее тоже очень быстро росло число, когда она попала в Гесе. Очень.

— Росло до определенного момента. Только до тех пор, пока мир не осознал в ней возможной угрозы. Она не любит наш мир так, как любим его мы. Отсюда все ее проблемы.

— Насколько я знаю, у нее сейчас нет никаких проблем. Они с Го бесконечно счастливы.

— Это хорошо. Может, он действительно нашел ключ от этой странной Сенки. Если так, это тоже прибавляет ему в числе и в уважении. — Утилос сделал паузу.

Исчез.

Си задремал.

Си проснулся.

Утилос возник снова.

— В любом случае мне нужно быть готовым в любой момент сложить с себя полномочия и передать их Го. Нужно предупредить Альту.

— Альта не в курсе? Она сама не видит?

— Нет. Она ничего не хочет видеть. Она в себе. Думаю, если не обратить ее внимание, она вообще ничего не заметит и никогда не узнает, что я отошел от дел и областью правит кто-то другой.

— Так может, и не стоит ей ни о чем говорить?

— Возможно, не стоит. Уверен, ей это неинтересно и она сразу об этом забудет. Но сказать нужно. Нужно для меня...

— Не спеши. Вполне вероятно, что число Го перестанет расти. Оно уже впитало и достижения Го, и его любовь. Что еще осталось?

— Мы не знаем, как делает мир свои оценки... Я готов признать Го своим преемником. — Утилос проявил печаль.

Мы с Го так были увлечены друг другом, что не обращали внимание на то, что происходит с числами, пока Утилос не вынудил нас это увидеть.

Он пришел сообщить, что числа Го и его сравнялись, но если принять во внимание тенденции, то Го может уже по праву считаться Главным, и что Утилосу не хотелось бы ждать, пока его число упадет ниже числа Го.

— Насколько я знаю, — сказал Го, — руководит тот, у кого самое большое число. Поскольку у меня число не самое высокое, а равно числу уважаемого Утилоса, этот разговор не имеет смысла.

— Но... Это же очевидно. Да и просто видно. Я вижу тебя Главным. И ты не можешь не видеть. Это уже видно давно.

— Да, я вижу это. Так будет. Но, уважаемый Утилос, это все дело времени. А время — штука очень

тонкая и неоднозначная, по крайней мере, здесь, у нас. При определенной прозорливости, расторопности и сноровке можно сделать так, что то, что мы вместе видим, оттянется на такой срок, что можно считать, никогда и не наступит. Давайте просто не пойдем в направлении того временного вектора. Идет?

— Нет. Не идет. Миру это не понравится.

— И хорошо. Значит, у меня упадет число. А Вы останетесь при своей должности.

— Если я соглашусь на то, что ты предлагаешь, миру и в самом деле это не понравится, и число упадет не только у тебя, но и у меня. Я не могу с этим согласиться. Я не хочу противостоять миру. Если мир что-то открыл нам, мы не вправе этому мешать.

— Хорошо. Ваше дело сторона. Ждите. Но Вы же не можете мне помешать предпринять определенные шаги, чтобы попытаться подправить и воздействовать на то, что мы с Вами видим.

— Теперь могу. Теперь, когда я в курсе того, что ты собираешься сделать.

— И как же Вы мне мешаете?

— Я объявлю тебе войну.

— Но это же безумие. Чего же Вы добьетесь?

— Того, что мир увидит, что я не против него, а за. Любой ценой — за.

Вот такой у нас странный мир. И такие странные Госепы. И они действительно стали готовиться к войне. У Го не было военного опыта, или он о нем ничего не помнил. Утинос когда-то воевал, только когда и почему, он тоже не помнил. Никто уже не помнил. Даже Си. Было только известно, что Утинос в той войне одержал победу.

Мне стало очень жаль наши лаборатории. А вдруг Утинос их засосет и они погибнут?

— Если ты победишь, — сказала я, — твое число возрастет, и тебе придется стать Главным. А если победа будет за Утилосом, он разрушит твои лаборатории... И мой кусочек, моих лаксов... — Мне действительно было жалко своих лаксов. Это были первые создания, к которым я приложила себя.

Го проявил нежность.

— Хорошо. Мы сохраним твоих лаксов. Пусть живут, — сказал он и исчез.

— Пошел договариваться о примирении. — Вместо Го возник Си. — Грядут перемены. Ты теперь у нас вроде как почитаемая Сенка — Сенка Главного Госепа. Как интересно! Да уж. Собственно, этого следовало ожидать. Да и видно уже давно. Все уже видно. Чего это я так удивляюсь? — Он вращался, кружился вокруг меня, и мысли его тоже кружились, входили одна в другую, цеплялись друг за дружку, не требуя моего внимания, заворачиваясь сами на себя, отвечая сами себе. — А вот удивляюсь! Потому что что-то здесь не так, не то. И Госеп вроде достойный, и Сенка уникальная... Только тарнамовский Госеп-то, пришелец, и Госеп ли вообще, а Сенка так и норовит сбежать из Гесе, какая-то неугомонная и слишком любознательная, да и Сенка ли? Тарнамовский Госеп и Сенка-Несенка. Отличная парочка. Повеселее, чем Альта с Утилосом... М-да. Пободрее будут. Но надежности никакой. Никакой надежности. А зачем нам, собственно, в Гесе надежность? Нам мысль нужна, а не надежность. Хе-хе. А с мыслями здесь все в порядке. Поживее пойдет. Поинтереснее. Только вот войны не будет... Жаль. Повоевали бы. Развлеклись... Я уж приготовился повоевать. А может, и к лучшему, что не будет. И не знаешь, за кого и воевать-то. Вроде нужно за Утилоса. Правильно за Утилоса. Но скучно.

За Го криво было бы воевать. Неправильно. Но хоть какое-то разнообразие.

Он превратился в плотную точку, ужасся, скукожился, точка исчезла, на ее месте образовалась устойчивая воронка, куда засосалось все, что он успел наговорить. Я увернулась, чтобы не последовать за вереницей мыслей Си.

— Не бойся. — Он возник в другом месте моего внимания. — С тобой раньше лучше было не связываться, а теперь уж и подавно. Главная Сенка... Как тебе в новой роли? Не жмет?

— А я уже в новой?

Он рассеял свое внимание, потом снова собрал.

— Ну да. Думаю, они уже договорились.

— И войны не будет?

— Конечно, не будет. И если внимательно было взглядеться, то все было уже видно. Но кому ж охота вглядываться в такие вещи. Уж совсем никакой интриги. А так хоть немного пришлось поразмышлять, поприкидывать... Может, кто проснулся... Потянулся. Успел подумать, за кого воевать. Так что можешь считать, что вы с Го уже много сделали для нашего общества. И то ли еще будет!

— Будет, — заверила его я. — Не сомневайтесь.

— Звучит оптимистически. Но настраивает на опасения.

— Насколько я поняла, это как раз то, что вам всем нужно. Опасения, ожидания, размышления...

— Абсолютно верно. Только...

— Что только?

— Хотелось бы, чтобы вы с Го не разрушили наш мир.

— А это возможно?

— Возможно все... А вот вероятно ли? Не знаю...

— А разве этого не видно?

— Не видно... Мир показывает не все... — он проявил растерянность. — А даже если и видно... Зачем такое видеть?

— Чтобы изменить.

— Если это уже есть, разве можно это изменить?

— Что, нельзя?

— Изменить нельзя. Можно лишь туда не ходить. Не проявлять там своего внимания.

— Если внимания не обращать на то, что есть, значит, этого как бы и нет?

— В общем да... Но...

— Что но? Опять «но»?

— Всегда находится такой, который обратит рано или поздно свое внимание на то, на чем до него никто не сосредотачивался, и время тогда проявится в этом направлении.

Очень интересная для меня и загадочная тема, раскрывающая душу нашего мира, и я с удовольствием поболтала бы с Си на эту тему, но в этот самый момент, когда вопросы стали рождаться во мне быстрее, чем я могла их формулировать и доносить до Си в том виде, в котором они рождались, возник Го, и Си полностью переключился на него.

— Войны не будет?

— Не будет.

— Вот и славненько... Главным быть не так уж и плохо... — Си ушел в себя. Но быстро вернулся. — Вернее, не хорошо, не плохо — никак. И не знаю, чего это ты так воспротивился.

— Но ведь я теперь должен...

— Ничего! Ровным счетом ничего ты не должен. Никому! Ничего никому. Но!

— Снова это «но»! — не удержалась я и вставила свое слово.

Но Си не обратил на меня своего драгоценного внимания и продолжал:

— Но можешь... Ты можешь давать советы, когда тебя об этом просят или не просят. Ты можешь развлекать всех во время Тарнама. Можешь вмешиваться во все дела и мысли. Можешь делиться своими мыслями, придумывать занятие или работу для рабов и для всех, кто тебя об этом попросит или нет. Можешь разрешать конфликты и всем помогать. А можешь ничего этого и не делать. И согласно твоим действиям и помышлениям мир будет повышать или понижать твое число. Ну, или оставлять его на прежнем уровне.

— Значит, если я ничего не буду делать из перечисленного, мое число упадет и Главным станет кто-то другой. Утилос, например, или ты.

Си проявил смех и снисходительность.

— Ну, я никогда не стану первым. У меня Кей вместо Сенки... Ты же знаешь... И, кроме того, не все так просто и однозначно. Иногда ничего не делать намного лучше, чем что-то делать. Так что обмануть мир тебе не удастся. И самое главное. — Си почему-то вдруг обратил свое внимание на меня, хотя я и не высывалась и никак не проявляясь. — Не думай, что мир провести так легко. Он просто так не раздает свои числа. И если ты удостоен наивысшей оценки, то это значит, что мир уверен, что ты поступишь именно так, как надо. Мудрее и целесообразнее всех остальных.

4

То, что Го сделался Главным, в общем-то, никак на нас не отразилось, если не считать того, что в поле нашего внимания стали чаще попадать Си, Утилос, Глам, Фивор и другие созидающие Госепы. Они являлись одни или со своими Сенками. Я пыталась с ними общаться, мне этого хотелось, но обычно ничего хорошего из этого не получалось. Альта витала исключительно в своих иллюзиях или где-то рядом с ними и не желала говорить со мной на интересующие меня темы, а если снисходила, то несла какой-то бред. Гайя — Сенка Глама — витала в иллюзиях своего Госепа и была практически недоступна для контакта без его участия в этом контакте, а общаться с Гламом только для того, чтобы завладеть вниманием Гайи было как-то уж слишком криво, да и ни к чему — Гайя недалеко ушла от Альты в своем мироощущении и понимании. Круна — Сенка Фивора — была открыта и словоохотлива, но несла чаще всего какую-то чепуху, сама задавая вопросы и сама же на них отвечая. Так что меня особенно не радовали визиты уважаемых Госепов, но они радовали Го, а то, что радовало Го, радовало и меня.

Я вслушивалась и всматривалась во все, что обсуждали Госепы. Чаще я, честно говоря, не очень понимала, о чем идет речь, но, тем не менее, внимать им было намного приятнее, чем заниматься созерцательными процессами с Сенками. Да и нельзя ска-

зять, что я уж совсем ничего не понимала. Кое-что я все-таки усваивала, а чтобы усвоить поглубже и даже начать импровизировать на усвоенную тему, я укрепляла свои знания на рабах. Я читала им лекции. Они с удовольствием слушали. Рабы вообще все делали с удовольствием. Удовольствие и покой — это их обычные состояния. Так вот, я оттачивала на рабах свое шаткое понимание работы Госепов.

— Итак, — говорила я, — с чего начинается процесс создания?

— С чего-о-о-о? — гудели рабы.

— С Госепа. Создавать что-либо из себя способны только Госепы, поскольку они извлекают из себя первый элемент создания, то есть часть самих себя. Ни одно другое существо не обладает такой возможностью — генерировать первичный элемент из своего вещества, оставаясь при этом неизменным. И неважно, сколько требуется вещества на начальном этапе — Госеп остается таким же, каким он был...

Я немного подождала — вопросов не последовало. Рабы никогда не задавали вопросы. У них не было мысли.

— И что же, все Госепы могут извлекать из себя любое бесконечно большое количество первичного элемента? — я задала вопрос сама. — Нет, не все. Чем больше число Госепа, тем большее количество вещества он может генерировать. Именно поэтому у всех Госепов разные лаборатории. Но вы должны знать, что только Госепы могут создавать свои лаборатории, так как только они способны отдавать, не отдавая.

Я сделала паузу и рассеяла свое внимание. Очень не хотелось, чтобы меня слушал кто-то еще, кроме рабов.

— Итак, Госеп расширяется и выделяет из себя требуемую мысль, и удерживает ее в состоянии покоя, структурируя ее определенным образом в зависимости от целей дальнейшего развития и целей создания данного творения и готовя ее для дальнейшего изменения. Продолжая удерживать структурированную мысль, Госеп извлекает из себя нужную эмоцию и пропитывает ей мысль. Мысль расширяется до вибрационной частоты света. На этом первый и основной этап создания завершается. На всех других этапах работы Госепам могут помогать Сенки, Громы, Кеи, Сидхи, ну и, конечно, рабы.

— Рабы... — радостно подхватили рабы. — Мы рабы-ы-ы...

— Да, кстати, забыла — Сенки могут включаться в работу непосредственно после выделения Госепом вещества мысли, то есть уже на этапе структурирования, а иногда даже и должны включаться, так как некоторые структурные изменения не могут быть выполнены Госепами. Со светом также обычно работают Сенки, потому что они, собственно, сами очень похожи на свет... Свет отличается от мысли тем, что у него есть скорость, которая зависит от времени. То есть свет уже не является величиной абсолютной, у него есть свое время. Он ограничен временем. Дальше процесс создания протекает аналогично, то есть свет замедляется и становится уже не светом, а полем, которое может потом коагулироваться в более грубые структуры и формы, в соответствии со степенью замедления. То есть зависимость от времени уже квадратная, ну, точнее, обратно квадратная.

Я опять сделала паузу и снова задала себе вопрос:

— А откуда берется жизнь и осознанность? Почему одни формы получаются живыми, другие — нет? Почему у одних сознание более ограничено, чем у других? Эти различия закладываются на этапе структурирования. Госеп в равной степени вдыхает жизнь и осознанность во все свои создания, поддерживая этим их форму. Но создания имеют различные структуры мысленного вещества, и поэтому в разной степени ограничены. Структура накладывает ограничения на жизнь и на осознанность...

— Bravo, bravo, bravo! — Си проявил смех. — У тебя неплохо получается.

Я обратила внимание на Си. Как же я его проморгала?

— Я знаю.

— Только вот целесообразно ли рассказывать о таких священных вещах рабам?

— А я рассказываю не рабам, а себе.

— Еще более похвально. — Он сделался серьезным. — Но зачем? Тебе тоже вовсе не обязательно все это знать. Ты же Сенка, а не Госеп.

— Я Сенка Главного Госепа. И я должна... Я хочу знать вс... как можно больше.

— А... Ну тогда другое дело...

Он исчез и тут же возник близко-близко. Как будто ужалил.

— Бросай ты это дело.

— Не брошу.

— Почему это?

— А что еще мне делать? Го занят и не привлекает меня к своим исследованиям... Мне скучно.

— Что??? Сенке не может быть скучно. Это не ее слово. Она созерцает сама себя. Ей не бывает скучно.

— Я тоже иногда себя созерцаю... Но...

— Что но?

— Хочется еще чего-то.

— Сенке хочется только Госепа. И если у нее есть Госеп, ей уже ничего не хочется, и не может хотеться.

— Откуда ты знаешь? Ты же не Сенка.

— Но я знаю Сенок.

— Значит, не знаешь...

Он снова исчез. Я подождала немного. Его не было. Ну вот и хорошо.

Рабы не проявляли никого интереса к нашей беседе, и казалось, спали или созерцали.

— Вот. Это рабы себя созерцают, а не Сенки...

И тут я почувствовала внимание. Встретила и пошла за ним.

— Привет, — сказала я ему.

— Привет, — ответил он.

— Ты раб?

— Раб.

— А ты меня слушал?

— Слушал.

— Тебе было интересно?

— Что? — Он напрягся. Я расстроилась. Опять та же песня...

— Ну, тебе было приятно?

Он очень сильно напрягся.

— Да.

— Значит, тебе было интересно?

— Да.

— А хочешь послушать меня еще?

— Да.

— А хочешь уйти со мной?

— Да.

Мне стало сомнительно, знает ли он вообще другие слова, кроме «да», и понимает ли, о чем речь?

— Ты хочешь остаться здесь?

— Нет.

Прозвучало оптимистически. Для меня.

— А хочешь, я не буду тебе ничего рассказывать?

— Нет.

И тут я задала очень сложный для раба вопрос, не надеясь получить ответ.

— А почему ты хочешь пойти со мной?

Он опять напрягся.

— Здесь... С ними... Скучно...

— Зачем ты привела его? — спросил Го.

— Мне было скучно.

— А с рабом весело?

— Я буду его учить.

— Раба нельзя ничему научить.

— А может, он вовсе и не раб?

— Ты же сама видишь, что раб.

— Я раб, — сказал раб.

— Вот. Он раб.

— Он не знает, кто он. Его считают рабом, поэтому он думает, что он раб.

— Раб не умеет думать.

— Как у вас все просто! — Я проявила возмущение. — Сенке не может быть скучно, раб не может думать! Бывают разные Сенки и разные рабы...

— Не бывают. У всех есть определенные признаки... Ты говорила с Си?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Вижу... Забудь. Не обращай на него внимания... Да, и отведи раба. Назад.

— Не отведу.

— Ты же всегда боялась рабов.

- Я боялась не рабов, а стать рабом.
- Ну... С кем поведешься... — он проявил смех.
- А я уже не боюсь...
- Вот как? И можно полюбопытствовать, почему?
- Потому что рабом стать нельзя.
- Как это?
- Ну, раб — это самостоятельная единица, отдельное существо. Как Гром или Сидх. Как все. Просто со своими особенностями.
- Да?
- Да.
- И откуда такие выводы?
- А оттуда, что в противном случае уже почти все здесь уже были бы рабами. Вон Альта, да и почти все Сенки совсем ничего не соображают...
- Они соображают именно в том объеме, в каком призваны соображать.
- Что значит призваны? Кто их призвал?
- Природа. Пойми, наш мир не предполагает изменения его обитателей, то есть их развитие. Мы не должны изменять свои свойства. Мы должны их упрочнять и накапливать. Вот, посмотри сюда. Видишь эти формы?
- Кто это?
- Это стружели. Что ты видишь?
- Они живые, все время толкаются и пищат.
- А еще что?
- Они изменяются... У них появляются новообразования, они растут и становятся другой формы. Все разные. Нет двух одинаковых...
- Правильно. Их развитие предполагает изменения формы. А теперь обрати внимание сюда. Это нироты.

— Они похожи на неживых...

— Прочувствуй их.

Я погрузилась в ниротов.

— Живые? — спросил Го.

— Живые.

— В них происходит внутренняя работа, направленная не на изменение формы и содержания, а на поддержание их неизменными, то есть на упрочение качеств, заложенных в них изначально.

— А зачем такие нужны?

— Нужны всякие... На все случаи.

— Они скучные...

— Они прочные и непоколебимые. В них можно быть уверенными, и на них можно положиться. В определенной ситуации они будут вести себя определенным образом, а не каким-то другим.

— И в Гесе все скучные...

— В Гесе все ведут себя определенным образом... Кроме тебя. — Он проявил нежность.

— Но ведь ты меня любишь?

— Я очень тебя люблю.

— Значит, любишь меня такую, какая я есть?

— Да, именно такую.

— И ты не хочешь, чтобы я менялась?

— Нет, не хочу.

— Значит, мне можно оставить этого раба?

— Можно.

— Ура!

— Только никому об этом не говори. Впрочем, все и так узнают...

— Не узнают. Я не буду на нем держать внимание, когда начнет ощущаться чужое присутствие. И я дам ему имя.

— Имена дает мир. Мы их только проявляем.

— Мы можем проявлять. Но не должны. Я вполне сама могу придумать для него имя. Я ведь придумываю названия существам в твоих лабораториях. Я не хочу называть его рабом.

— Делай, что хочешь.

— Правда?

— Правда.

— Я люблю тебя очень-очень.

И мы проявили свою любовь.

5

Сенка ли я? Если Сенка, я не должна меняться. Но я меняюсь, и самое главное, я хочу меняться. Может, я вовсе и не Сенка? Откуда я знаю, что я Сенка? Оттуда же, откуда раб знает, что он раб? Или Госеп считает себя Госепом? Может быть, когда-то не было ни Сенок, ни Госепов, ни Кеев с Громами и Сидхами? Ни рабов. Были просто сущности. Без имени, без цели, без предназначения. Они летали по мирам. По разным мирам. Кто куда залетит, кто где потеряется, кого куда затащит неведомая сила. Так они и скитались, не помня ни себя, ни миров. Они были все и ничего. Но по мере странствования они менялись и приобретали память. Но память была короткой, и они быстро забывали свою историю, и вместо нее придумывали себе другую. Придумывали миры, имена и цели. И сами в это верили. Потому что уже изменили себя так, что нужно было во что-то верить. Они верили, что они Госепы, Сенки, Громы, Кеи и Сидхи. Даже рабы поверили, что они рабы... Но самое странное, что все они сами же наложили на себя ограничения, засунули себя в рамки, сковали законами и верят, что это законы мира.

Один из таких законов, в который верили, был закон проявления имен, согласно которому всем существам имена давал только сам мир. Чем он руководствовался — непонятно, но многие существа так и оставались безымянными. Похоже, в этот закон по-

верила даже я, поскольку вследствие стечения каких-то непонятных обстоятельств я почему-то не могла дать своему рабу имя. Каждый раз, когда я хотела наконец-то наградить раба именем, происходило что-то, что в конечном итоге не давало мне такой возможности. То я не могла определиться, и каждое придуманное мною имя казалось мне недостаточно подходящим и красивым; то сам раб, который в значительной степени развился и обладал уже определенной осознанной индивидуальностью, отказывался от предлагаемых ему имен и начинал сам выдумать их для себя. А когда я соглашалась назвать его, как он сам захочет, его окутывала сначала какая-то непонятная алчность — он хотел сразу несколько имен, а потом еще более непонятная депрессия — и он уже не хотел никакого имени вообще. Говорил, что будет ждать, пока его как-нибудь назовет мир.

— Но мир не дает имена рабам! — говорила я.

— Не дает...

— Он их вообще не видит!

— Не видит...

— Мир не всем дает имена... Даже у Кея Си нет имени. Он просто Кей, который живет с Си.

— А я раб, который живет с Сенкой Эей.

— Не с Сенкой, а у Сенки.

— Я раб, который живет у Сенки.

— И Сенка может дать тебе имя.

— Может дать... Давай, — соглашался он.

И я начинала заново думать, как бы его назвать.

Так и тянулось.

Раб с удовольствием слушал мои рассказы, задавал вопросы, выполнял все мои задания — в общем, развивался. Получалась удивительная штука: похоже, рабы в Гесе были единственными существами,

которые могли развиваться. Раб не упрочал свои свойства, а менял их и приобретал новые. Он даже научился спорить. И хотеть!

Причем мир не замечал или не хотел замечать происходящие в рабе изменения — у раба не появлялось число. Мое же число, как ни странно, росло. Медленно, нехотя, но росло. Если миру не нравятся мои манипуляции с рабом, то почему же мое число не стало падать?

— Мир попросту не знает и не видит ни раба, ни его сомнительного развития, — говорил Го, когда я начинала лезть к нему с вопросами.

— Допустим, — отвечала я. — Пускай мир не видит какого-то там раба. Я это могу понять. Вернее, не понять, а принять. Но меня-то, Сенку Главного Госепа мир не может не видеть. Госе дал мне имя и постоянно отслеживает мое число. Получается, что то, чем я занимаюсь, миру нравится.

— Не уверен. — Го проявил растерянность.

— Почему?

— Думаю, миру трудно идентифицировать и понять, чем именно ты занимаешься...

— Такой несовершенный и несообразительный у нас мир?

— Что ты такое говоришь, Эя? — Го начинал сердиться. — Такое впечатление, что тебе так и хочется получить от мира подзатыльник.

— Мне хочется понять его систему. Подзатыльник, по крайней мере, кое-что прояснил бы.

— Не волнуйся. Ты его получишь. Мир скоро разберется, что к чему.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Я готова стать осязаемой реальностью

1

Я почувствовала что-то, но оно исчезло.
Я сосредоточила внимание, но и оно исчезло.
Я собрала мысли, они исчезли.
Я собрала себя и исчезла.

Я не изменяла себя.
Кто-то изменял меня.
И я бы, наверно, могла противостоять,
но я не противостояла.
Я поддалась зову.
Я поддалась притяжению.
Я поддалась.

У меня было тело. Голова, руки, ноги и другие органы, о назначении которых я плохо знала. Тело было чужое. У меня никогда не хватило бы своего вещества на такое плотное тело. Оно давило и почти раздавило мое сознание. Сознание было тоже не мое. Или нет. Мое. Но засунутое в структурную матрицу чужого. Плотный мир. Я бывала в таких. Но никогда там не проявлялась. И сейчас не проявилась. Просто кто-то любезно предоставил мне готовое тело и перестроил меня так, чтобы я могла им воспользоваться.

Я потеряла свое всеобъемлющее информационное восприятие целого.

Я приобрела чувственное локализованное восприятие. Как через щель.

Я приобрела ощущение тела. Оно шумело, вибрировало, издавало импульсы по всему объему разной интенсивности, оно жило своей жизнью.

Я сделала усилие. Груда органов колыхнулась и замерла.

Я чувствовала.

Чувствовала что-то.

Чувствовала что?

Немое сознание шумело. Мысли и образы плавали и извивались. Они показывали мне себя, но не раскрывались. Как за стеклом. Я знала, что они там. Я видела их, но не могла дотянуться. Упиралась в стекло.

Я сделала усилие. Мое сознание пришло в движение. Я изменила себя. Прощай, чужое. Чужое тело. Чужое осмысление.

Я потеряла ощущение тела.

Я потеряла чувственное локализованное восприятие.

Я приобрела свое всеобъемлющее информационное восприятие целого.

Мир был плотный. Слишком плотный. Он выбрасывал меня. И я с трудом понимала, что это все-таки мир.

Я помахала миру рукой и обрела себя в Гесе.

Но новый мир продолжал меня звать. Звал настойчиво и неустанно...

Меня как будто засасывало в трубу.

Что там? В трубе?

Я поддалась. Но на этот раз этого было мало. Наверное, у того, кто звал меня, заканчивались силы или терпение. Я помогла ему. Я изменила себя сама, чтобы снова оказаться в этом странном тяжелом теле.

Чужое сознание шумело еще больше. Тело вибрировало, то здесь, то там самопроизвольно что-то сокращалось и пульсировало, булькало, перелива-

лось и хлюпало. Мне было неудобно, но я чувствовала, ощущала что-то внутри и снаружи. И еще я слышала. Слышала не сознанием, а телом.

— Привет. Я Кирилл. А ты кто?

Я сделала усилие. Открылись две щели. И я увидела. Не сознанием, а телом. Что я вижу?

Я повторила усилие и окончательно обрела тело вместе с его базой. Я просканировала информационную базу. Чего там только не было. Доступной оказалась информация, находившаяся в мозгу, то, что содержалось в месте, где расположен позвоночник, было недоступно. Информация хранилась в отсеках. Им не было числа. И найти нужное, наугад открывая отсеки, представлялось невозможным. Но самое неприятное, что часть отсеков то и дело открывалась самопроизвольно, выбрасывая элементы памяти, которые я пока не могла интерпретировать. Эти элементы памяти в свою очередь рождали мысли, засоряющие мое поле деятельности. Нужно было научиться закрывать и открывать эти отсеки. А пока они создавали сильный фон...

— Привет, я Кирилл. А ты кто?

Я покопалась в памяти. Кирилл — красивый, любимый, родной, похотливый, спортсмен, человек, чемпион, фотограф, хорошенький, тормоз, директор, защитник, голодный, модный, бабник, ребенок, инсталлятор, бритый, щедрый, друг, отец, сын, мужчина... Слова и образы роились и смеялись надо мной.

— Привет, — попыталась сказать я, прилагая невероятные усилия, и услышала то, что я сказала. — Привет. — Уже почти без усилий. — Привет. Привет. — Мне нравилось слышать то, что я говорю. — Я не Кирилл. — Это единственное определение себя, которое я тогда могла выработать на основе роившейся у меня в голове информации.

Я не знала, что я Сенка. Я не помнила. Я не видела свою собственную информационную базу. Она, вероятно, сразу заняла какой-то отсек или отсеки в этой плотной структуре. Какой? Я еще не знала. Я потеряла себя полностью.

— Красивый. — Сказала я. — Ты красивый.

«Красивый» высказывало как его характеристика чаще других.

— Ты кто? — опять спросил он.

— Я никто, — ответила, и это было правдой.

Я обретала тело все увереннее — шевелила своими окончаниями, вертела головой. Мир был очень маленький и ограниченный, в виде коробки, в которой помещалась куча разных предметов, в большинстве своем тоже коробкообразных форм. И я чувствовала фоновый вибрационный поток. Он исходил отовсюду. Со всех сторон этой коробки. Он как бы пронизывал ее извне.

— Мир — коробка, — сказала я.

— Это не мир. Это квартира.

— Квартира — коробка.

Он засмеялся.

— Да уж. Именно коробка.

— Я с трудом находила взаимосвязи между тем, что видела и слышала, и той информацией, которая этому соответствовала. Так, часть увиденных коробок была отнесена к книгам, часть — к шкафам, часть — к аппаратуре... Некоторые я не смогла идентифицировать. Информация не находилась. Я подняла голову.

— Это люстра, — сказал он, видимо, осознав мои внутренние усилия.

Я посмотрела на себя.

— Это твое тело... Это рука... Это палец.

Я оттопырила один палец. Неплохой инструмент. Стала дотрагиваться им до всего подряд, начиная от предметов и заканчивая самим Кириллом.

— Это глаза, нос, рот, зубы... Э-э-э, поаккуратнее, пожалуйста, милый ребенок. Это язык.

Потом он научил меня ходить. И мы ходили по его квартире, которая состояла из нескольких коробок разных размеров. Самой интересной была коробка, которую он называл кухней. Это целый мир. Можно утонуть в этом мире, рассматривая и щупая то, что там есть. Но самое главное, там был мандарин. Это невиданное и изысканное создание. Оно живое и трепещущее. Оно пахло так, что невозможно было от него оторваться. И его можно было попробовать. У него был запах, и у него был вкус. Что такое вкус? Доступные определения вкуса представлялись разнообразными и противоречивыми. Но общее впечатление складывалось в пользу вкуса и в пользу еды. Есть, судя по всему, было приятно, хорошо, забавно, в общем, положительно.

Я вертела в руках мандарин, не решаясь на более энергичные действия.

Потом, собравшись с духом, я поднесла его к губам и надкусила. Волна неописуемого восторга прокатилась по моему телу. Ощущение вкуса...

— Стой, стой, стой... — Он вдруг выхватил у меня мандарин. — Выплюнь. Это не едят. Это корка. Ее нужно удалить. Убрать. Снять. Понимаешь? То, что едят, внутри. — Он проворными движениями стал снимать с мандарина поверхностный слой.

— Мне было вкусно, — сказала я. — Мне и корка вкусно. Для того, кто не знает, что такое вкус, вкусно все. Дай. — Я показала на корку.

Он быстро выкинул все корки в какую-то корзину и прикрыл ее маленькой дверкой.

— Нет уж, на лучше мандарин. — Он разломил его, и оказалось, что он состоит из долек. — Ешь дольками.

Я аккуратно положила в рот одну дольку и стала ждать. Но ничего не происходило. Усилился запах, во рту сделалось холодно, и начало немного пощипывать в некоторых местах.

— Кусай. Не бойся.

Я дотронулась зубами до мандариновой дольки, надавила.

— Течет. Он течет. Вкус течет. Приятно. И колется. Колется тоже приятно. Вкус течет. — Я испытала что-то наподобие экстаза.

— Это не вкус течет, а сок. В мандарине есть сок. Сладкая вода. Нет, кислая. Сладко-кислая вода. Она и течет. Сок вкусный, — подытожил он.

— Сок вкусный.

— Сок мандарина вкусный. Но сок может быть и невкусным.

— Сок может не иметь вкуса?

— Я не это имею в виду...

Я посмотрела на него с непониманием.

— Я не это хотел сказать. Вкусный не означает, что что-то имеет вкус. Вкусный значит приятный.

Я покопалась в своей голове, вернее, в чужой. Обилие информации меня уже не очень сбивало. Я спокойно сканировала доступность, пока не находила то, что меня интересовало.

— Вкус бывает разным, — сказала я. — Плохим и хорошим. Любим. Но то, что вкусно, всегда хорошо. Правильно?

— Абсолютно.

Я напряглась.

— Правильно, — уточнил он.

Я положила в рот еще одну дольку и начала ее давить. Он улыбнулся.

— Ты можешь ее надкусить. Так сразу будет больше вкуса.

Он посмотрел на кругляк на стене. Я просканировала информационное поле.

— Часы, — сказала я.

— Ты молодец. Но тебе пора.

— Пора?

— Пришло время прощаться.

Я огляделась, чтобы посмотреть, кто пришел.

— Никто не пришел...

Он долго подбирал слова. Наверное, в его голове было такое же хранилище информации, как и в моей. Наконец он произнес, разделяя слова:

— Сейчас... нужно... тебе... вернуться туда, откуда... ты пришла.

— А откуда я пришла?

— Оттуда. — Он показал на мою голову. — Но я тебя скоро позову. Хочешь?

— Конечно, хочу. И ты дашь мне мандарин.

Больше я ничего не помню. Я снова обрела себя и стала Сенкой. Плотный мир исчез, как будто его не было.

— Что с тобой? — спросил Го.

— Я только что где-то была.

— Ты была со мной.

— Но... Я видела. Не так, как мы видим... Как-то по-другому. Ограниченно и плоско. Как бы с одной стороны и очень поверхностно. Я видела поверхности... — Я не могла ему объяснить. — Я плохо помню...

— Так что ты видела плоско и поверхностно?

— Не знаю... Что-то очень странное. Я не могу это описать. Но там был ты. Поверхностный. Мне не удалось тебя вместить и в тебя вместиться. Ты был весь закрыт для меня и говорил словами...

— Какими такими словами?

— Не знаю. Не так, как мы говорим. По-другому. Слова тоже очень ограниченные, и их нужно подбирать, чтобы с их помощью выразить мысль. Мысль там состоит из слов.

Он выразил молчаливое сомнение и озабоченность.

— А с чего ты взяла, что это был я?

— Я знаю. Я просто знаю, что это был ты.

Его озабоченность усилилась.

— Ты дал мне мандарин.

— Мандарин?

— Он течет и очень вкусный.

— Вкусный?

Я поняла, что дальнейший диалог не имеет смысла, и замолчала.

— Что с тобой? — он проявил растерянность.

— Не знаю. — Я ушла в себя.

— Не уходи. — Го проявил нежность. — Я люблю тебя. И мы разберемся со словами и мандаринами. Только больше никому не говори обо мне плоско и ограниченном. Ладно?

— Ладно. — Мне уже самой казалось, что ничего и не было...

Он звал меня, целуя пространство и время, которых не существовало в моей реальности, но я ответила на поцелуй.

— Привет.

— Здравствуй, — сказала я, обнаружив в голове еще шесть эквивалентов слова «привет».

— Ты кто?

— Не знаю. — Я все еще не помнила себя.

— Я Кирилл. Ты помнишь меня?

— Помню. А это кто? — я показала на свое тело, на тело, ставшее моим.

— Это Кира.

— А где она сейчас?

— Не знаю... Я думал, ты знаешь...

— Я?

Я заглянула в Кирину голову. Попыталась там отыскать свою. Не получилось...

Но какая-то тень промелькнула где-то рядом, что-то, что я не успела поймать за хвост, но это что-то было, безусловно, мной. Тем, с чем я пришла сюда, но по какой-то причине оставила на входе.

— А почему Кира ушла? — спросила я.

— Потому что я тебя позвал. В ее тело.

— А зачем ты меня позвал?

— Чтобы узнать тебя. Поговорить с тобой.

— А зачем?

— Один мудрый человек посоветовал мне так поступить. У Киры большие проблемы. Она... Она плохо вибрирует... Ее вибрации убивают все вокруг, да и ее саму. Вибрации — это колебания...

— Можешь не объяснять. Все про вибрации и колебания, частотные функции я знаю. Здесь все это аккуратно собрано. — Я показала на свою голову. — Это просто. Это математика. Она не зависит от вкуса. Вкус — сложно. Математика — просто.

— Она не такая, как все люди. Вот ты здесь... Именно потому, что она необычная. И она в беде.

— В беде, потому что необычная?

— И так можно сказать. Так вот. Один мудрый человек сказал, что ты можешь нам помочь, если ты есть...

— Ты сомневаешься?

— Теперь нет. Но сомневался.

— И как я могу помочь? Я согласна помочь. Я хочу помочь. — Мне нравилось произносить слова и слушать, как они звучат. Смысл от меня иногда ускользал. Но вот звук! Как это здорово, слышать, что ты говоришь, и... — Мандарин дай. — Я вспомнила про дольки, которые текут.

Он, вероятно, заготовил мандарин заранее, поскольку по первому требованию тут же мне его предъявил.

— Чисть, — сказала я.

Он улыбнулся и стал удалять поверхностный слой.

— На, вот. — Он протянул мне дольки, а потом терпеливо ждал, пока я их все высосу.

Пока я ела мандарин, я не могла ни на что отвлекаться. Процесс был священным для меня. Я чувствовала вкус, запах, холод, текучесть, упругость и не хотела это ощущение ни с чем делить. Это было великолепно. Ни с чем не сравнить это удовольствие.

Когда заморозка спала с меня, он продолжал.

— Этот человек сказал, что ты — Кирина Сила, что у Киры внутри есть сущность, обладающая своим собственным сознанием. И эта сущность помогает Кире и даже принимает решения на себя и действует по своему усмотрению, когда Кире грозит опасность.

— Значит, я — Сила.

— По крайней мере, когда я тебя звал, то так думал...

— Теперь не думаешь?

— Я не знаю, что и думать. Муслим, так зовут этого человека, предупредил меня, что может явиться кто угодно, потому что Сила там или не Сила, никто никогда не проверял. Может, там и нет никого.

— Кто-то есть, — гордо сказала я. — Будем считать, что я — Сила.

Он хитро сощурился.

— Ну да. Похоже, у нас пока нет выбора.

— Так что я должна делать?

— Для начала убрать эти жесткие вибрации, которые меня скоро совсем добьют.

Я ушла в себя. Вернее, в Киру. Да, она излучала. Но она таким образом защищалась. Я видела это. Я знала это. Просто знала и просто видела.

— Нельзя, — сказала я.

— Что нельзя?

— Убрать эти вибрации. Ее структура нарушена, и нарушена очень сильно. В ней сейчас происходят восстановительные процессы — на твоём языке — она зализывает раны. И эти процессы рождают именно такие вибрации. Терпи. Даже... Тебе и терпеть-то не надо...

Я закрыла глаза и увидела его не глазами, а как бы изнутри. Он представлялся большим темным вихрем, вращающейся воронкой.

— Раскройся навстречу этим вибрациям, прими их, и они утонут, растворятся, исчезнут в твоей бездне. Ты пуст. Ты даже не вибрируешь сам... Нет, вибрируешь, конечно, любое живое существо вибрирует, просто ты сам тут же засасываешь все, что излучаешь.

— А я не пораню Киру?

— Ты ее уже поранил... Хуже не будет.

— Ты это видишь?

— Вижу.

— Так ты все-таки Сила?

— Может быть... Я не помню.

Самым приятным процессом была еда. Я ела медленно, и могла бы, наверное, есть бесконечно, пробуя все новые и новые продукты, но всегда наступал конец моему празднику. Что-то происходило в теле, и я не

могла больше есть. В животе, похоже, кто-то жил, и когда он наедался, то однозначно давал знать об этом. Мне хотелось еще и еще, но я больше не могла. Кирилл обычно говорил, что даст мне в следующий раз что-нибудь новенькое. И он никогда меня не обманывал.

Я свободно могла добираться до любой информации, которая хранилась в отсеках, а точнее в верхних отсеках, в тех, что были на поверхности и использовались наиболее часто. И судя по этой информации, в мире, куда я странным образом попала, было много того, чего не было в квартире-коробке. Вернее, квартира-коробка со всем ее содержимым, со всеми вкусами, представлялась бесконечно малой частью целого. Так, например, Кира очень любила плавать. Отсеки с морями и океанами, морскими животными, рыбами и кораллами всегда находились на поверхности, были сильно эмоционально окрашены и самопроизвольно распаивались. Мне ужасно захотелось плавать. Но в квартире-коробке для этих целей была только ванна, и насколько я уже тогда понимала, не очень-то уж и подходила. Еще мне хотелось рисовать. Но с этим проблем не возникло. Кирилл предоставил мне поле для деятельности, снабдив меня всем необходимым: бумагой, карандашами, красками и кисточками. Карандаши меня разочаровали. Нужно было на них нажимать, чтобы добиться яркого цвета, они часто ломались и рисовали тонкими линиями. Мне не понравилось. Зато краски были восхитительны. Я не могла от них оторваться. После того как я изрисовала всю бумагу, стала раскрашивать себя и Кирилла. Было здорово и весело.

Но я все еще не помнила себя и не понимала, почему должна расставаться с Кириллом. Я хотела с ним

жить. Мне нравился его мир. Он был интересный, вкусный и перспективный, то есть обещающий еще много всего нового, вкусного и интересного. Я просила Кирилла оставить меня с ним, но он отказывался. Говорил, что нельзя, что иначе погибнет Кира. Я верила, но начинала Киру не любить. Тем более что Кирилл на нее иногда жаловался.

Но уговорить его показать мне мир, который не коробка, у меня все-таки получилось. Но все оказалось непросто. Чтобы попасть в этот мир, нужно было одеться. И это оказалось сложно. Мне хотелось все сделать самой, чтобы Кирилл понял, что я не хуже Кире, и умею почти все, что умеет она. Но надеть сапоги и куртку я сама не смогла. Хотя и посмотрела в голове, как это делается. Кирилл смеялся.

Мир обрушился на меня и раздавил своей массой. Я смотрела по сторонам, старалась идентифицировать то, что я вижу и чувствую. Но мне это удавалось далеко не всегда. Кирилл все объяснял, показывал, рассказывал — я только и успевала, что вертеть головой и раскладывать информацию по отсекам. Но в какой-то момент я не выдержала. Перед глазами все поплыло, и большой мир пропал.

Когда я открыла глаза, мы снова находились в квартире-коробке.

— Как ты, малыш? — спросил он.

— Хорошо, — ответила я.

— Тебе пора. Уже прошло много времени. Скоро увидимся. — Он явно спешил и нервничал. — Пока. — Он поцеловал меня и крепко обнял, закрыл глаза и начал что-то шептать. Но меня не уносило от него. Сознание мое не захлебывалось. Я продолжала помнить и ощущать себя.

Он отстранился. Посмотрел на меня, как будто проверяя, я это или не я.

— Я здесь, — сказала я.

Он провел рукой по своему лбу. Потом еще раз. Потом другой. Мне показалось, что он дрожит.

— Иди ко мне. — Он опять обнял меня и заново начал свои манипуляции. Он повторял их снова и снова. Но ничего не происходило.

— Я есть хочу, — сказала я.

— Что? — У него тряслись руки, глаза блестели, кончик носа вздрагивал.

— Я есть хочу, — повторила я.

Он молчал и смотрел на меня с ужасом. Он не кричал, не плакал, не стонал и не сжимал кулаки. Он просто смотрел на меня. А в его глазах я видела холодный, рассеянный ужас.

Он отступил, сел на диван, опустил голову.

Я пошла на кухню. Открыла холодильник, взяла мандарин и стала его есть. Я не знаю, зачем чистят мандарины. По-моему, и поверхностный слой у них вполне вкусный. Ну да, он не течет. Но зато как пахнет!

Когда мандаринов больше не осталось, я вспомнила про него и пошла назад в комнату, где он сидел.

— Я съела все мандарины. Нужно пойти в магазин и купить еще.

Он не поднял головы.

— Купим.

— Что-то случилось? — спросила я и обняла его за шею. — Ты не можешь вернуть Киру?

— Не могу.

— Но у тебя есть я. Я буду вместо Киры. Я много уже что умею. А чего не умею, тому научусь.

— Что ты умеешь? — Голос его дрожал, и, по-моему, он плакал. Бесшумно как-то плакал. Лицо

было мокрым. Наверное, от слез. — Мандарины откусывать?

Я не рассердилась. Я видела, что ему плохо. Не очень понимала... Но видела, и этого было достаточно.

— Я люблю тебя, — сказала я и поцеловала его в нос.

Он посадил меня к себе на колени и крепко обнял. А я обняла его. Мы долго так сидели. Обнявшись. И я чувствовала, как он плачет.

— Кто ты? — спросил он.

— Не знаю, — ответила я. И это было правдой. Моей правдой. На тот момент.

Я была довольна, что этот странный мир теперь не уйдет от меня, а останется со мной. Я привыкну к этому миру. И смогу воспринимать его, не испытывая при этом неудобства. Я научусь.

Но почему он так печален? Он потерял Киру? Но Кирино тело не потерялось. Значит, он хочет, чтобы Кира была не снаружи, а внутри. А внутри теперь я. Мне нужно стать Кирой. И тогда он не будет плакать.

— Я Кира, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Нет, ты не Кира.

— А откуда ты знаешь?

— Вижу.

— Нет, ты видишь именно Киру. Откуда ты знаешь, что внутри у нее не она, а я?

— Ты совсем другая. Смотришь по-другому. Говоришь по-другому. У тебя другое лицо. Выражение лица. Мимика...

— Мимика?

— Твое лицо очень подвижно. Оно как будто разговаривает со мной.

— Я говорю ртом.

— Кира говорит ртом. А ты еще и лицом... И даже всем телом.

Я зажалась. Сжалась. Напряглась и замерла. Он смеялся. Но не потому, что уже не плакал. Он смеялся надо мной. Над моими попытками стать Кирой.

— Не нужно этого делать. Ты замечательная. Такая, какая есть. Я люблю тебя. Не старайся быть похожей на Киру. У тебя все равно не получится. Даже если ты научишься контролировать свое тело. Свои внешние проявления...

— Почему?

— Потому что внутри ты никогда не станешь Кирой.

— Почему?

— Это невозможно.

— Почему?

— У вас разная история.

— История? Какая история?

— Прошрое. И осознание этого прошлого.

— Я вижу ее прошрое. Оно будет моим. И я осознаю его...

— Не нужно.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы ты была Кирой.

— И ты не будешь плакать?

— Не буду.

Он встал с дивана.

— Пойдем спать. Уже поздно.

— Поздно?

— Ночь.

Он подвел меня к окну.

— Видишь, темно?

— Темно...

— Ночью нужно спать.
— Нужно?
— Ну, нет, не обязательно. Если хочешь. Я хочу.
Очень. Я устал.

Я сидела рядом с ним и смотрела, как он спит. Я не спала. Не хотела.

Перед тем, как заснуть, он сказал мне, чтобы я лежала тихо с закрытыми глазами. Не шевелилась. Я лежала так немного, но не уснула. Не шевелиться было трудно, а глаза все время открывались, и мне хотелось встать. Я все время думала, что вот, наконец, я задержалась в этом мире и могу его исследовать и изучать, а вместо этого я спокойно лежу с закрытыми глазами. Я не понимала, что значит «спать» и зачем «спать», а он не успел мне это объяснить.

Когда он проснулся, я сидела на полу и смотрела большие книжки с картинками на гладкой холодной бумаге. Интересная такая бумага. По ней можно водить рукой, и это очень приятно. Чувствовать эту бумагу. А еще у нее есть запах. Не такой, как у мандаринов или у клубники. Совсем другой. Но тоже приятный и вкусный. Я водила по листам руками и носом. И было хорошо.

Больше всего мне понравилась плоская и большая книжка, на которой было написано:

«Великие мастера живописи.

Василий

Кандинский.

Михаил Герман».

Там красивые и пахучие картинки.

— Ты уже проснулась? — спросил Кирилл.

— Я не спала, — ответила я. А в голове моей открылся какой-то отсек. И я поняла, что могла сказать

и что-то другое. То, например, что ему понравилось бы больше. Сказать то, что он хотел услышать.

Но я уже сказала то, что сказала. К тому же была совсем не уверена, что нужно и лучше говорить, чтобы больше ему нравиться.

— Плохо...

— Почему?

Он не ответил, а подошел ко мне вплотную, прижал и опять начал что-то делать.

— Не получается? — спросила я.

Вместо ответа он взял меня за руку и повел в ванную.

Оказывается, здесь не все так приятно. Чистить зубы мне совсем не понравилось. И хотя белый червячок, который он называл зубной пастой, имел хороший запах, процесс раздавливания его колючей щеткой мне не понравился. Я кашляла и отплевывалась. Он смеялся.

— Вот видишь... А будут еще и месячные...

— Что будет? — не поняла я.

— Потом узнаешь. Тоже не очень приятная штука...

Потом я много чего узнала. Но главное, я поняла, что то, что я могла покидать это тело, не так уж и плохо, поскольку с этим телом все обстояло не так просто. Временами внутри что-то взрывалась, ухало и гудело. Что-то самопроизвольно сжималось и разжималось, ныло, болело, кололо и kloкотало. И почти ничего нельзя было сделать. Вернее, можно. Мог Кирилл. Я говорила ему, что нужно делать, чтобы война моего тела затихла. И у него получалось. И он радовался, что у него получается.

Я поняла, зачем нужно спать, и полюбила сон. Спать оказалось совсем неплохо, а иногда даже инте-

ресно. Во сне тоже можно было узнавать и чувствовать. Там тоже был мир. Иногда совсем другой, а временами тот же самый. Настолько тот же самый, что трудно было отличить, спишь ты или нет. И я путалась.

Еще мы занимались любовью. Или сексом. Я не поняла разницы. Но видела эту разницу в Кириной голове. Для нее разница была. Для меня — нет. Мне понравилось, что бы это ни было: секс или любовь. Очень. Чувства и ощущения переполняют тебя, и ты вот-вот взорвешься. От восторга и переполнения. Очень приятные переживания. Такие же восхитительные, как вкус мандарина. Возможно, даже более острые. Хотя мандарин все же очень хорош.

Кирилл повторял свои манипуляции по возвращению Киры. Раз или два в день. Мне это не нравилось. Я не могла понять, какая разница между мной и ей. Ведь у нас одно и то же тело. Также, вероятно, как не могла понять отличия любви от секса... Я многого не понимала. Но не спешила говорить об этом Кириллу. Что-то присутствовало у меня в голове, что-то, что подсказывало мне, что скоро я все пойму. Какая-то тень кружила вокруг. Тень откровения.

Мне хотелось сделать ему что-то хорошее. Чтобы порадовать, развеселить, успокоить.

Я нарисовала ему картину.

Научилась резать овощи и делать салат.

Целовала и гладила его лицо и тело.

Я ходила с ним в магазин и мыла посуду.

Слушала его любимую музыку и пела.

Я вернула ему Киру.

— Не знаю, как это случилось, — сказала я Го. — Я вообще плохо помню, что происходило со мной там.

— Насколько я понял, там ты вообще не помнила себя. Не знала, что ты Сенка.

— Да, совсем не знала.

Го проявил сомнение.

— Твое сознание играет с веществом мира. Ты была со мной. И нигде больше.

— Да, я была с тобой. Кирилл — это ты. А я — это Кира.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю. Я просто знаю.

2

— Привет.

— Здравствуй, Кирилл.

— Рад тебя видеть.

— И я рада. Ты снова звал меня... И я пришла.

— Да, звал. Я соскучился.

— И ты не боишься?

— Боюсь? Чего?

— Что не сможешь вернуть Киру.

— А... — Он обнял меня и поцеловал. — Боюсь, конечно. Немного.

— Но?

— Я очень хотел тебя увидеть. Ты замечательная. Я скучал...

— Как Кира?

— Нормально.

Я помнила себя. На этот раз помнила. Как будто кто-то повернул ключ в голове и открыл дверь. И мое сознание полностью завладело теперь этой головой. Правда, не очень уверенно.

Я знала, что я Сенка. Что я умею проникать. Что долго была одна. Очень долго. Бродила по мирам. Но теперь я с Го. Я в Гесе. Но это знание было где-то далеко, за облаками из навалившихся чувств и ощущений. Но оно было.

— Как ты? — он заглянул мне в глаза.

— Хорошо.

Рассказать ему, что я Сенка, или пусть думает, что я Сила? Но может быть, я все-таки Сила? И Сенка, и Сила одновременно. И Кира. И много еще кто. Я многоликая. Я просунула части себя в разные миры...

— Хочешь мандарин?

— А есть?

— Есть. Я подготовился.

— А еще что есть?

— Сок, торт, конфеты...

— А «Хеннеси» есть?

— Коньяк?

— Да. Наверное.

— Откуда ты знаешь про коньяк? И почему именно «Хеннеси»?

— Кира любит.

— Понятно. Ты хочешь быть как Кира?

— Нет, я хочу попробовать все, что она любит. «Хеннеси» и плавать.

— Ну, коньяка я тебе налью, не вопрос. А вот с плаванием не знаю, как быть. Нужно ехать к морю.

— Можно в бассейн...

— Ты и про бассейн знаешь.

— Знаю. Тут все есть. — Я постучала по своей голове.

— Ну, нет, в бассейн мы пока не пойдем. Там свои тонкости. А вот на море, наверное, скоро поедем. Даже не поедем — полетим. На самолете. Хочешь?

— Хочу. Ты покажешь мне самолет? Я имею в виду, ты пригласишь меня в свой мир, когда мы будем лететь в самолете?

— Не обещаю, но постараюсь.

— А когда мы полетим?

— Не знаю точно. Но это будет обязательно.

— А почему к морю нужно лететь?

— Оно далеко. Можно, конечно, доехать на поезде или на машине. Даже пешком. Тоже в принципе можно. Но долго.

— Скорость самолета самая большая?

— Ну да...

Но в своей голове я увидела, что это не так. Кириллу очень не хотелось углубляться в объяснения. Но он сделал это. Он очень хороший и добрый. Я люблю его.

Почему-то он не спрашивал меня, как обычно, кто я. Видно, уже не рассчитывал, что я вспомню себя. Но я вспомнила, вернее, нашла отсек, где находилась моя история.

— Я Сенка, — сказала я. — А ты — Го.

И я рассказала ему про наш мир и про другие миры, которые я знала и чувствовала. Он как-то странно слушал меня. Не то в радости, не то в испуге, не то в сомнении.

Я говорила, запинаясь и путаясь, с трудом подбирая слова. Я слушала свой голос и понимала, что рассказывать ему про все это, наверное, не имеет никакого смысла, поскольку я сама плохо все помнила и представляла — какой-то туман окутал мое сознание. А то, что помнила, не могла выразить с помощью понятий, находящихся в голове — настолько они были неуклюжими, неподходящими, робкими, настолько не соответствовали моему восприятию.

Он волновался и внутренне суетился. Я видела это. И перестала рассказывать.

— Продолжай... — он взял меня за руку. — Мне очень интересно все, что ты говоришь.

— Я хочу «Хеннеси».

— Я не уверен, что это хорошая идея.

— Почему? Я опьянею?

— Не знаю точно... Наверное.

— Но ведь коньяк пьют, чтобы пьянеть. Да?

— Не совсем.

Я покопалась в голове.

— Ну, чтобы расслабиться. Развеселиться...

— И для этого тоже... Наверное...

— Тогда и тебе нужно выпить коньяку. Ты расслабишься и сможешь меня слушать.

— Это точно.

Мы выпили.

«Хеннесси» был совсем не вкусный. И он обжег мне весь рот и даже ниже. Ниже внутри рта. И чуть не вылился назад. Непонятно, почему его так любит Кира. Но после «Хеннесси» стало хорошо. И мне, и Кириллу. И он уже так не напрягался. Мы смеялись и целовались, и было весело. И я рассказывала ему дальше про наш мир. Еще и еще. И мне уже было все равно, насколько правильно я говорю, а он понимает.

А потом мы занимались любовью. Или сексом. Я все еще не видела разницы.

— Ты оставишь меня вместо Киры?

Он не ответил, а я знала ответ.

3

Я Сенка. Сенка ли? Но это уже неважно. Я есть. Это важно. Я могу проникать и путешествовать по мирам, изменяя свои числа. А еще я могу чувствовать, как меня зовут из других миров, и приходить на этот зов. Получается, что мои числа может изменять и кто-то другой...

Кирилл звал меня в свой мир, и я всегда откликнулась на этот зов. Мне нравился его мир и нравился Кирилл. Я впервые могла действовать в плотном мире и чувствовать его благодаря предоставленному мне телу.

Я назвала этот мир Киром. Кир — замечательное место. Мир удивительных форм. Никогда ранее мне не приходилось наблюдать такого разнообразия материи. Наверное, потому что все миры, которые были мне в той или иной степени доступны, содержали намного меньше вещества, были разряженными и ограниченными по набору возможностей образования плотной формы. Здесь же форма царствовала и буйствовала. Каждый раз я видела и узнавала что-то новое и невообразимое. Но больше всего меня потрясла природа: растения, насекомые, животные. Я могла подолгу рассматривать цветок или муху, или каплю воды, я разговаривала с воронами, собаками и даже с рыбами. Кирилл показал мне рыб, и я их полюбила. Они замечательные. Красивые и очень общительные. Почему-то люди считают, что они не умеют разговаривать...

Люди... Они, пожалуй, единственное, что не нравится мне в этом мире. Чего и опасаясь, и что стараюсь обойти. От них веет страхом, угрозой и неудовлетворенностью. Они иногда так вибрируют, что я теряю сознание в их присутствии. У них напряженные лица, пронзительный взгляд, и они все время что-то ищут. Что они ищут? Они постоянно куда-то спешат и всегда чего-то хотят. Они чем-то обеспокоены и не находят себе места. Я не понимаю, что им нужно. Я считаю их безумными.

Они одержимы действием. Они все время что-то делают. Что-то улучшают. Им недостаточно того, что у них есть, даже если у них есть все. Они обязательно выдумают то, чего у них нет, и будут этого хотеть и расстраиваться от того, что хотят. Они все время из-за чего-то расстраиваются и что-то хотят. Они не могут принять мир и себя такими, как они есть. Они хотят все упорядочить и взять под контроль. Даже природе.

Они хотят жить в предсказуемом и организованном в соответствии с их желаниями мире. Все, что вызывает у них боль, отвращение, страх или тревогу, они стремятся устранить. Но ведь это может быть устранено только вместе со счастьем, радостью, беззаботностью. Тогда они получают нейтральность. Но они не хотят нейтральности. Они не хотят, чтобы было никак. Они хотят, чтобы было хорошо. Но ведь тогда должно быть и плохо.

Зачем они нужны вообще? И почему их так много? Достаточно бы было одного Кирилла. Или двух. Кирилл не как все. Он хороший, добрый и радостный. И если он о чем-то переживает, так это только о Кире. Он любит ее. А за ней охотятся какие-то люди. Жестокие. Которые тоже чего-то хотят. От Кире. Я так и не поняла, чего именно. Они как будто пытаются загля-

нуть в вечность. Только зачем им для этого Кира? Пусть смотрят в себя. Во внутрь себя. Там их вечность. А в Кире вечность только ее собственная...

Там, с Кириллом, я была не совсем я. А иногда мне казалось, что это совсем не я. Я все время чувствовала и ощущала все: вкус, тепло, холод, удовольствие, испуг, разочарование, радость, даже гнев — чувствовала даже тогда, когда не хотела. Я ощущала свое тело, его импульсы, напряжение и расслабление; прикосновения одежды, предметов и других тел. Постоянно. Я пользовалась чужими понятиями, говорила словами, смотрела, как через трубу, видела поверхности и думала, что хотела, потому что мои мысли никто не мог узнать. Я не только доставала из отсеков любую информацию, но и могла ей пользоваться. Если она была однозначной. Но часто понятия и слова имели какой-то дополнительный, недоступный для прямого сканирования, странный, извращенный смысл. Было сложно ориентироваться, и я захлебывалась в попытках идентификации предметов, отношений, чувств. Кирилл иногда смеялся, замечая мои трудности и неудобства. Но чаще сдерживался и терпеливо объяснял мне все детали восприятия мира.

Кирилл научил меня кататься на велосипеде. Мы ездили по парку и разговаривали. Он все время о чем-то меня спрашивал. Причем не только о том, что я должна была знать, не только о нашем мире, его устройстве, взаимоотношениях между сущностями, о рабах, о Тарнаме, но и о том, что ему делать в его мире, как жить, к чему стремиться. Он почему-то думал, что я знаю ответы на эти вопросы. Ну, если не я, то хотя бы Го. Очень странно. Он думал, что если есть

связь между нашими мирами, между мной и Кирой, им и Го, то мы с Го что-то вроде их с Кирой внутренних сущностей и мы должны все знать. Там, с Кириллом, мне и самой так иногда казалось, хотя я и ничего такого не знала, о чем он меня так настойчиво спрашивал. Но когда я попадала к Го и внимала его нравоучениям, я уже не была ни в чем уверена.

— Если этот мир даже и существует вне игры твоего воображения, — говорил он, — то ты идентифицировала себя с Кирой, потому что попала в ее тело, а меня с Кириллом, потому что он оказался Кириным Госепом, ты мыслила согласно известным тебе отношениям и возможным аналогиям.

— А на самом деле?

— Неизвестно. Мы не можем этого знать. Это может быть как угодно. В любом случае тебе не следует об этом думать. Это противоречит твоему естеству. Тому естеству, в котором ты сейчас отображаешься, даже если ты где-то там и Кира. Ты там Кира. А здесь Сенка.

— Но если все же ты здесь Го, а там — Кирилл, что мне ему передать? Как отвечать на его вопросы?

Го каждый раз отвечал по-разному и для меня непонятно. Но иногда на него что-то находило, и он вдруг проявлял интерес к тому миру, где он, может быть, Кирилл, и пускался в пространные и неоднозначные рассуждения, и даже давал советы. Но поскольку он не мог мыслить в образах того мира, то советам его трудно было следовать, да и просто их понять. Кирилл и не понимал, но всегда благодарил меня за любую информацию.

Но в обычном своем состоянии Го не приветствовал моих рассказов о другом мире.

— Я не могу и не хочу тебе запрещать проявляться там и действовать в том странном теле. Но я прошу тебя не переносить пережитое и прочувствованное тобою сюда.

— А я и не могу перенести. У нас нечем чувствовать...

— Да, у тебя отсутствует чувственная память. Но ты хранишь и пытаешься передать мне информацию о чувствах.

— Да. Тебе разве неинтересно?

— Это не мой интерес.

Я и сама понимала, что изменяюсь из-за своей связи с плотным миром, из-за переходов туда-сюда. Но эти изменения не волновали меня. Они просто были. Мы у себя никогда не даем оценки происходящему. Все просто есть. Мы действуем как велит нам наше естество. И согласно законам нашего мира. Я быстро забывала события, которые происходили со мной в плотном мире, и полностью погружалась в тишину и спокойствие мира Гесе. Но что-то оставалось. Что-то влияло на меня. Я не осознавала это влияние, но оно тянулось по каким-то неведомым ниточкам из того мира в наш, подтачивая сущность моего существа и придавая ей другой, новый для нее смысл и значение.

Изменения эти проявились, когда вернулся Зарк.

— Извините, что заставляю привлечь к себе ваше внимание, — сказал Си, когда мы с Го были заняты друг другом и совершенно не хотели отвлекаться.

— Добро пожаловать, Си. Мы всегда рады тебя видеть, — ответил Го, а я подумала, что вовсе не рада, но попыталась скрыть свои мысли. Но это сделать

очень непросто, когда имеешь дело с Си, и у меня не получилось.

— У Сенки твоей несколько другая точка зрения. Но я разделяю ее в спокойствии. Эя не всегда рада видеть старика. Старик занудный и скучный... Правда, Эя?

— Временами.

Появился Кей.

— Он уже здесь, — сказал он Си.

Го напрягся. Я вытянулась и помогла ему увидеть.

— Зарк? — Го сделался огромным и темным.

Кей привлек мое внимание и завладел им. Си устремился к Го.

— Да. Пришел Зарк. Со своей Сенкой.

— Зарк обзавелся Сенкой?

— Ее имя Аша.

— Я вижу.

— Я не сомневаюсь в твоём видении, но то, что ты видишь, требует обсуждения и осмысления.

Я попыталась вмешаться, почувствовав что-то странное и новое. Кей остановил меня.

— Не нужно. Пусть поговорят.

— Что-то случилось?

— Что у нас может случиться? — Кей весело вертелся вокруг меня. — Просто грядут перемены.

— Какие такие перемены?

— Число Зарка поднялось выше числа Го. У нас будет другой лидер.

— Чудесно, — сказала я. — Го никогда не хотел быть Первым.

— А ты?

— Я как Го. Мне все равно.

Кей взвился, превратился в облако и пролился на меня дождем искр.

— А что это ты так веселишься? — спросила я.

— Я радуюсь за тебя.

— Есть причина?

— Угадай.

— Тебя так возбуждает наша с Го отставка?

— Меня возбуждает непредсказуемость событий нашего мира. — Он вдруг сделался серьезным и принял образ ученого. — В свете того что все, что происходит, легко можно было увидеть и спрогнозировать, меня бесконечно радует, что никому ни до чего нет дела. Никто не хочет ничего знать.

— Почему это никто? Я хочу.

— Ты не можешь видеть. Я говорю о Госепах. О Го, например.

— И что же не захотел увидеть Го?

— Что Зарк отберет тебя у него.

— Как это отберет?

— Число Зарка выше числа Го, а твое число больше, чем у Сенки Аши.

— И что?

— По законам нашего мира, Зарк и Го должны обмениваться Сенками... Ты уже чувствуешь притяжение Зарка?

— Нет, не чувствую.

— А должна бы уже... — Кей заглянул в меня. — Странно. Действительно не чувствуешь. Насколько я понимаю, ты должна перейти к Зарку автоматически. Сенки так устроены.

— Только не я.

Это было полуправдой. На самом деле я чувствовала притяжение Зарка, но я могла ему противостоять. Потому что я уже знала, что такое любовь. Знала,

что любовь — это больше, чем притяжение. И я продолжала любить Го, несмотря на то что меня тянул к себе Зарк. Тянул по законам нашего мира... Но законы Гесе уже не были законами для меня. И я боролась. Боролась сама с собой и с миром. А Го боролся с Зарком.

Зарк действительно был сильнее, но война протекала слабо и вяло. Война, собственно, велась из-за меня. Го с легкостью уступил свое первенство Зарку. Единственное, что он не собирался ему отдавать, была я. А Зарк никак не мог понять и взять в толк, почему я не притянулась к нему сама. Он не хотел войны. Он хотел меня. И сгорал от удивления, растерянности и непонимания. И вместо решительных действий со своей стороны, он все время оглядывался на меня и ждал, что его притяжение все-таки работает...

Но сработал совсем другой механизм. Мое число начало падать. Сначала медленно. Как будто нехотя. Как будто оно раздумывало и находилось в неуверенности, падать ему или нет. Потом же, казалось, перевалившись за какой-то определенный уровень, начало падать вполне уверенно. Вероятно, так мир реагировал на мое непослушание. А может быть, мир решил, что я вовсе и не Сенка уже, если веду себя не так, как должны действовать в подобных обстоятельствах Сенки.

Но самым удивительно было то, что число Зарка тоже скатывалось с максимальной отметки. Мир как-им-то, только одному ему понятным образом отреагировал на уверенность Го и растерянность Зарка. А может быть, и еще на что-то. Мне трудно судить. Я не вникала в ход и течение их войны, поскольку полностью была поглощена борьбой внутри себя. Каким-то неведомым внутренним усилием я удерживала себя рядом с Го и заставляла свое число уменьшаться.

В общем, в конце концов война потеряла всякий смысл и плавно перешла в свое отрицание. Число Го поднялось снова на высшую отметку, а число Зарка упало. Кроме того, я перестала интересоваться Зарка сама по себе автоматически, вместе с падением своего числа. Все встало на свои места. Единственное, что тревожило меня, так это то, что Го вслед за Зарком может потерять ко мне интерес. Он в отличие от меня не испытывал чувств в мире форм и не знал, что такое настоящая любовь. Но эта тревога посещала меня только в мире Кирилла, поскольку в Гесе не было для нее места...

В Гесе не было места для любых тревог, переживаний и ожиданий. Гесе — мир без прошлого и будущего. Мир настоящего. Мир без времени. Без времени на раздумья, на жалость, сочувствие, сопереживание, мечту. Мир без мечты. Мир без желаний. Но я, тем не менее, смогла найти в нем время и разложить события в определенном порядке, расставить персонажи, заставить их говорить словами. Благодаря Кириллу. Я смогла описать свой мир в понятиях, мне недоступных, смогла превратить его в мир следствий и причин, мир, который можно видеть, слышать и ощущать, переживать, где можно радоваться и мечтать.

Но время я видела только со стороны. Попадая к себе, я теряла понимание и видение последовательных структур, чужое состояние растворялось, а мое временное представление рушилось, с мерным шелестом падая мне под ноги, а потом и вовсе исчезало, сдуваемое ветром вечности.

Я могу рисовать картины своего мира, только находясь в мире Кирилла. И я рисую. Словами и красками.

ми. Из того, что я изображаю красками, Кирилл создает картины и вешает их на стены, а из моих слов он делает книгу.

Я Сенка. Сенка — вселенский странник, острая красная молния, жалящая тупую вечность; вывернувшая эту вечность наизнанку и там, со стороны изнанки, нашедшая спрятанное время. Спрятанное и потерянное. Спрятанное и потерянное кем? И чье это время? Если Сенка нашла свое время, значит ли это, что она должна умереть? А если она нашла не свое время, то чье оно?

Содержание

Часть
ПЕРВАЯ 3

Часть
ВТОРАЯ 117

Часть
ТРЕТЬЯ 171

Литературно-художественное издание

Колесник Елена,
Федорив Андрей

СЕНКА

Выпускающий редактор

Ю.Р.Камалова

Художественный редактор

М.Е.Басипова

Технолог

С.С.Басипова

Оператор компьютерной верстки

М.Е.Басипова

Корректор

К.В.Челнокова

Подписано в печать 15.04.2008

Формат 84x108/32

Тираж 2000 экз.

Заказ №

ООО «Бослен»

107259 г. Москва, Бухвостова 1-я ул.,

д. 12/11, стр. 17-18

Отпечатано в ОАО ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14